

А. В. Неклюдовъ

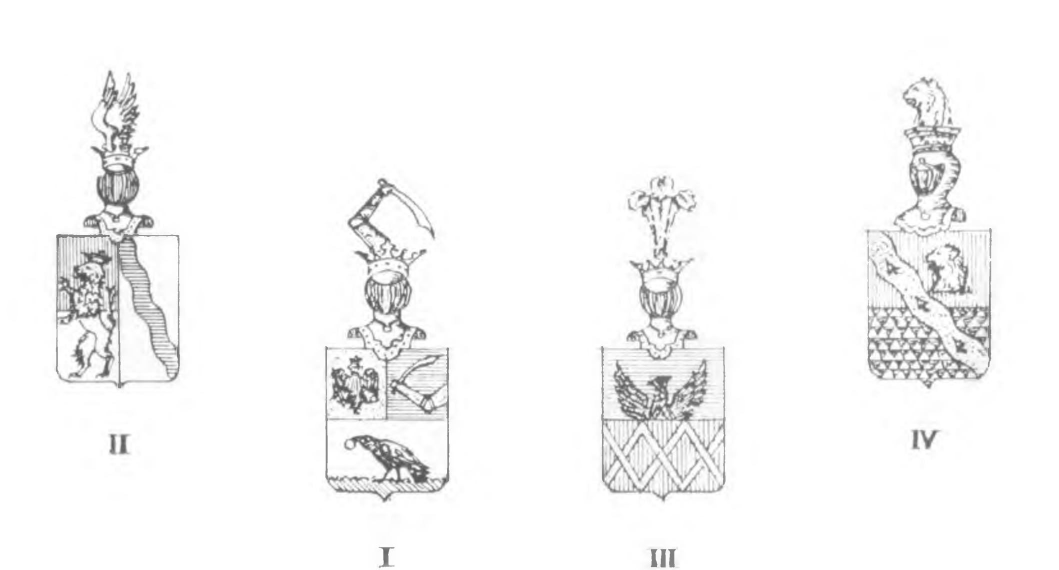
СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ

СЕМЕЙНАЯ ЛѢТОПИСЬ

съ предисловіемъ
И. А. Бунина

ЧАСТЬ I

Неклюдовы · Левашовы · Нарышкины · Строгановы

Дорогой дочери

Елизаветѣ Анатольевнѣ

Неклюдовой

принявшей въ моемъ трудѣ столь живое участіе, посвящаю я съ благодарностью эту первую часть "Старыхъ Портретовъ".

Авторъ.

Ницца

Апрѣль 1932.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

А. В. Неклюдовъ

СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ — СЕМЕЙНАЯ ЛѢТОПИСЬ

Авторъ «Старыхъ Портретовъ» Анатолій Васильевичъ Неклюдовъ родился въ 1856 году. Дѣтство и юность провелъ онъ въ Москвѣ и закончилъ свое образованіе въ Московскомъ Университетѣ. Поступивъ въ 1881-мъ году въ вѣдомство Иностранныхъ Дѣлъ, занималъ секретарскія должности: въ Болгаріи (1881-1883), въ Константинополѣ (1883-1891), въ Сербіи (1891-1899) и въ Штутгартѣ (1899-1904), а съ 1904-го по 1910 годъ состоялъ Совѣтникомъ Посольства въ Парижѣ; въ 1911 году онъ былъ назначенъ на постъ русскаго посланника въ Болгаріи, а въ началѣ 1914-го года на ту же должность въ Швеціи. Въ 1917-мъ году Временное Правительство перевело его Посломъ въ Испанію; но уже три мѣсяца спустя Г. Неклюдовъ покинулъ службу окончательно.

Поселившись съ 1918-го года на югѣ Франціи, Анатолій Васильевичъ посвятилъ свое отнынѣ свободное время записи служебныхъ и личныхъ воспоминаній. Въ 1920-мъ году появился въ Лондонѣ (John Murray édit. *) подъ заглавіемъ «* Diplomatic Reminiscences by Mr A. Nekludoff*» англійскій переводъ воспоминаній о годахъ дѣятельности въ Софіи, совпавшей съ балканскими войнами 1912-го и 1913-го годовъ, и въ Стокгольмѣ, куда авторъ прибылъ за четыре мѣсяца до всемірной войны и за три года до русской революціи. Вторая часть этихъ воспоминаній (1914-1917) появилась и во французскомъ текстѣ подъ заглавіемъ «* En Suède pen-

dant la Guerre Mondiale» — (Perrin et Cie Librairie Académique édit).

Еще ранѣе А. В. Неклюдовъ началъ писать свою семейную лѣтопись, которая — по первоначальному замыслу — должна была, въ немногихъ главахъ, служить вступленіемъ къ личнымъ воспоминаніямъ автора. Но это заданіе разрослось мало по малу въ три части, изъ коихъ первыя двѣ представляютъ собою какъ бы два отдѣльныхъ труда, завершаемыхъ третьею частью.

Въ настоящую минуту А. В. Неклюдовъ рѣшается познакомить русскую читающую публику съ первою частью лѣтописи, посвященною предкамъ автора съ отцовской стороны.

Весь трудъ — уже совершенно законченный въ рукописи — озаглавленъ: «Старые портреты — семейная лѣтопись». Заглавіе это оправдывается между прочимъ тѣмъ, что разсказъ иллюстрируется изображеніями главныхъ дѣйствующихъ лицъ, сохранившимися въ семьѣ автора.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ старомъ провансальскомъ городѣ Грассѣ судьба столкнула насъ съ почтеннымъ русскимъ дипломатомъ Анатоліемъ Васильевичемъ Неклюдовымъ и съ его семьею. Пріязнь, вскорѣ установившаяся между нами, дала намъ возможность ознакомиться съ трудомъ, которому Анатолій Васильевичъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей бодрой старости. Трудъ этотъ, озаглавленный имъ «Старые портреты — Семейная Лѣтопись», представляетъ собою запись всего того, что автору извѣстно о его предкахъ и дѣдахъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны.

Повѣствованіе А. В. Неклюдова обладаетъ качествами, присущими характеру самого автора: живостью, непосредственностью, изящной простотой, подчасъ — тонкимъ остроуміемъ, одушевлено сердечной, хотя и не слѣпой любовью къ русскому прошлому, изложено отличнымъ и нѣсколько своеобразнымъ языкомъ, который какъ бы невольно принаравливается къ описываемой эпохѣ и къ тѣмъ лицамъ, которыхъ выводитъ авторъ. Въ числѣ достоинствъ «Старыхъ Портретовъ» слѣдуетъ отмѣтить то, что жизнь героевъ лѣтописи, ихъ характеръ, ихъ поступки, ихъ личныя обстоятельства тѣсно связаны съ современными имъ историческими событіями, историческимъ бытомъ, дышатъ въ русской исторической атмосферѣ и какъ-бы иллюстрируютъ ее.

Первую часть своего повѣствованія авторъ посвящаетъ своимъ предкамъ съ отцовской стороны и начинаетъ съ происхожденія рода Неклюдовыхъ, — тверскихъ дѣтей боярскихъ и вотчинниковъ. Авторъ даетъ намъ при этомъ краткій очеркъ быта и службы русскаго рядового, провинціальнаго дворянства, картину его временнаго упадка въ XV-мъ

и XVI-мъ столѣтіяхъ, его преуспѣяній въ XVII-мъ; мы видимъ вліяніе на бытъ и на стремленія русскаго дворянства петровскихъ реформъ, присутствуемъ при возникновеніи «дворянской конституціи», дарованной Екатериною, и можемъ прослѣдить, какъ отражался духъ времени на послѣдовательныхъ поколѣніяхъ Неклюдовскаго рода.

Въ началѣ XIX-го столѣтія дѣдъ автора, молодой, богатый и красивый кавалергардъ, роднится съ высшею столичною аристократіею въ лицѣ Нарышкиныхъ и Строгановыхъ, и Семейная Лѣтопись даетъ намъ типичные образы нѣкоторыхъ изъ членовъ этихъ историческихъ фамилій. Походныя воспоминанія дѣда автора за 1812-1814 годы, дальнѣйшая жизнь и судьбы его и его супруги проходятъ передъ читателемъ въ оживленныхъ, порою забавныхъ, порою не лишенныхъ трагизма чертахъ. Портретъ дѣда — Сергѣя Петровича Неклюдова — немаловажный вкладъ въ русскую бытовую литературу; то же можно сказать и про обликъ Варвары Ивановны Неклюдовой, рожденой Нарышкиной.

Съ отцомъ разсказщика — Василіемъ Сергѣевичемъ — мы входимъ въ Николаевское время. День четырнадцатаго декабря 1825 года — какъ онъ запечатлѣлся въ памяти семилѣтняго мальчика, воспитаніе дѣтей въ петербургскомъ барскомъ домѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, Царско - Сельскій Лицей, свѣтская жизнь молодого Неклюдова, первые его шаги на службѣ, — все это представляетъ оживленную картину столичной жизни въ первую половину Николаевскаго царствованія.

Повѣствованіе оканчивается на отъѣздѣ отца разсказщика весною 1843 года изъ Петербурга въ Аѳины, куда онъ назначенъ секретаремъ русской миссіи. И этотъ отъѣздъ даетъ поводъ автору прекрасно нарисовать образъ юнаго романтика тѣхъ временъ, каковымъ былъ и остался его отецъ.

Вторая часть повѣствуетъ о восходящихъ поколѣніяхъ автора съ материнской стороны: Катакази, Комненахъ, Мурузи. Здѣсь «Старые Портреты» вводятъ русскаго чи-

тателя — чуть ли не впервые — въ своеобразную среду «фанаріотовъ», т. е. въ жизнь старинной греческой аристократіи Константинополя подъ владычесвомъ мусульманскимъ и на службѣ Падишаха. Затѣмъ мѣсто дѣйствія переносится, вмѣстѣ съ прабабкою автора, княжною Мурузи, воспитанной съ ранняго дѣтства при дворѣ Екатерины Великой, на берега Невы, надъ коими зажигалось въ то время «сѣверное сіяніе» знаменитаго Греческаго проэкта. Передъ читателемъ проходятъ образы прадѣда разсказщика, генерала Христофора Комнена, братьевъ Ипсиланти, брата и сестры Стурдза и наконецъ графа Іоанна Каподистріи, біографіи коего посвящена одна изъ интереснѣйшихъ главъ лѣтописи. Одновременно, — въ характерной перепискѣ со старшею дочерью, — развертывается петербургское житье-бытье вдовой уже генеральши Маріи Александровны Комненъ, рожденой кнж. Мурузи, почти совсѣмъ обрусѣвшей, но принимающей все таки живое участіе въ геройскомъ, хотя и безумномъ предпріятіи Александра Ипсиланти и въ борьбѣ грековъ за свободу. Младшую дочь овою генеральша выдаетъ за Гавріила Антоновича Катакази, любимаго секретаря Каподистріи, — и затѣмъ вскорѣ помираетъ.

Далѣе идетъ описаніе служебной карьеры дѣда автора, Гавріила Антоновича Катакази, перваго русскаго посланника въ Аѳинахъ съ 1832-го по 1843-ій годъ. Заканчивается эта часть прелестной картиной обихода катаказіевской семьи въ Петербургѣ въ шестидестяыхъ годахъ и описаніемъ оригинальныхъ характеровъ и жизненныхъ судебъ ея членовъ.

Часть третья сплошь посвящена родителямъ автора: тутъ дѣтство и воспитаніе Мари Катакази, ея встрѣча съ Базилемъ Неклюдовымъ, ихъ романъ, весь проникнутый романтическимъ вліяніемъ эпохи; затѣмъ холостая жизнь молодого Неклюдова въ Аѳинахъ и наконецъ бракъ, возвращеніе молодой четы въ Аѳины, первые годы супружескаго счастья...

Политическія событія нарушаютъ эту безмятежную жизнь. На востокѣ готовятся событія, приведшія къ столкновенію Россіи съ западомъ и къ Крымской кампаніи.

Въ 1854 году отецъ разскащика ѣдетъ изъ Аѳинъ курьеромъ въ Петербургъ и передаетъ привезенныя имъ донесенія и письма, а также не лишенныя важности личныя впечатлѣнія самому Государю. Краткая, но характерная картина Россіи въ началѣ Крымской войны и господствующая надъ событіями мощная личность Николая I-го очерчены весьма мѣткими штрихами; величественнымъ сторонамъ царскаго облика авторъ не побоялся противупоставить картину одной изъ ужасныхъ казней того времени, свидѣтелемъ коей былъ случайно его отецъ.

Въ 1858 году Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ, обиженный учиненной ему служебною несправедливостью, покидаетъ дипломатическую карьеру. Объ это же время раздѣлъ имѣній, предпринятый главою неклюдовской семьи, Сергѣемъ Петровичемъ, является исходнымъ толчкомъ разлада въ этой семьѣ и паденія ея благосостоянія.

Въ 1860-мъ году родители автора переселяются въ Москву, гдѣ авторъ лѣтописи проводитъ дѣтство, отрочество и юность, а затѣмъ, послѣ кончины отца, поступаетъ въ вѣдомство Иностранныхъ Дѣлъ.

Эпилогъ лѣтописи посвященъ сначала этимъ двадцати годамъ, а затѣмъ другимъ двадцати, проведеннымъ матерью разскащика въ тихой провинціальной глуши; и эта послѣдняя глава является прекраснымъ заключеніемъ всего повѣствованія.

Ив. Бунинъ.

Le véritable, patriotisme n'est pas seulement l'amour dn sol; c'est l'amour du passé, c'ést le respect ponr les générations qui nous ont précédés.

Fustel-de-Coulanges.

Видъ города Твери въ половинѣ XVIII-го вѣка

(по гравюрѣ Леспинаса)

ГЛАВА I

РОДЪ НЕКЛЮДОВЫХЪ. — Удѣльные князья и ихъ дружинники: бояре и дѣти боярскія. — Судьбы русскаго помѣстнаго дворянства и историческая его роль. — Григорій Захарьевичъ Неклюдовъ и его потомство.

Неклюдовы — стародавній дворянскій родъ. Ведетъ онъ, по оффиціальнымъ актамъ*), свое начало отъ Радши, вышедшаго якобы «изъ нѣмецъ», а, по родовымъ преданіямъ, точнѣе изъ Трансильваніи. Насколько это преданіе вѣрно — судить трудно. Въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ было на Руси модою производить свой родъ отъ знатнаго иностраннаго выходца. Такъ Грозный очень настаивалъ на происхожденіи Рюриковскаго рода не только отъ варяговъ, но и «изъ Пруссъ»; оттуда же вели свой родъ и Романовы съ родственными имъ фамиліями — потомствомъ Андрея Камбилы. Впрочемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ выходѣ изъ-за границы въ Россію различныхъ знатныхъ семей. Кого гнали изъ родины усобицы и преслѣдованія одолѣвшихъ враговъ; кто просто переходилъ на службу изъ Германіи, Чехіи или Венгріи въ Польшу или въ Червонную Русь, оттуда къ одному изъ южно-русскихъ или западно-русскихъ Князей; а тамъ уже родъ, — покоряясь историческому закону сдвига русской государственной жизни на востокъ, — въ концѣ концовъ находилъ пристанище въ Москвѣ, встрѣчаясь и роднясь при дворѣ Московскомъ съ

---

*) 1. Высочайше утвержденный Гербовникъ Дворянъ Россійской Имперіи часть III-я, отдѣлъ I-й, страница 11-я.

2. Копія съ герба и родословія рода Неклюдовыхъ, выданная 9-го Августа 1857 года д. с. с. Сергѣю Петровичу Неклюдову (моему дѣду) Департаментомъ Герольдіи Правительствующаго Сената за подписями Герольдмейстера А. Матюшкина и и. д. Товарища Герольдмейстера Д. Стасова.

выходцами изъ Золотой Орды, изъ болгаро-татарскаго Казанскаго Царства, изъ Крыма, изъ Византіи.

Въ 1146-мъ году Кіевская чернь, въ одно изъ частыхъ своихъ возмущеній, разграбила дворъ великокняжескаго тіуна Радши. Сынъ этого Радши Якунъ-Михаилъ былъ посадникомъ Новгородскимъ и умеръ въ 1206-мъ году. Внукъ Радши, Гориславъ-Алекса, рано овдовѣвъ, принялъ иноческій чинъ, затѣмъ схиму и извѣстенъ какъ Новгородскій подвижникъ, святый Варлаамій, основатель Хутынской обители. Житіе его изукрашено разными назидательными сказаніями, одно изъ коихъ мнѣ особенно понравилось: проходя по знаменитому Волховскому мосту, подвижникъ встрѣчается съ толпою, влекущею на казнь, — потопленіе въ Волховѣ, — какого-то боярина; тотъ бросается иноку въ ноги, моля о защитѣ; но святой ограничивается тѣмъ, что со слезами благословляетъ его и уходитъ. Черезъ нѣсколько времени — снова такая-же встрѣча; но на этотъ разъ святой заступается за влекомаго на казнь и спасаетъ ему жизнь. На вопросъ учениковъ, — почему такая разница, — Св. Варлаамій отвѣчаетъ, что первый пострадалъ невинно; пріявъ мученическій вѣнецъ, онъ, по смерти, вступилъ прямо въ царствіе Божіе; второй же былъ злодѣемъ; онъ по смерти перешелъ бы въ вѣчныя муки; слѣдовало спасти его, дабы дать ему возможность покаяться и исправиться.

Сынъ Горислава-Алексы, — Гавріилъ, — былъ однимъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Св. Александра Невскаго въ знаменитыхъ битвахъ: при Невѣ со шведомъ Биргеръ - Ярломъ и на льду Чудского озера съ нѣмецкими меченосцами. Сынъ этого Гавріила служилъ въ Москвѣ. Это былъ Акинфій — по прозвищу Великій. Въ 1303-мъ году, какъ гласитъ московская лѣтопись, зимою на снѣгу нашли убитымъ тысяцкаго Вельяминова, что произвело «мятежъ». Лѣтописецъ въ подробности не входитъ, но повидимому въ убійствѣ Вельяминова обвиняли самого Великаго Князя или его присныхъ. Какъ бы то ни было, но на слѣдующую-же ночь бояринъ Акинфій Великій со всею своею семьею и многочисленными вооруженными домочадцами, отъѣхалъ въ Тверь, къ непримиримому

врагу и сопернику Великаго Князя Московскаго. Уѣзжалъ онъ очевидно второпяхъ, ибо оставилъ въ *челяднѣ* новорожденнаго младшаго сына. Ребенокъ, получившій по этой причинѣ прозвище «Челядня», былъ взятъ на воспитаніе Великою Княгинею и сдѣлался родоначальникомъ извѣстнаго рода Челядниныхъ, которые одно время какъ бы наслѣдственно занимали, черезъ три поколѣнія, виднѣйшую придворную должность Великаго Конюшаго. Одинъ изъ послѣднихъ Челядниныхъ былъ именно тотъ «Старицкій воевода», точнѣе сосланный отъ Двора на второстепенное воеводство бояринъ, въ коемъ Грозный сталъ почему то подозрѣвать боярскаго кандидата въ Цари, вызвалъ обратно въ Москву, велѣлъ облачить въ царское одѣяніе, посадить на свой Престолъ и тутъ-же собственноручно закололъ его, не вынеся зрѣлища иного лица въ вѣнцѣ и бармахъ,

«И въ очи мертвыя глядѣлъ, — и въ дрожи зыбкой
«Державныя уста змѣилися улыбкой.»

Акинфій Великій, служа врагу Москвы, Князю Тверскому, при первой же усобицѣ вторгся со своими людьми въ Московскій удѣлъ и осадилъ въ Переяславлѣ брата Великаго Князя — Іоанна Калиту, впослѣдствіи перваго «собирателя земли Русской». Но на помощь Іоанну пришелъ изъ Москвы, со своими, бояринъ Родіонъ Нестеровичъ (выходецъ изъ Черниговской земли — родоначальникъ Квашниныхъ-Самариныхъ), разбилъ Акинфія, убитаго въ схваткѣ; и союзный татарскій мурза Свербей посадилъ на копье и повезъ въ Москву голову недруга и измѣнника Московскаго Князя.

Отъ Акинфія Великаго и отъ его брата — Ивана Морхини произошли многіе знатные боярскіе и дворянскіе роды. Отъ перваго: Челяднины, Бутурлины, Мятлевы, Неклюдовы, Каменскіе, Замыцкіе; отъ второго: Полуэктовы, Кологривовы, Пушкины, Мусины - Пушкины, Жданъ - Пушкины и другіе. Въ то время, т. е. въ XIV-мъ и въ XV-мъ вѣкахъ стали давать, подъ вліяніемъ татарскаго обычая, прозвища отдѣльнымъ членамъ знатныхъ родовъ, доселѣ носившимъ лишь имена да отчества. Одинъ изъ размножившихся потомковъ Акинфія Ве-

ликаго получилъ прозвище Неклюда; отъ него и произошелъ нашъ старый родъ.

Я слышалъ отъ одного изъ знатоковъ русской старины (но отъ кого — именно — не припомню), что слово Неклюдъ есть терминъ соколиной охоты, что такъ назывался прирученный къ охотѣ воронъ; такой воронъ *не клюетъ* де, а рветъ добычу. Но я думаю, что послѣднее объясненіе произвольно. Насколько я знаю, большинство терминовъ соколиной, а равно и псовой охоты взяты нами съ татарскаго языка, а татарами съ арабскаго. Слово *мехлюдъ* доселѣ обозначаетъ по арабски (и по турецки) «сумрачный», «угрюмый», — прилагательныя, какъ нельзя больше, подходящія къ облику большого чернаго ворона. Изъ «мехлюда» татары легко могли сдѣлать «меклюдъ», а русскіе «неклюдъ».

Многія изъ отраслей Акинфіева потомства вернулись мало по малу на службу постоянно усиливавшихся и богатѣвшихъ князей Московскихъ; неклюдовская же вѣтвь осталась на службѣ князей Тверскихъ.

Какъ извѣстно, потомки святого князя Михаила, вѣрные старымъ обычаямъ Рюриковскаго рода, — противодѣйствіе коимъ началось тогда въ одной лишь Москвѣ, — продолжали дробить Тверское княжество, не подлежавшее увеличенію, т. к. окружено оно было отовсюду земельными владѣніями Новгорода, Москвы и Великаго Князя Литовскаго. Появились князья Микулинскіе*), Кашинскіе, Холмскіе, Дорогобужскіе — властители отдѣльныхъ далеко не крупныхъ княжествъ; и имъ служили жившіе въ предѣлахъ этихъ княжествъ, на верстанныхъ за службу земляхъ, «дѣти боярскіе», — прямые потомки бояръ-дружинниковъ, прибывшихъ нѣкогда съ первымъ

*) Родословная роспись Князей Микулинскихъ значится въ Примѣчаніи № 2 въ концѣ I-й части настоящаго труда.

Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ на Тверское великое княженіе, или перешедшихъ туда отъ другихъ князей.

Въ теченіе XIV-го вѣка и отчасти XV-го, — еще не столь многочисленные и болѣе состоятельные, — дѣлили эти боярскія дѣти время между своими немудреными усадьбами, приспособленными преимущественно къ страдному времени полевыхъ работъ, и близкимъ служебнымъ центромъ, каковымъ для Неклюдовыхъ, напримѣръ, было Микулино - Городище. Тамъ сидѣлъ ихъ удѣльный князь, — коему служили эти послѣдыши «дружинниковъ» сначала лишь службою ратною, а впослѣдствіи и въ хозяйственныхъ распорядкахъ его зажиточной усадьбы-вотчины, — кто дворецкимъ, кто конюшимъ, кто стремяннымъ или ловчимъ; словомъ, стали княжьими слугами, но только слугами вольными, обладавшими правомъ отъѣзда къ любому иному князю*).

Старшимъ изъ этихъ вольныхъ слугъ было мѣсто и на судѣ князя и въ совѣтѣ его. Думали они съ нимъ тяжкую думу объ «ордынскомъ выходѣ» и о строгихъ требованіяхъ Великаго Князя Московскаго, коему порученъ былъ Великимъ Ханомъ сборъ этого выхода; думали о снаряженіи ратномъ, — постепенно все скудѣвшемъ; объ отношеніяхъ къ сосѣднимъ князьямъ, а подъ конецъ и къ Московскимъ боярамъ, коихъ обширныя и богатыя вотчины начинали обступать все тѣснѣе владѣнія удѣльнаго князя. И все болѣе и болѣе приходилось имъ особенно радѣть объ умилостивленіи подозрительной великокняжеской и боярской Москвы.

Тамъ, въ Микулиномъ-Городищѣ, случалось имъ и попировать на княжескихъ свадьбахъ, по древнему исконному обычаю справлявшихся, — когда молодой или вдовый князь бралъ себѣ въ жены — обыкновенно ровню, княжну; тамъ же приходилось и поминать преставившихся князей на торжественныхъ и обильныхъ, если не роскошныхъ, тризнахъ. Въ

---

*) Поэтому и дорожили такъ правомъ отъѣзда бояре Князей Московскихъ и иныхъ. Когда въ Москвѣ право отъѣзда было у нихъ отнято, то стали они совершенно логично холопами Царя и Великаго Государя, хотя бы были и они сами княжескаго рода.

мѣстномъ Михаило-Архангельскомъ соборѣ довольно благолѣпно еще, — по тогдашнимъ конечно понятіямъ, — справлялись церковныя службы; а у протопопа и протодіакона и другихъ «клирошанъ», — кое-когда грамотныхъ и замѣнявшихъ въ княжескомъ совѣтѣ дьяковъ, — пріятно было побесѣдовать о божественномъ и узнавать о разныхъ дивахъ, бывшихъ и вновь являемыхъ; послушать каликъ - перехожихъ, пѣвшихъ старые болгарскіе стихи объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, о нищемъ Лазарѣ, Господнемъ избранникѣ и о трехъ Маріяхъ Египетскихъ; послушать также и разсказовъ паломниковъ и странниковъ, побывавшихъ и въ деревянной скудной обители чуднаго Сергія подвижника, и въ Ростовскихъ и Суздальскихъ храмахъ, и у Святой Софіи въ великомъ Новгородѣ, и у Смоленской Божіей Матери-Одигитріи и даже въ пещерахъ Кіевскихъ, въ возникавшей вновь изъ пепла и праха Лаврѣ Свв. Антонія и Ѳеодосія. Къ княжому двору пріѣзжали и торговые — гости, — люди расторопные и бывалые, — съ товарами и новѣйшими вѣстями изъ близкаго Торжка, изъ Москвы и изъ Новгорода; туда же нѣтъ-нѣтъ да заходили и гусляры-скоморохы, то чинно сказывавшіе старыя былины и пѣвшіе о древнихъ походахъ княжескихъ, то забавлявшіе князя и его гостей веселыми пѣснями, прибаутками, посвистами и лихими шутовскими плясками.

Словомъ дворъ удѣльнаго князя оставался тѣмъ малымъ, но особенно драгоцѣннымъ для тѣхъ временъ водоемомъ, куда стекались, либо явными ручейками, либо подземными таинственными протоками, и настоящее русской земли и завѣтное ея прошлое. И черпавшіе изъ этого водоема, черпали невольно сознаніе единства со всею Русью, утверждались въ правилахъ ратной и служебной чести и расширяли хоть немного умственный кругозоръ свой, стѣсненный дремучими лѣсами, вокругъ скудныхъ пашенъ. А кромѣ всего этого, постоянное общеніе съ удѣльнымъ княземъ являлось для ратныхъ слугъ его источникомъ, до извѣстной степени, и матеріальнаго благосостоянія: отъ щедротъ тароватаго князя можно было получить когда сукна или камки на охабень, когда сбрую конскую, а когда даже и булатную саблю черкасскаго дѣла! Самыхъ же заслу-

женныхъ и близкихъ слугъ князь жаловалъ, сверхъ кормленій и помѣстій полагавшихся за службу ратную, еще и **вотчинами**, т. е. **наслѣдственными** земельными угодьями.

Во второй половинѣ XV-го столѣтія князь Андрей Борисовичъ Микулинскій, передавшій свой удѣлъ Великому Князю Іоанну III-му и отъѣхавшій въ Москву (1485 г.), жалуетъ своему слугѣ Ѳедору **Неклюдову** въ Микулинскомъ стану, по рѣкѣ Шошѣ, вотчину; и эта вотчина сохраняется въ потомствѣ Ѳедора, наряду съ «прожиточными» и иными помѣстьями, за которыя обязано оно было отечеству ратною, а князю и иною всякою службою. Пожалованіе этой вотчины наканунѣ отъѣзда, т. е. отреченія Князя — указываетъ какъ будто на особую приближенность Ѳедора Неклюдова къ этому князю.

Таковъ былъ бытъ «дѣтей боярскихъ» въ XIII-мъ, XIV-мъ, а кое гдѣ и въ XV-мъ вѣкахъ. Но между тѣмъ какъ высилась Москва и ширилось Московское княжество, — ширилось до того, что обняло собою подъ конецъ всю Русь православную, — дробились, бѣднѣли и хирѣли удѣльныя княжества; такъ что къ концу XV-го вѣка удѣлы послѣднихъ князей, все еще колебавшихся проститься съ послѣднимъ призракомъ независимой власти, превратились сами въ небольшія, слабыя хозяйствомъ вотчины, — куда меньше и бѣднѣе вотчинъ и помѣстьевъ знатнѣйшихъ слугъ «Великаго Государя». Понятно, что такіе удѣльные послѣдыши все меньше и меньше могли «жаловать» исконныхъ своихъ слугъ, — потомковъ бывшихъ Тверскихъ, Рязанскихъ, Черниговскихъ и пр., бояръ. Послѣдніе тѣмъ временемъ сами расплодились, дробя между собою полученныя ихъ родомъ изстари земли и постепенно бѣднѣя. Уже въ XIV-мъ вѣкѣ стали появляться сплошь и рядомъ, въ предводительствуемыхъ мелкими князьками дружинахъ - опол-

ченіяхъ, воины, замѣнившіе поневолѣ прежнія стальныя кольчуги пластами твердо - стеганной хлопчатой бумаги и вооруженные лукомъ да стрѣлами, да какимъ нибудь плохимъ ножемъ или самодѣльнымъ боевымъ цѣпомъ!

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чаще обращались взоры удѣльныхъ князей - послѣдышей на Московскій Кремль и Московскіе соборы и обители. Велися, — иногда двумя поколѣніями кряду, — переговоры съ могущественнымъ Московскимъ сродникомь объ обмѣнѣ завѣтнаго удѣла на положеніе царскаго слуги, но только слуги по праву засѣдающаго въ Боярской Думѣ и обезпеченнаго достаточно обширными и доходными вотчинами. И вотъ — наступалъ роковой день: князь прощался со своими бывшими «боярами» и вольными слугами и отъѣзжалъ въ Москву; пустѣлъ княжой дворъ; соборъ превращался — отъ щедротъ простившагося съ родными могилами князя — въ небольшой монастырь; княжимъ хозяйствомъ вѣдалъ отнынѣ его прикащикъ; а окрестные дѣти боярскіе поступали, — въ томъ что касалось ихъ службы и помѣстій, — на учетъ Московской власти.

Правда, первое время связь отъѣхавшаго князя съ его «отчиной и дѣдиной» не вполнѣ разрывалась. И онъ самъ, и его сыновья и даже внуки сохраняли, въ силу договора съ Москвою, извѣстныя права въ своемъ прежнемъ удѣлѣ и могли безпрепятственно туда наѣзжать. Тѣ изъ боярскихъ дѣтей, которые были къ нимъ особенно приближены, оставались зачастую на ихъ службѣ, либо на старомъ мѣстѣ въ качествѣ ихъ прикащиковъ, либо на Москвѣ, — на должностяхъ дворецкихъ, конюшихъ, стряпчихъ и жильцовъ, сопровождавшихъ между прочимъ князя въ походы и сражавшихся подъ непосредственымъ его начальствомъ. Часто также оказывали князья на Москвѣ покровительство своимъ бывшимъ подданнымъ противъ утѣсненій и неправыхъ поборовъ новыхъ правителей и судей.

Этому порядку положила однако конецъ государственная прозорливость и личная подозрительность Іоанна IV-го, отнюдь не мирволившаго усиленію вліянія и власти своихъ бо-

яръ, — особливо же бояръ происхожденія княжескаго — на польскій ладъ и образецъ. Отъ большинства такихъ Московскихъ бояръ отобраны были въ то время ихъ древнія волости и замѣнены вотчинами въ другихъ, дальнихъ мѣстахъ Царства; а въ окружіи самой Москвы поселены на помѣстья, подъ именемъ «Московскихъ дворянъ», провинціальныя дѣти боярскіе изъ наиболѣе состоятельныхъ и способныхъ къ ратной и иной службѣ ; и положено такимъ образомъ основаніе царской гвардіи, которую Царь имѣлъ подъ рукой противъ внутреннихъ враговъ и противъ честолюбивыхъ попытокъ Московской боярской аристократіи основать на наслѣдственномъ правѣ участіе свое въ управленіи государствомъ.

Съ этихъ поръ связь между бывшими удѣльными князьями и сословіемъ дѣтей боярскихъ прервалась окончательно, хотя, даже до временъ Петра Великаго, обращалась вокругъ каждаго князя и именитаго боярина «кліентура» дворянъ, пользовавшихся ихъ покровительствомъ и подымавшихся при ихъ помощи на болѣе высокія ступени царской службы, — военной, административной и даже дворцовой.

Для боярскихъ дѣтей Микулинскаго стана эти благопріятныя условія прекратились однако еще раньше царствованія Грознаго, вслѣдствіе окончательнаго исчезновенія ихъ бывшаго княжескаго рода. Сыновья князя Андрея Борисовича, бояре Владиміръ, Василій и Иванъ Андреевичи (послѣдній по прозвищу Лугвица) еще сохраняютъ полностью связи свои съ бывшимъ удѣломъ ихъ отца, и нѣкоторые изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ продолжаютъ числиться въ спискахъ какъ служащіе князьямъ Микулинскимъ, между тѣмъ какъ другіе ихъ родичи служатъ уже «Царю и Великому Государю». Но въ лицѣ двухъ сыновей «Лугвицы», князей Дмитрія и Симеона Ивановичей, угасаетъ Микулинская отрасль славнаго рода святого князя Михаила Тверского*). Старая Микулинская вотчина переходитъ въ вѣдѣніе Дворцоваго и Монастырскаго

---

*) Князь Симеонъ Ивановичъ скончался инокомъ и принялъ схиму.

приказовъ, и окрестные дѣти боярскіе **закрѣпляются** всѣмъ родомъ, бзъ исключенія, на царской службѣ и становятся подъ началъ государевыхъ намѣстниковъ.

Естественнымъ образомъ стало тянуть ихъ отнынѣ къ тому городу, который служилъ резиденціею этому намѣстнику (въ даномъ случаѣ — къ Твери). Тамъ обзаводились они мало-по-малу дворами и, по всему вѣроятію, стали пополнять свои скудные достатки кое-какою торговлишкою. А достатки эти все скудѣли и скудѣли. Помѣстья и вотчины обезлюдѣвали въ конецъ съ переходомъ крестьянъ на земли богатыхъ помѣщиковъ или же просто на новыя, привольныя угодья, отвоеванныя къ этому именно времени Московскимъ государствомъ у Казанскихъ татаръ и другихъ инородцевъ и заселявшіяся русскимъ людомъ по низовья Оки и по Суру. И царское жалованье, по девяти, по двѣнадцати, а то и по шестнадцати рублевъ становилось для большинства этихъ обнищавшихъ дворянъ и дѣтей - боярскихъ совершенно необходимымъ подспорьемъ. Но и съ этимъ подспорьемъ все труднѣе и труднѣе имъ было снаряжаться на царскую службу, ибо служба эта стала требовать все болѣе частыхъ и продолжительныхъ явокъ, а цѣноость рубля (вначалѣ представлявшаго собою фунтъ серебра) все падала и падала.

А между тѣмъ безъ службы помѣстныхъ дворянъ и мелкихъ вотчинниковъ Московское Государство обойтись не могло. Они представляли собою, до второй половины XVI-го столѣтія, почти исключительную ратную силу Государства, которое съ каждымъ годомъ принуждено было усиливать и совершенствовать свою военную мощь. Объ этомъ областномъ, среднемъ и мелкомъ, дворянствѣ печется въ первой половинѣ XVI-го вѣка Великій Князь Василій Іоанновичъ, а во второй половинѣ — Борисъ Годуновъ; его верхи усиливаетъ и приближаетъ къ себѣ Грозный Царь, учреждая «Московское Дворянство»; его ведетъ на Москву Прокофій Ляпуновъ противъ Василія Шуйскаго, — «выкликнутаго въ цари своимъ дворецкимъ, да Московскимъ торговымъ людомъ, да кое-какими боя-

ры». И наконецъ на помощь этому закрѣпощенному къ службѣ дворянству закрѣпляется окончательно къ помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ, въ теченіе XVII-го столѣтія, бродячій сельскій людъ.

И какъ послѣдствіе такихъ правительственныхъ мѣръ и попеченій сказывается мало по малу обратный ходъ въ судьбахъ служилаго дворянскаго сословія.

Захирѣвшее, почти обнищавшее помѣстное областное дворянство становится въ теченіе XVII-го столѣтія все болѣе и болѣе сотсоятельнымъ; изъ него все чаще и чаще выдѣляются тѣ навыкшіе къ ратной и къ иной службѣ, а подчасъ и грамотныя силы, тѣ закаленные въ лишеніяхъ, дятельные и честолюбивые «новые люди», которые такъ необходимы были Государству, постоянно ширившемуся, крѣпнувшему, одушевленному безграничнымъ политическимъ честолюбіемъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ — самые близкіе къ царю и самые вліятельные въ дѣлахъ государскихъ люди взбираются на служебные верхи и назначаются въ Боярскую Думу прямо изъ зауряднаго дворянства: Ртищевы, Ордынъ - Нащокины, Матвѣевы, Языковы. Въ угоду этимъ людямъ и олицетворяемому ими новому направленію, торжественно сжигаются разрядныя книги; и это «огненное прещеніе» за 25 лѣтъ до Петровской «табели о рангахъ» уничтожаетъ послѣднія государственныя привиллегіи старинной Московской — боярской и княжеской — аристократіи.

Именно къ этому кругу средняго, областного, служилаго дворянства, обнищавшаго и исхудородившагося въ XVI-мъ столѣтіи, оправившагося въ XVII-мъ и окончательно сравнявшагося, — при Петрѣ I-мъ въ безправіи, а при Петрѣ III-мъ въ правахъ, — съ остатками прежней исторической знати, — къ этому кругу принадлежали мои предки, являясь его типичными представителями.

Внуки и правнуки вышеупомянутаго Өедора Григорьевича Неклюдова значатся въ писцовыхъ книгахъ (записи 1539-1540 года) помѣщиками, а нѣкоторые и вотчинниками. Въ записи по Тверскому уѣзду, въ Микулинскомъ стану, значатся помѣщиками двѣнадцать Неклюдовыхъ, а вотчинниками четверо: «Балабанъ Ивановъ, Алексѣй Гавриловъ*), Иванъ Григорьевъ, да Василій Володиміровъ. Балабанъ служитъ Царю и Великому Государю, Алексѣй — Князю Димитрію Ивановичу Микулинскому, Иванъ Григорьевъ — Князю Симеону Ивавичу Микулинскому, а Васька (очевидно недоросль) — никому не служитъ; а крѣпость у нихъ — грамота жалованная Князя Ондрея Борисовича**)». Злокозненнаго «Ваську» вѣроятно закрѣпили, послѣ таковой записи, на службу Царю и Великому Государю. На этой же службѣ числились и послѣдовательные прямые потомки Алексѣя Гавриловича Неклюдова, — Осипъ Алексѣевичъ, Матвѣй Осиповичъ, Захарій Матвѣевичъ.

При Грозномъ нѣкоторые изъ Тверскихъ Неклюдовыхъ переведены были на службу въ Новгородскія и Псковскія области***). Отъ одного изъ этихъ Неклюдовыхъ, Ивана Никитича (также внука перваго вотчинника Өедора), произошла Псковская отрасль нашего рода, быстро вышедшая на новыхъ мѣстахъ въ такъ называемые «начальные люди» и въ «служившіе съ выборомъ». Внуки Ивана Никитича, — Шибанъ и Василій Алексѣевичи, пожалованы были въ 1584 году, по грамотѣ Царя Өедора Іоанновича, въ кормленіе Псковскимъ пригородомъ Изборскомъ, а Василій назначенъ сверхъ того и намѣстникомъ въ Изборскъ. Потомство этихъ Неклюдовыхъ было впослѣдствіи, — за службу въ войнахъ противъ Польши, —

*) Мой прямой предокъ.

**) Вышеупомянутаго Князя Андрея Борисовича Микулинскаго (современника Іоанна III), пожаловавшаго вотчину Өеодору Неклюдову, дѣду упомянутыхъ Балабана, Алексѣя, Ивана и Васьки.

***) Какъ извѣстно, одною изъ мѣръ окончательно сломившихъ строптивость и вольномысліе Новгорода и Пскова, было массовое переселеніе служилыхъ дворянъ изъ смежныхъ съ Московскою областей на Новгородскія и Псковскія помѣстья, а Новгородскихъ и Псковскихъ дворянъ въ области, расположенныя на востокъ отъ Москвы.

жаловано значительными вотчинами въ Псковской области, коими владѣло вплоть до самаго послѣдняго времени.

Еще одна вѣтвь Неклюдовыхъ, переписанная вѣроятно при Грозномъ во вновь учрежденный служебный разрядъ Московскихъ Дворянъ, надѣлена была помѣстьями и вотчинами подъ Москвою. Въ Писцовыхъ Книгахъ 1573-1574 года, по Московскому уѣзду, въ Манатьиномъ стану, значится за Григоріемъ Неклюдовымъ довольно значительное, но обезлюдившее помѣстье при селѣ Стербневѣ «что было допрежь того за Окольничьимъ, за Княземъ Петромъ Ивановичемъ Татева». Московскіе Неклюдовы дали свое имя большому селу, находящемуся верстахъ въ 15-ти отъ Москвы по старой Дмитровской дорогѣ. Село это уже въ XVIII-мъ столѣтіи принадлежало князьямъ Долгоруковымъ (изъ тѣхъ, что потерпѣли столь трагическую участь при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ). Что сталось съ этою вѣтвью нашего рода, я не знаю; вѣроятно она вымерла еще въ XVII-мъ столѣтіи.

Тѣмъ временемъ Неклюдовы, оставшіеся на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ въ Микулинскомъ стану, плодились и бѣднѣли на своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, повидимому все болѣе безлюдѣвшихъ, ибо все чаще встрѣчаются въ описяхъ этихъ помѣстій упоминанія о «пустошахъ, что допрежъ того были сельцомъ такимъ-то, или деревнею такою-то». Службу свою стали они нести, — какъ менѣе состоятельные, — «съ городомъ» (Тверью), т. е. въ общемъ Тверскомъ ополченіи, получая, по бѣдности, и царское денежное жалованье — рублевъ по девяти, по десяти, а то и по двѣнадцати, ибо безъ жалованья имъ немыслимо было «подняться» въ походъ*). Многіе изъ подобныхъ обѣднѣвшихъ дворянъ, не выдержавъ тяготы службы, переписались, — особенно послѣ Смутнаго лихолѣтія въ конецъ ихъ разорившаго, — въ тяглыя сословія, а то и просто бѣжали въ казаки на Донъ, или въ дремучіе лѣса — промышлять разбоемъ. Но въ Неклюдовскомъ роду вѣроятно крѣпко держались преданія о славномъ прошломъ пред-

*) Жалованье это выдавалось разъ въ три или даже въ четыре года, да кромѣ того въ случаѣ подъема въ походъ.

ковъ, и эти преданія и врожденное чувство ратной и родовой чести поддерживали потомковъ на прямомъ, исконномъ пути. Кое-кто изъ нихъ выдавался въ мѣстной дворянской средѣ и разумомъ, а пожалуй - что и грамотностью: такъ въ спискѣ «Тверичей дворянъ и дѣтей боярскихъ», составленномъ при Царѣ Өедорѣ Іоанновичѣ въ 1585 году, — въ числѣ дворянъ по 300 чети и 12 рублевъ жалованья, «съ городомъ», — значится «Хотѣнъ, Балабановъ сынъ, Неклюдовъ, — въ Твери въ городовомъ приказѣ; а выбрали его дѣти боярскіе всѣмъ городомъ».

Современникъ Царя Михаила Өедоровича, Григорій Захарьевъ (онъ же Назарьевъ) сынъ, Неклюдовъ, значившійся въ числѣ дворянъ «съ городомъ» по 250 чети, записанъ въ Тверской Разборной Десятинѣ 1622 года — вскорѣ послѣ страшнаго лихолѣтья, — слѣдующимъ образомъ:

«Окладчики и городомъ сказали: головою своею и службою добръ, а бѣденъ. Помѣстье за нимъ въ Тверскомъ уѣздѣ пустошь, — что была деревня Козлова съ пустошьми, — выслуга отца его, прожиточное помѣстье: въ дачахъ 50 четей, а въ немъ всего одинъ бобыль; да за нимъ-же де вотчина — Родственная пустошь, — что была деревня Чюрилово, — и та вотчина пуста. И Григорею де на Государевой службѣ безъ Государева жалованья быть несчего; а съ службу — его станетъ и порука по немъ въ службѣ будетъ. А Григорей самъ про себя и про свою службу, и про помѣстье, и про вотчину сказалъ то-жъ, что на Государевой службѣ безъ Государева жалованья быти несчего. А Государево де ему жалованье съ городомъ — девять рублевъ; а ему де тѣмъ Государевымъ жалованьемъ подняться нечѣмъ». А за шесть лѣтъ передъ тѣмъ въ Дозорной Книгѣ города Твери, въ числѣ дворовъ, сгорѣвшихъ при большомъ пожарѣ, значится въ «третьей четверти» — «отъ Никольскихъ воротъ до церкви Ивана Милостиваго да отъ Ивана Милостиваго къ Благовѣщенскимъ воротамъ» — въ числѣ другихъ погорѣвшихъ дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ — и дворъ Григорія Неклюдова.

Такова была горькая участь моего предка Григорія Захарьевича «головою и службою добраго», но безспорно вко-

нецъ обѣднѣвшаго и надъ которымъ стряслась еще пожарная бѣда, уничтожившая и домишко его, и послѣднюю рухлядишку...

Казалось Тверская коренная вѣтвь Неклюдовскаго рода захирѣла въ конецъ. А между тѣмъ лишь полвѣка спустя мы видимъ, что сыновья Григорія Захарьевича — Петръ, Иванъ да Ѳедоръ Григорьевы сыновья Неклюдовы, — люди уже пожилые, продолжавшіе владѣть помѣстьями и вотчиною въ Микулинскомъ стану, числятся при Царскомъ Дворѣ дворянами московскими, т. е. принадлежать къ тому служебному разряду, который, — по словамъ проф. Ключевскаго, — соотвѣтствовалъ сержантамъ и обер-офицерамъ Лейб-гвардіи Петровскаго и послѣ-петровскаго времени и изъ котораго и набирались въ первой половинѣ XVIII-го вѣка эти сержанты и обер-офицеры. Въ виду же того, что московскими дворянами значатся всѣ трое сыновей Григорія Захарьевича, — а о какихъ либо другихъ сыновьяхъ родословныя росписи умалчиваютъ, — то имѣется основаніе заключить, что званіе это наслѣдовали они отъ своего отца.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ сдѣлался бѣднякъ Григорій Захарьевичъ московскимъ дворяниномъ, — чему несомнѣнно должно было предшествовать значительное увеличеніе его земельнаго имущества, — я не знаю, ибо ни писцовыхъ книгъ, ни разрядныхъ списковъ за время отъ 1627-го по 1677 годъ мнѣ добыть не удалось. По всему вѣроятію, «Григорій» оказался дѣйтсвительно «умомъ и службою добръ», оправдавъ показанія тверскихъ оклодчиковъ и довѣріе своихъ поручителей, и именно службою ратною и особенными успѣхами своими на этой службѣ съумѣлъ выдвинуться изъ общаго уровня тверскихъ дворянъ «служившихъ съ городомъ». Въ тѣ времена особые личные подвиги дворянъ и дѣтей боярскихъ на полѣ бранномъ и при защитѣ осажденныхъ городовъ неукоснительно отмѣчались начальными воеводами въ донесеніяхъ, посылаемыхъ ими «на Верхъ», т. е. къ самому Царю. Орденскихъ знаковъ отличія не существовало, табели о военныхъ чинахъ также, и потому выдающіяся заслуги и подвиги людей ратныхъ награждались земельными окладами, вотчинами и

продвиженіемъ по службѣ, изъ коихъ главнымъ было приближеніе къ Царскому Двору и обиходу, т. е. запись въ московскіе дворяне, въ жильцы, въ стряпчіе; а далѣе уже слѣдовали посылки на городовыя воеводства и производства въ воеводы ратные; и все это отражалось конечно на матеріальномъ благосостояніи потомства и на положеніи его въ обществѣ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича ознаменовалось щедрыми раздачами земель служилому дворянству, особливо послѣ перваго счастливаго Польскаго похода. Къ тому же, за полстолѣтіе, протекшее съ 1622 года, помѣстья и вотчины дворянъ пообселились прикрѣпленнымъ къ землѣ крестьянствомъ, обзавелись вновь и полевыми орудіями и скотомъ и расширили значительно свои пашни, ибо времена стали для внутренней Россіи спокойными, безъ вражескихъ нашествій, татарскихъ набѣговъ и полоновъ и медоусобныхъ браней.

Главнымъ хозяйственнымъ центромъ ближайшаго потомства Григорія Захарьевича служитъ уже не вотчинная «Родственная пустошь, что допрежь того была деревня Чюрилово», а усадьба Горемыково. Усадьба эта, упоминаемая уже въ писцовыхъ книгахъ временъ Царя Өедора Іоанновича, находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ помѣстьями и вотчинами разныхъ членовъ размножившагося Неклюдовскаго рода, но принадлежала не имъ, а дворянамъ Булгаковымъ. Запись гласитъ: «За келаремъ, да за Богданомъ, да за Иваномъ за Шелониными дѣтьми Булгаковыми — село Горемыково, а въ немъ церковь Рождества Ивана Предтечи; дворъ боярской, дворъ поповъ пустъ, во дворѣ человѣкъ ихъ. Пашни въ полѣ 25 чети, сѣна 80 копенъ». (Имѣнье значитъ было не особенно большое). Когда и какимъ образомъ перешло оно къ Неклюдовымъ, я въ точности не знаю, но имѣю основанія предполагать, что первымъ владѣльцемъ его въ нашемъ родѣ былъ все тотъ же Григорій Захарьевичъ: въ XVIII-мъ столѣтіи Горемыково, представлявшее уже зажиточную усадьбу и считавшееся родовымъ неклюдовскимъ, принадлежало моему пра - прадѣду Василію Ивановичу Неклюдову — внуку Өедора Григорьевича, а совладѣлицею въ имѣніи была троюродная сестра Василія Ивановича — Акулина Андреевна Толстая, рожде-

ная Неклюдова — внучка Ивана Григорьевича (см. приложеніе 3-е: родословную роспись). Значитъ Ѳедоръ и Иванъ Неклюдовы были первыми совладѣльцами и наслѣдовали Горемыково отъ своего отца Григорія Захарьевича. Григорій же могъ получить это имѣніе лишь однимъ изъ двухъ способовъ: либо женитьбою на дѣвицѣ Булгаковой — единственной наслѣдницѣ «келаря да двухъ Шелониныхъ дѣтей», либо, — если имѣніе стало выморочнымъ и вернулось въ казну, — то путемъ всемилостивѣйшаго пожалованія Григорію, Захарьеву сыну, Неклюдову за службу и за кровь.

Потомство Григорія Захарьевича, въ первыхъ двухъ поколѣніяхъ изрядно размножившееся, въ третьемъ сократилось вновь до того, что осталось отъ него лишь одно лицо — вышеупомянутый бригадиръ Василій Ивановичъ, — родоначальникъ новаго большого гнѣзда Неклюдовыхъ, построившій въ Горемыковѣ благолѣпный каменный храмъ, при коемъ находится нѣсколько семейныхъ могилъ, отмѣченныхъ въ «Провинціальномъ Некрополѣ» (изданіе Великаго Князя Николая Михайловича, 1914 года).

Завѣщаніе Василія Ивановича, сохранившееся въ небольшомъ и очень неполномъ семейномъ архивѣ нашемъ*), дѣлитъ между сыновьями и дочерьми завѣщателя около 900 душъ крестьянъ. Если въ 1790 году эти 900 душъ представляли собою потомство того бобыля, который въ 1622 году былъ единственнымъ подданнымъ бѣднаго Григорія Захарьевича, да того «человѣка», который населялъ усадьбу «келаря, да Богдана, да Ивана Шелониныхъ дѣтей Булгаковыхъ», — то Неклюдовскому потомству остается лишь съ благодарностью преклониться

---

*) Архивъ этотъ сданъ былъ старшимъ братомъ моимъ Петромъ Васильевичемъ въ Тверской губернскій музей, — вѣроятно съ тѣхъ поръ никѣмъ не разбирался.

передъ бодростью и наслѣдственною плодовитостью этихъ добрыхъ людей и ихъ бабъ!

Почти всѣ деревни, упоминаемыя въ завѣщаніи Василія Ивановича, находятся все въ томъ же Микулинскомъ стану, перешедшемъ, при Екатерининскомъ разграниченіи губерній и уѣздовъ, изъ Тверского уѣзда въ Старицкій. Исключеніе составляютъ лишь двѣ деревни: Воюхово и еще одна, имени которой я не припомню, обрѣтавшіяся въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ глухомъ лѣсномъ углу его. Близь деревни Воюхово находится, какъ я узналъ случайно, озеро Неклюдово, что указываетъ на сравнительную давность принадлежности этихъ мѣстъ нашему роду; но какъ и когда получили Неклюдовы эти земли, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно верстаны были они ими при назначеніи въ «Московскіе дворяне».

Таковы скудныя свѣдѣнія, имѣющіяся у меня о моихъ предкахъ за періодъ XV-го, XVI-го и XVII-го столѣтій. Могу лишь добавить нѣсколько строкъ, почерпнутыхъ мною изъ синодика Симонова монастыря въ Москвѣ. Какъ извѣстно, въ монастырѣ этомъ подвизался старецъ Исаія, въ мірѣ бояринъ Бутурлинъ, защищавшій съ успѣхомъ этотъ подгородный монастырь противъ Тушинскаго Вора и польскихъ шаекъ въ кратковремнное царствованіе Василія Шуйскаго. Тамъ же бояринъ впослѣдствіи и постригся. Старецъ Исаія оказалъ немаловажную услугу русскому родословію, отмѣтивъ въ синодикѣ монастыря надъ именами, тамъ записанными въ вѣчное поминовеніе, и родовыя прозвища записанныхъ рабовъ Божіихъ. Такъ въ Царскомъ поминаніи дворянъ и служилыхъ людей, подъ Псковомъ въ 1617-мъ году за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившихъ, значится четверо Неклюдовыхъ, въ томъ числѣ Автономъ «взорвавшійся съ башнею».

Много членовъ нашего рода и до того времени и съ той поры положили жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество; но большинство ихъ осталось неизвѣстными, что впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему міровоззрѣнію русскаго народа, да и самого служилаго сословія. Воевать и, гдѣ надо, уми-

рать въ бою было ремесломъ русскаго дворянина; за эту ратную службу получалъ онъ помѣстья и жалованье; она одна кормила его. Съ теченіемъ времени, когда служба областнымъ князьямъ замѣнилась службою «Царю и Великому Государю», а Государь этотъ, въ силу старозавѣтныхъ православно - византійскихъ преданій, сталъ въ полной мѣрѣ олицетворять собою отечество, — «служба Царская» отождествилась съ «патріотизмомъ», и самый патріотизмъ этотъ, доселѣ стихійный и подчасъ смутный, осмыслился, окрѣпъ и утвердился въ опредѣленныхъ рамкахъ, становясь превыше личнаго и родового честолюбія. Но вернемся къ судьбамъ нашей Тверской вѣтви Неклюдовыхъ.

Современникъ «Тишайшаго Царя», Московскій дворянинъ и Тверской помѣщикъ Ѳедоръ Григорьевичъ Неклюдовъ, — человѣкъ повидимому состоятельный, — имѣлъ двухъ сыновей, оставившихъ потомство. Старшій изъ нихъ, Иванъ Ѳедоровичъ Большой, былъ стряпчимъ при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, затѣмъ стрѣлецкимъ головою и, наконецъ, стольникомъ. Младшій же, — также Иванъ (Иванъ Ѳедоровичъ Меньшой) былъ въ ранней юности потѣшнымъ Царя Петра Алексѣевича, потомъ сержантомъ Преображенскаго полка. Переименованный изъ этого чина «въ капитаны Вятского пѣхотнаго полку», онъ былъ тяжело раненъ въ Шведскомъ походѣ и умеръ отъ раны. Незадолго передъ отправленіемъ въ этотъ послѣдній свой походъ, онъ женился на Татьянѣ (фамилія ея и даже отчество, къ сожалѣнію, неизвѣстны потомству), которая уже послѣ кончины мужа, въ 1716 году, родила единственнаго сына — послѣдыша, названнаго Василіемъ. Вотъ все, что я знаю про моего предка Ивана Ѳедоровича, потѣшнаго Царя Петра, потомъ Преображенскаго сержанта и, наконецъ, «Вятского полку» капитана, доблестно положившаго животъ свой за Царя и Отечество.

Вдова его, принадлежавшая, по всему вѣроятію, къ мѣстной дворянской средѣ (ибо провинціальные того времени дво-

ряне женились почти исключительно въ своей округѣ и по выбору своихъ старшихъ) была повидимому личностью не заурядною. Оставшись молодою вдовою, съ сиротою - сыномъ на рукахъ, она, въ это время ломки и смѣны старозавѣтныхъ воззрѣній и быта, съумѣла дать своему сыну соотвѣтствовавшее новымъ требованіямъ образованіе и сдѣлать изъ него притомъ честнаго и богобоязненнаго человѣка.

Семейное имущество Неклюдовыхъ было, по тому времени, довольно значительнымъ; но оно состояло въ общемъ владѣніи съ нѣсколькими родственниками, — потомками все того же, вначалѣ горемычнаго, а на послѣдокъ удачливаго Григорія Захарьевича. И вдова Ивана Өедоровича - Меньшого съумѣла повидимому охранить имущественные интересы своего сына, не ссорясь и не разрывая съ этими родственниками, совладѣльцами Горемыковской вотчины, которая, въ концѣ концовъ, объединилась, какъ мы увидимъ, въ рукахъ Василія Ивановича Неклюдова.

Часто случалося мнѣ, переѣзжая по Николаевской желѣзной дорогѣ рѣку Шошу, — границу Тверской и Московской губерній, — вспоминать, что недалеко находится наше родовое гнѣздо, и дѣлать планы о посѣщеніи этого гнѣзда и родственныхъ могилъ, — планы, по свойственной намъ всѣмъ привычкѣ все откладывать на завтра, увы, никогда не осуществившіеся. Тамъ жили въ теченіе XV-го, XVI-го и XVII-го вѣковъ предки мои, — жили подобно многимъ рядовымъ дворянскимъ родамъ, не отличаясь въ своемъ развитіи, въ своемъ достаткѣ и бытѣ отъ недавняго времени богатыхъ крестьянъ и мѣщанъ; служили по временамъ службы ратныя, ходили въ дальніе походы, но у себя дома и въ Твери пребывали въ полной простотѣ. И какъ - то странно думать, что въ теченіе одного лишь XVIII-го столѣтія, въ одно, много — два поколѣнія, представители этихъ старозавѣтныхъ семей превращались зачастую въ заправскихъ европейцевъ, дорожившихъ утонченностью жизни,

интересовавшихся западною мыслью и наукою, западнымъ бытомъ, европейскою политикою, — подчасъ даже живѣе, нежели окружавшею ихъ русской дѣйствительностью, которая прикасалась къ нимъ однако вещественною стороною жизни, — русскимъ крѣпостнымъ простонародьемъ.

Первое время посредствующимъ звеномъ между этимъ простонародьемъ и уходившимъ душою и мыслью на западъ дворянствомъ служила православная вѣра, общая строгая обрядность, пожалуй даже общія суевѣрія и предразсудки. Въ XVIII-мъ и въ началѣ XIX-го столѣтія помѣщикъ и его семья зачастую еще ревностно относились къ церкви, исполняя неукоснительно тѣ же обряды, что и простой людъ, соблюдая посты. Но мало по малу и эта связь расшатывалась и падала; образовалось какъ бы два вѣроисповѣданія: одно, облегченное, для баръ, другое, по прежнему строгое, для сѣраго люда; а вскорѣ среди дворянства начало появляться и полное отчужденіе отъ вѣры отцовъ.

Это постепенное удаленіе дворянства отъ быта и вѣковыхъ настроеній гущи русскаго народа служило неоднократно темою для сѣтованій и попрековъ цѣлой школы историковъ и мыслителей. Но забывалась при этомъ и другая сторона русской жизни послѣ-Петровскаго періода, — неизбѣжная и неуклонная борьба противъ пороковъ и недочетовъ прошлаго, — наслѣдій темной татарщины и всесословнаго — сверху до низу — рабства. Повальное невѣжество, неумѣніе усовершенствовать хозяйственную жизнь свою и всей страны и пользоваться ея богатствами; пьяный разгулъ, необузданность, приливы ужасной жестокости, неподдававшіеся и религіозному вліянію, — все это и до Петра царило по всѣмъ сословіямъ и на всемъ пространствѣ необъятно разраставшейся Руси. И вотъ противъ этихъ-то отрицаній гражданственности и должны были повести войну новыя поколѣнія, разбуженныя Петромъ. Сначала лишь на верхахъ, въ столицахъ и при Дворѣ, въ немногихъ умственныхъ центрахъ тогдашней русской жизни начинали возникать иныя понятія, иныя задачи, складываться иные характеры. И оттуда уже проникало мало по малу въ отдаленные углы Россіи то, что принято, и не безъ осно-

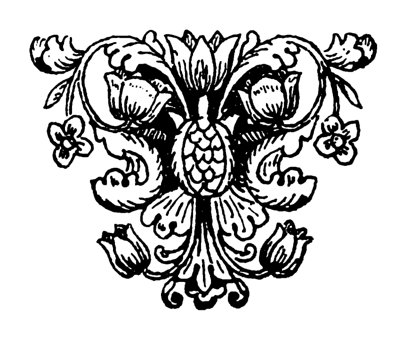
ванія, называть цивилизаціей, т. е. подчиненіе общественныхъ нравовъ требованіямъ общей пользы государства и его гражданъ. Въ провинціальныхъ центрахъ начали появляться подчасъ неподкупные и образованные чиновники; въ университетахъ и гимназіяхъ — люди науки и просвѣщенные воспитатели; усадьбы богатыхъ баръ и средней руки дворянъ, получившихъ образованіе, побывавшихъ за границей, сдѣлались какъ бы культурными очагами, гдѣ начинали серьезно заниматься земледѣліемъ и откуда и агрономическія познанія, и книга, и музыка, и обмѣнъ мыслей разсылали свои лучи по окрестностямъ. «Очаговъ этихъ было мало, весьма мало», говорили впослѣдствіи разночинцы, ведшіе страстный походъ противъ прежнихъ «дворянскихъ» идеаловъ; но однако эти очаги оставили неизгладимый слѣдъ во всей русской жизни и литературѣ XIX-го вѣка. «Помѣщичьи культурные центры расцвѣли на почвѣ, удобренной крѣпостничествомъ»... Жалкій доводъ. Если крѣпостное право пало наконецъ, то благодаря именно дѣйствію этихъ культурныхъ центровъ среди окружавшихъ тьмы и равнодушія.

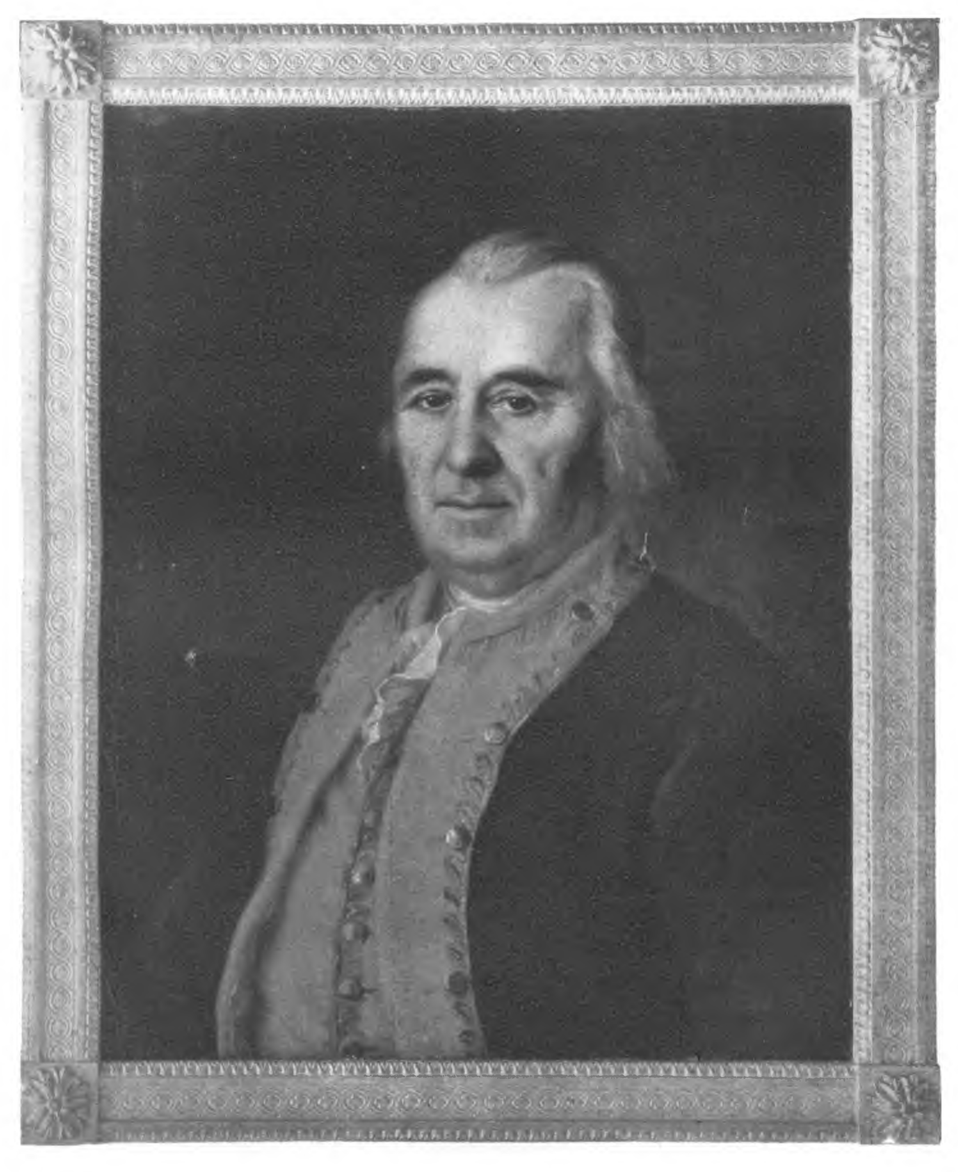
Нѣтъ, разъ оторванное Петровскимъ поворотомъ русской исторіи отъ своей прежней жизни, отъ своихъ прежнихъ безхитростныхъ устоевъ и отъ своей близости къ темному люду, — русское дворянское общество должно было роковымъ образомъ идти впередъ по новому, намѣченному судьбой пути общечеловѣческаго просвѣщенія; оно обязано было окончательно скинуть съ себя «ветхаго человѣка» и служить руководителемъ нараждавшемуся мало по малу «среднему сословію». Въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской государственности тѣ люди, которые воспитали въ себѣ вполнѣ цивилизованную личность, пріобрѣли основательныя познанія въ какой либо отрасли государственнаго строенія, земледѣлія, знанія или художества, — эти люди являлись истинными свѣточами русской жизни; все, что сдѣлано для Россіи и для русскаго народа, — сдѣлано ими...

Отъ того ли, что жизнь русскаго помѣстнаго дворянства была въ сущности столь же безцвѣтною, сколь и жизнь окру-

жавшаго его духовенства и крестьянства, — или отъ того, что наши семьи, начиная съ XVIII-го столѣтія, потеряли интересъ къ прошлому своему быту и къ прошлой жизни, — но мы въ сущности ровно ничего не знаемъ про нашихъ предковъ ранѣе конца XVII-го столѣтія, развѣ только если имена ихъ записаны въ лѣтописи выдающихся событій отечественной исторіи. Такъ называемые «боярскіе роды», и въ числѣ ихъ большинство княжескихъ, — знаютъ еще кое-что про того или иного предка своего въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ, т. е. знаютъ, что въ такомъ то походѣ онъ былъ «въ начальныхъ людяхъ», воеводою въ такомъ то городѣ, «дружкою» или «съ фонаремъ» на Государевой свадьбѣ; въ такомъ то отъ сотворенія міра году — посломъ Царскимъ къ Кесарю, Салтану, или къ Свейскому Королю; а въ такомъ то году «посыланъ въ Свіяжскъ, что луговая Черемиса заворовала»; что онъ подписалъ избраніе на царство королевича Владислава, а года черезъ два подавалъ голосъ за Михаила Романова... Но что это были за люди, каковъ — хотя бы приблизительно — былъ ихъ умственный и нравственный укладъ, даже на комъ они были женаты, — это въ большинствѣ случаевъ покрыто полною тьмою. Лишь ближніе люди царствованія Алексѣя Михайловича начинаютъ вырисовываться изъ этихъ общихъ потемковъ въ понятные намъ облики и характеры; для семей средняго дворянства это обличіе наступаетъ еще позднѣе, т. е. не раньше XVIII-го вѣка.

Для нашего рода, первымъ лицомъ, вырисовывающимся въ болѣе или менѣе осязательный образъ и характеръ, — является пра-прадѣдъ мой Василій Ивановичъ Неклюдовъ.

Василій Ивановичъ Неклюдовъ
(1716—1792)
(по портрету кисти Левицкаго)

ГЛАВА II

Бригадиръ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ НЕКЛЮДОВЪ (1716-1790). — Служба его въ Преображенскомъ полку. — Возвращеніе въ Тверскую округу и предводительство. — Первые сторонники и проводники въ жизнь «дворянскихъ привилегій». Дальнѣйшая судьба этого направленія. — Шлиссельбургскій узникъ. — Ближайшее потомство Василія Ивановича Неклюдова.

Василій Ивановичъ Неклюдовъ, выдержавъ установленный съ Петровскихъ временъ для дворянскихъ недорослей экзаменъ, поступилъ, въ самомъ началѣ царствованія Анны Іоанновны, въ родной ему, по службѣ отца, Преображенскій полкъ и тянулъ установленную лямку, сначала гренадерскую, а потомъ въ унтеръ-офицерскихъ лейбъ-Гвардіи чинахъ, которые въ тѣ времена равнялись армейскимъ обер-офицерскимъ. Когда, по мысли и почину Миниха, основанъ былъ въ Санктъ-Петербургѣ Шляхетскій Кадетскій Корпусъ, Василій Ивановичъ числясь въ полку, откомандированъ былъ, для пополненія своего образованія, въ это первое привилегированное учебное заведеніе, гдѣ преподавались арифметика и геометрія, нѣмецкій и французскій языки, артиллерія и фортификація, танцы, фехтованіе и верховая ѣзда.

При Елисаветѣ Петровнѣ Василій Ивановичъ продолжалъ съ успѣхомъ службу свою въ полку въ офицерскихъ чинахъ: прапорщика, поручика, адъютанта, капитанъ-поручика и, наконецъ, въ 1760-мъ году, произведенъ былъ въ капитаны перваго полка русской гвардіи, коего полковникомъ состояла въ тѣ времена сама Императрица, а подполковниками и «маеорами» — знатныя особы въ высшихъ генеральскихъ чинахъ состоявшія. Вскорѣ послѣ этого, — какъ кажется по обнародованіи манифеста о вольности дворянства, — Василій Ивановичъ вышелъ въ отставку съ высокимъ чиномъ Бригадира. Ему было за сорокъ пять лѣтъ; онъ уже пятнадцать лѣтъ былъ

женать на дѣвицѣ Евдокіи Яковлевнѣ Ѳедоровой изъ стариннаго Тверского рода Ѳедоровыхъ: у него было нѣсколько дѣтей; пора было на покой — въ свою родовую старинную вотчину, куда онъ возвращался съ немаловажнымъ по тогдашнимъ понятіямъ и условіямъ чиномъ и гдѣ могъ наконецъ зажить «самъ-большимъ», пользуясь почетомъ среди окружнаго дворянства и покровительствомъ важныхъ Петербургскихъ пріятелей и друзей противъ всегда возможныхъ притѣсненій и вымогательствъ мѣстной низшей администраціи и противъ судебной волокиты.

Вѣроятно, на первыхъ порахъ, главнымъ дѣломъ Горемыковскаго хозяина было наладить хозяйство и себя къ этому приспособить. Приходилось ему, какъ и большинству тогдашнихъ помѣщиковъ прилаживаться между прочимъ и къ не всегда удобнымъ условіямъ совладѣнія съ кое-кѣмъ изъ близкихъ и далекихъ родственниковъ. Совладѣльцами Горемыковскаго имѣнія, — являлись кое-кто изъ Неклюдовыхъ, а также и нѣкоторые члены изъ фамиліи Толстыхъ и изъ фамиліи Фиглевыхъ.

Семейныя лѣтописи помѣщичьихъ родовъ изобилуютъ воспоминаніями о постоянныхъ столкновеніяхъ съ подобными родственниками - совладѣльцами. Столкновенія эти доходили подчасъ до вооруженныхъ дракъ между крестьянами двухъ, вконецъ разсорившихся совладѣльцевъ, или до всенародныхъ словесныхъ перебранокъ — а то и рукопашныхъ состязаній между ними самими, когда они — или же онѣ, — какъ Брунгильда и Кримхильда, — встрѣчались, дыша ненавистью, на паперти мѣстнаго приходскаго храма... Но въ Горемыковѣ, — спѣшимъ отмѣтить, — царили въ этомъ отношеніи «тишь да гладь, да Божія благодать», что несомнѣнно говоритъ въ пользу сдержанности и уживчивости моего пра-прадѣда.

Родственная близость Неклюдовыхъ съ Толстыми (Ржевской вѣтви) обусловлена была*) бракомъ полковника Ивана Семеновича Толстого (№122 у Руммеля) съ дѣвицею Аку-

---

*) См.: Приложенія №№ 3, 4 и 6.

линою Андреевною Неклюдовою, дочерью маіора Андрея Ивановича Неклюдова и послѣднею представительницею и наслѣдницею земельнаго имущества вѣтви Ивана Григорьевича. Эта Акулина Андреевна, доводившаяся такимъ образомъ троюродною сестрою Бригадиру Василію Ивановичу, была, — какъ я слышалъ отъ одного изъ членовъ обширнаго рода Толстыхъ, особою приближенною къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й: она де переписывалась, между прочимъ, отъ имени Государыни, съ настоятелемъ Сергіевской пустыни (близь Петербурга) по вопросамъ касавшимся устроенія этой обители и денежныхъ и иныхъ пожертвованій, шедшихъ отъ Двора на сей предметъ. Вѣроятнѣе всего была она одною изъ тѣхъ четырехъ камеръ-фрау, коихъ, — по свидѣтельству самой извѣстной изъ нихъ, — Марьи Савишны Перекусихиной, — Екатерина пожелала выбрать изъ не говорящихъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, но добраго происхожденія дворянокъ; и это — съ нарочитою цѣлью пользоваться чуть ли не ежечасно вынужденною практикою живой русской рѣчи, а также заимствоваться у такихъ провинціальныхъ дворянокъ знанія коренныхъ русскихъ обычаевъ, пословицъ, примѣтъ и господствовавшаго въ заправской русской средѣ отношенія къ церковно - православной обрядности.

Если все это такъ, и Акулина Андреевна Толстая, рожденая Неклюдова, занимала дѣйствительно должность камер-фрау Екатерины, то еще болѣе понятными станутъ отмѣчаемые мною нѣсколькими страницами ниже служебные и общественные успѣхи сыновей Василія Ивановича Неклюдова. Было кому за нихъ поворожить въ ближайшемъ и ежедневномъ антуражѣ Матушки - Государыни, было кому и наблюсти за ихъ первыми шагами въ столичномъ свѣтѣ: гдѣ похвалить, а гдѣ и пожурить за дѣло, а наконецъ и сосватать богатую невѣсту. Въ тѣ времена троюродная сестра считалась еще родственницею — и близкою; а если въ семьѣ царилъ ладъ, то оказывалась подчасъ и прямою «благодѣтельницею»!

Замѣтимъ по этому поводу, что въ послѣдующія царствованія камер-фрау выбирались изъ дворянскихъ же, но мало знатныхъ балтійскихъ, финляндскихъ, а то и прямо герман-

скихъ фамилій, дабы такимъ образомъ облегчить молодымъ Великимъ Княгинямъ и Государынямъ ихъ ежедневный обиходъ на новой и чуждой для нихъ родинѣ. И, сообразно съ симъ, въ гвардіи и при дворѣ начали появляться и успѣшно служить, а въ столичномъ свѣтѣ заключать выгодные браки (и выходить такимъ путемъ въ русскую знать) молодые люди съ безвѣстными дотолѣ нѣмецкими, скандинавскими или финскими прозвищами.

Но не одно лишь хозяйство и не одни семейныя отношенія интересовали пра-прадѣда моего Бригадира Василія Ивановича. Онъ принадлежалъ къ нараждавшейся среди русскаго дворянства партіи, которая мечтала обезпечить за дворянствомъ нѣкоторыя политическія права. Первымъ проявлніемъ этого настроенія было шествіе въ Московскій Слободской Дворецъ, къ только что коронованной Аннѣ Іоанновнѣ, Московскаго именитаго дворянства подъ водительствомъ «птенцовъ Петровыхъ» — Татищева и кн. Черкасскаго. Въ челобитной, поданной Аннѣ, дворяне протестовали противъ необычайныхъ правъ, выговоренныхъ себѣ «верховниками», просили Императрицу объявить себя паки Самодержицею, но въ то же время ходатайствовали о дарованіи всему Россійскому дворянству правъ и льготъ, сводившихся главнымъ образомъ къ своего рода — Habeas Corpus'у. Анна обласкала дворянъ, обѣщала имъ заняться ихъ пожеланіями, затѣмъ разорвала свой договоръ съ верховниками, вернула себѣ всю полноту власти... а объ остальныхъ просьбахъ своего дворянства забыла и думать, замѣнивъ ожидавшуюся хартію призваніемъ изъ Митавы своего любовника фонъ-Бюрена, который показалъ русскому дворянству, — наряду со всѣми другими обывателями земли Русской, особаго рода Habeas Corpus, во образѣ удесятирившей свою все-нивелировавшую дѣятельность — Тайной Канцеляріи.

Много долженъ былъ навидаться съ молоду и за службу свою въ столицѣ въ это страшное время молодой преображенецъ. Эти ужасы, и рядомъ съ ними чтеніе кое-какихъ книгъ — «филозовскаго» вѣка и общеніе съ другими неглупыми людьми въ «антуражѣ» Миниха должны были сдѣлать Василія Ивановича сторонникомъ и поборникомъ — пока лишь въ тайникѣ души своей — дворянскихъ правъ и преимуществъ...

Въ семейныхъ бумагахъ того времени я нашелъ прошеніе, написанное моимъ пра-прадѣдомъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Содержаніе прошенія было слѣдующее: Рядомъ со старинною Неклюдовской вотчиною и съ селомъ Горемыковымъ, находились обширныя земельныя угодья одного изъ Тверскихъ монастырей. Часть этихъ угодій, расположенную рядомъ съ ихъ землями, владѣльцы Горемыкова арендовали изъ году въ годъ. Пра-прадѣдъ мой задумалъ округлить свои владѣнія покупкою этихъ арендуемыхъ земель. Настоятель съ братіею изъявляли на это свое согласіе, но къ сожалѣнію законы того времени запрещали отчужденіе церковныхъ и монастырскихъ земельныхъ имуществъ. И вотъ капитанъ - поручикъ Преображенскаго полка В. И. Неклюдовъ обращается къ Императрицѣ съ челобитіемъ о Всемилостивѣйшемъ дозволеніи монастырю продать ему упомянутыя земли. На двухъ листахъ, собственноручнымъ почеркомъ и тяжелымъ, но основательнымъ слогомъ того времени, мой пра-прадѣдъ указываетъ на вредъ «de la main-morte» и разъясняетъ, насколько выгоднѣе для самаго государства, чтобы земля находилась въ управленіи не учрежденія или коллективнаго лица, а частнаго собственника, радѣющаго не только о ея доходности, но и объ улучшеніи хозяйства и почвы. Видно, что авторъ челобитной читалъ и хорошо усвоилъ сочиненія Монтескье и физіократовъ.

Когда наступила эпоха Екатерининскихъ преобразованій и дворянству было даровано право выбора не только своихъ сословныхъ органовъ, но и земскихъ чиновниковъ и судей, — Василій Ивановичъ Неклюдовъ явился въ Тверской губерніи однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ и проводниковъ

знаменательной дворянской реформы. Въ 1775 году, Василій Ивановичъ, не будучи ни особенно знатнымъ, ни даже богатымъ помѣщикомъ, — при семьѣ въ девять человѣкъ дѣтей, его девятьсотъ душъ крестьянъ далеко не могли называться богатствомъ, — выбирается Губернскимъ Предводителемъ Дворянства и остается таковымъ два трехлѣтія, что явно указываетъ на вліяніе, пріобрѣтенное давнимъ сторонникомъ дворянскихъ привиллегій на своихъ Тверскихъ собратьевъ. Одинъ изъ сыновей Василія Ивановича, — Михаилъ Васильевичъ, — выйдя въ отставку также съ чиномъ бригадира, выбирается въ 1788 году Старицкимъ уѣзднымъ, а въ 1800-мъ году состоитъ Тверскимъ Губернскимъ Предводителемъ. Наконецъ, старшій сынъ Василія Ивановича — мой прадѣдъ Петръ Васильевичъ, — вскорѣ послѣ женитьбы на богатой Новгородской помѣщицѣ Левашовой, покидаетъ Преображенскій полкъ и выбирается предсѣдателемъ Новгородскаго Надворнаго Суда. Очевидно вся семья Горемыковскаго владѣльца проникнута горячими симпатіями къ новымъ порядкамъ и охотно берется проводить ихъ въ жизнь въ своей средѣ и своей округѣ.

Въ нашей исторической литературѣ принято относиться весьма критически къ дворянской реформѣ Екатерины. Дворянству даны де были вольности и льготы, коими оно не съумѣло даже къ собственному благу воспользоваться, а для несчастныхъ крѣпостныхъ ничего ровно не было сдѣлано; и помѣщичій гнетъ легъ на нихъ, со временъ Екатерины, пожалуй еще тягче, чѣмъ до того. Все это до извѣстной степени вѣрно. Но наши «радикальные» историческіе разслѣдователи забываютъ, какой долгій періодъ времени и какой огромный переломъ понятій легли между Екатерининскою реформою и тѣмъ временемъ, когда начало нараждаться и расти отвращеніе мыслящей и честной части русскаго общества къ крѣпостничеству.

Дарованіе правъ дворянству являлось несомнѣнно починомъ дарованія вообще политическихъ правъ русскому наро-

ду. Дворянство было въ то время, — этого не надо забывать, — почти единственнымъ образованнымъ слоемъ этого народа, — и предоставленное ему участіе въ административномъ управленіи государствомъ и въ области судебной являлось знаменательнымъ отступленіемъ отъ прежнихъ византійскихъ воззрѣній и татарскихъ обычаевъ. Въ Россіи того времени не существовало еще рсредняго сословія, которое могло бы добиваться участія въ государственномъ управленіи. Къ этому участію стремились сознательно лишь наиболѣе просвѣщенные представители высшаго и средняго дворянства, пробужденные реформами Петра, начавшимся общеніемъ съ западною мыслью, а подчасъ и личнымъ знакомствомъ съ зарубежными порядками; въ послѣднемъ отношеніи немаловажное значеніе имѣли частые походы въ Финляндію, въ Прибалтійскій край и въ Пруссію.

Въ концѣ XVI-го и въ теченіе XVII-го вѣка старозавѣтный идеалъ самодержавія, обагренный преступленіями Грознаго и поверженный временно въ прахъ междуцарствіемъ, находилъ себѣ лишь одинъ противовѣсъ — въ идеалѣ Польской Государственной вольности. Но эта вольность выражалась въ то время главнымъ образомъ въ самовластіи магнатовъ; почему и въ Россіи Польскій идеалъ явился идеаломъ семибоярщины, затѣмъ немногихъ просвѣщенныхъ и властолюбивыхъ именитыхъ бояръ Алексѣевской эпохи, и наконецъ — «верховниковъ». Но большинство боярской думы и все среднее и низшее помѣстное дворянство, отнюдь не желавшее подчиняться, какъ въ Польшѣ, — по группамъ, — водительству и самовластію магнатовъ, «жить подъ» тѣмъ-то или тѣмъ-то, роптавшее даже и въ тогдашней Россіи на спѣсь и засилье случайно выдавшихся родовъ, опасавшееся еще вящаго ихъ усиленія, — это огромное большинство дворянства оставалось — до поры — вѣрною подпорою Самодержавія, во всей его, хотя бы и не легко сносимой полнотѣ. Когда же приспѣло для болѣе развитой части русскаго дворянства время стремиться къ лучшей участи нежели та, которую создали для дворянъ неумолимыя требованія Петра, а затѣмъ бзшабашное и жестокое хозяйничанье разныхъ «случайныхъ» проходимцевъ, — то не къ Польшѣ и не къ польскимъ поряд-

камъ обратились взгляды передовыхъ того времени русскихъ людей, а къ Швеціи, гдѣ дворянская конституція, умѣряемая силою и престижемъ Королевской власти, дала блестящіе плоды въ XVII-мъ столѣтіи и продолжала еще существовать въ XVIII-мъ.

Екатерина II-я, постигнувъ по опыту, насколько шатко положеніе лица, захватившаго Императорскій «прародительскій» Престолъ, если оно не заручится поддержкою дворянства, т. е. офицерства и высшихъ и среднихъ чиновъ государства, — рѣшила опираться и въ будущемъ на это сословіе, представлявшее собою къ тому же «общественное мнѣніе» Россіи. Это сословіе захотѣла она пріобщить къ своему міровоззрѣнію образованной европеянки XVIII-го вѣка и направить къ проведенію своихъ, философіей этого вѣка навѣянныхъ реформъ; въ немъ же искала — и нашла — она подспорье своей смѣлой и честолюбивой внѣшней политикѣ. Опорнымъ пунктомъ и рычагомъ государственной жизни признано было «благородное» дворянство; къ нему прдъявлены были съ высоты Трона немаловажныя новыя требованія, но на него посыпались и новыя милости и новые, небывалые знаки довѣрія.

...Историческія условія русской жизни помѣшали постепенному и успѣшному развитію Екатерининскихъ начинаній. Главнымъ препятствіемъ къ этому развитію являлась съизначала неприспособленность русской помѣщичьей среды къ той роли, которую захотѣли возложить на нее выдающіеся и образованные ея сочлены. Припомнимъ хотя бы записки Болотова и повѣствованія его о томъ, чему свидѣтелемъ былъ онъ въ своей ранней юности — т. е. въ половинѣ XVIII-го столѣтія — въ Псковской провинціи. Петровская ломка, петровскія преобразованія не успѣли еще повліять, — къ тому времени по крайней мѣрѣ, — на повышеніе умственнаго уровня и на облагороженіе нравовъ русской провинціи. Напротивъ того, перенеся столицу государства изъ насиженнаго центра Московской Руси на далекую, только-что отвоеванную у Шведа окраину, — неистовый Орландъ русскаго прогресса увелъ съ собою туда и свою «опричнину», т. е. всѣхъ тѣхъ бодрыхъ, пытливыхъ, готовыхъ на любую «машкераду», но

также и на любую серьезную перелицовку людей, съ помощью коихъ создалъ онъ новую Россійскую Имперію, двѣсти лѣтъ простоявшую и до послѣдняго дня крѣпнувшую, ширившуюся...

Русское дворянское сословіе при Петрѣ раздвоилось: въ дальнемъ Петербургѣ, — какъ бы на отлетѣ отъ Россіи, — сосредоточились всѣ «блюстители интереса Его Величества», всѣ имущіе власть, всѣ работники; въ провинціальныхъ городахъ и весяхъ, начиная съ развѣнчанной Москвы, остались всѣ тѣ, кто случайно не былъ втянутъ, или былъ втянутъ насильно и противъ воли въ движеніе государственнаго механизма. Изъ Петербурга наѣзжали внутрь Россіи и на ея окраины правители, фискалы, и «особыхъ дѣлъ» слѣдователи; посылались командиры воинскихъ частей, имѣвшіе долгомъ учить не только солдатъ воинскому артикулу, но и обер-офицеровъ изъ дворянъ европейскому «вѣжливству». Геръ Обер-Гиттен-Фервалтеръ Стародумъ и Лейбъ - гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Милонъ наѣзжали по временамъ въ свою родную округу, выручали чувствительную Софью, сдавали въ матросы балбеса - Митрофанушку, наводили — на время — спасительный страхъ на госпожу Простакову и озадачивали дядюшку Скотинина; но уѣзжали они обратно въ столицу или на одну изъ далекихъ окраинъ Государства, — и взбаломученный провинціальный прудъ снова затягивался тиною, — подчасъ порядочно-таки зловонною и прикрывавшею нерѣдко вопіявшія къ небу преступленія! Трудно, весьма трудно было найти на мѣстахъ мало-мальски способныхъ исполнителей тѣхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей, которыя налагали на помѣстное дворянство знаменитая грамота и реформа Екатерины.

Когда-же, въ началѣ XIX-го вѣка, стали появляться и въ провинціи люди образованные, не чуждавшіеся общественной дѣятельности и честной работы и способные понять, какія требованія предъявила къ нимъ четверть вѣка передъ тѣмъ Монаршая власть, тогда сама власть эта перемѣнила свои воззрѣнія, да и среди приспѣвавшихъ общественныхъ дѣятелей «дворянская конституція» не находила уже столь убѣжденныхъ сторонниковъ, какихъ находила она среди немногихъ передо-

выхъ людей Екатерининскаго вѣка. Въ Россію проникли отзвуки Французской революціи, противупоставившей «свободу, равенство и братство» всякой сословности и даже всякой тѣсной группировкѣ людей одного рода занятій и ремесла; и еще ближе и громче сказались у насъ распорядки Наполеоновской Имперіи, съ ея стройнымъ законодательствомъ, представлявшимъ въ сущности возрожденіе Римскаго и Византійскаго понятія о всесиліи верховной власти, о равенствѣ всѣхъ и каждаго передъ этой властью, ограничивающею самое себя лишь строгою оградою законовъ. А наряду съ этимъ вліяніемъ, выразившимся фаворомъ Сперанскаго и его кипучею дѣятельностью, сказывалось на самыхъ верхахъ русской Государственной власти и окрѣпло, — въ особенности съ 1815 года, — вліяніе Прусско - Нѣмецкое, усматривавшее идеалъ правленія въ крѣпкомъ, всепроникающемъ и всемогущемъ чиновничествѣ, а отнюдь не въ самоуправленіи дворянско-земскомъ или въ контролѣ общественномъ.

Таковы были причины, не дозволившія развиться до конца смѣлымъ и благороднымъ — по тому времени — начинаніямъ Вяземскихъ, Бибиковыхъ и другихъ главныхъ вдохновителей реформы. Дворянская «конституція» Екатерины не перешла естественнымъ путемъ (какъ въ Швеціи) въ конституцію государственную. Тѣмъ не менѣе она дала немаловажные плоды. Она распространила и укрѣпила мысль и понятіе о правахъ и обязанностяхъ гражданскихъ среди болѣе образованной части сословія; она положила начало тому ряду просвѣщенныхъ дѣятелей, которые, въ тотъ «жестокій вѣкъ» являлись поборниками законности, человѣчности и движенія впередъ русской страны и русскаго народа: одни — на поприщѣ государственнаго строительства, другіе — на поприщѣ научномъ и просвѣтительномъ. Въ этой дѣятельности и въ этомъ подвижничествѣ, въ этой службѣ государству и народу сказались высшее назначеніе и высшая заслуга нашего служилаго дворянскаго сословія, которое едва - ли могло бы выдѣлить изъ себя столькихъ талантливыхъ и полезныхъ дѣятелей, если бы продолжало, — какъ при первыхъ Романовыхъ, какъ при Петрѣ и при Аннѣ, — влачить существованіе

безправное, въ страхѣ и въ униженіи передъ носителями власти, каковы бы они ни были.

Мало по малу, наряду съ дворянствомъ, выступаютъ на поприще государственной службы, науки и искусства, меценатства и труженничества также и иные элементы: — богатый торговый людъ, семинаристы, потомки иностранныхъ пришлецовъ, разночинцы. Но и они первое время — равнялись по дворянской средѣ, и только мало по малу заняли положеніе самостоятельное. Причемъ, кстати будь сказано, на одномъ поприщѣ русское образованное дворянство оставило за собою до самаго конца неоспоримое первенство, а именно на поприщѣ писательскомъ: выше Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевскаго — мало писателей въ міровой литературѣ, и нѣтъ имъ равнаго въ отечественной.

Заговоривъ о новыхъ судьбахъ, открывавшихся для русскаго дворянства въ царствованіе Екатерины Великой, я однако отвлекся отъ моего пра-прадѣда и его семьи...

Семейныя преданія очерчиваютъ Василія Ивановича веселымъ и даже шалуномъ въ юности, а въ старости — человѣкомъ серьезнымъ, задумчивымъ, строгимъ къ себѣ и къ другимъ, — хотя и не черезчуръ крутымъ, и чрезвычайно набожнымъ. Хорошій поясной портретъ моего пра-прадѣда, кисти Левицкаго (première manière) — портретъ, находящійся въ моемъ обладаніи, — писанъ былъ вѣроятно въ одно изъ посѣщеній имъ своего старшаго сына въ Петербургѣ, приблизительно около 1780-го года. Благородныя, правильныя черты этого изображенія соотвѣтствуютъ вышеприведенной характеристикѣ. Сдается, что много грустнаго и ужаснаго видѣли эти ка-

ріе—нѣкогда веселые—глаза и что много думъ продумано подъ этимъ высокимъ, благороднаго склада челомъ. Василій Ивановичъ изображенъ въ своемъ преображенскомъ съ красными лацканами мундирѣ, безъ парика, съ недлинными, на половину побѣлѣвшими волосами, зачесанными просто назадъ; безъ какихъ бы то ни было орденовъ; впрочемъ, за время его службы и не существовало иныхъ русскихъ орденовъ, кромѣ «высокихъ кавалерій» — Андреевской и Александра Невскаго.

О набожности моего пра-прадѣда говорится между прочимъ въ запискахъ Екатерины Вас. Задонской, рожденой Неклюдовой («Быль XIX-го вѣка»), правнучки Василія Ивановича. Она помнила разсказы своего дѣда Николая Васильевича, который вмѣстѣ со своимъ братомъ Владиміромъ, — какъ младшіе, — долѣе другихъ оставались въ родномъ гнѣздѣ — Горемыковѣ. Ежедневно раннимъ утромъ будилъ ихъ отецъ: «Вставай, Владиміръ; вставай, Николай. Къ заутренѣ звонятъ...» И оба мальчика, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, начинали день въ Горемыковскомъ храмѣ, построенномъ этимъ набожнымъ и строгимъ родителемъ.

По семейнымъ преданіямъ былъ у моего пра-прадѣда и особый поводъ къ серьезнымъ думамъ и къ покаянію. Было въ жизни его событіе, обострившееся впослѣдствіи въ драму совѣсти и одинокихъ думъ.

Воцареніе Елизаветы Петровны состоялось, какъ извѣстно, при дѣятельномъ участіи Преображенскаго полка. Не только въ лейбъ-кампаніи, но и въ другихъ ротахъ гвардіи горячо привѣтствовали дщерь Петрову и стали вкругъ нея. Долгое время, въ сутолокѣ столичной и полковой жизни, Василій Ивановичъ вѣроятно не особенно задумывался надъ тѣмъ, какова была его небольшая роль въ этомъ событіи и соотвѣтствовала-ли она вполнѣ требованіямъ чуткой и неподкупной совѣсти. Но съ удаленіемъ въ 1761-мъ году въ тишину Горемыковскаго гнѣзда, прошлое стало чаще представляться пожилому барину. А тутъ новый, громкій переворотъ, посадившій на «прародительскій» престолъ геніальную Ангальтъ-Цербстскую принцессу, а вслѣдъ за тѣмъ, — менѣе чѣмъ черезъ два года, —

вѣсть объ «авантюрѣ» Мировича и о плачевной гибели злосчастнаго Шлиссельбургскаго узника... Если въ душѣ отставного бригадира дѣйствительно копошились сомнѣнія и укоры по отношенію къ судьбѣ младенца - Императора, коему онъ нѣкогда приносилъ, — со всѣмъ Преображенскимъ полкомъ, — предъ святымъ Крестомъ и Евангеліемъ, присягу въ вѣрности, и который нынѣ прозябалъ безвѣстно гдѣ, въ заключеніи, строгость и жестокость коего были хорошо извѣстны старому служакѣ, помнившему Бироновскіе и иные ужасы, — то сколь наче должна была заговорить чуткая совѣсть при оффиціальномъ извѣстіи о гибели несчастнаго Іоанна Антоновича и раскрывшихся подробностяхъ о проведенныхъ имъ, почти съ колыбели, годахъ тягчайшаго тюремнаго заключенія!

Такъ по крайней мѣрѣ объясняло семейное преданіе укоры совѣсти, испытанные Василіемъ Ивановичемъ. Но быть можетъ трагическая участь и гибель развѣнчаннаго младенца вызывали въ немъ и иныя, болѣе непосредственныя и болѣе грозныя воспоминанія. Мартирологъ Іоанна Антоновича далеко не достаточно изслѣдованъ исторіею. Всѣ документы, касавшіеся несчастнаго «чортушки», — какъ называла его Елизавета, — хранились въ самыхъ потайныхъ ящикахъ Тайной Канцеляріи и собственныхъ Ихъ Величествъ архивовъ, а многое было по всему вѣроятію уничтожено причастными къ дѣлу лицами. Я слышалъ, напримѣръ, или читалъ (навѣрное не припомню) разсказъ о похищеніи маленькаго Іоанна изъ первоначальнаго мѣста его заключенія, о розыскѣ бѣглецовъ по всей Имперіи, и объ арестованіи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на польской границѣ «чернобородаго неизвѣстнаго въ простонародномъ платьѣ» и съ нимъ похищеннаго мальчика. «Чернобородый» умеръ-де въ ужасныхъ пыткахъ, не выдавъ ни имени своего, ни тайныхъ руководителей похищенія; а ребенокъ именно съ этого времени водворенъ былъ въ Шлиссельбургскомъ замкѣ, окутанный столькраты окровавленнымъ покрываломъ государственной тайны. Основанъ ли этотъ разсказъ на дѣйствительныхъ данныхъ, я въ настоящее время провѣрить не могу. Но если это взаправду было, то въ поискахъ и розыскѣ весьма вѣроятно участвовали гвардейскіе оберъ-офицеры и

сержанты, коимъ, какъ я говорилъ выше, часто давались подобныя особо-секретныя и важныя порученія. И если мой прапрадѣдъ былъ, на свое несчастіе, однимъ изъ этихъ офицеровъ, то могло то, чему былъ онъ свидѣтелемъ, лечь на его душу гораздо большею тяжестью нежели измѣна, — вмѣстѣ со всемъ Преображенскимъ полкомъ, маленькому «нѣмецкому отродью» и воздвиженіе на щитъ бойкой, красивой и ласковой «дщери Петровой».

Но я не хочу тревожить памяти стараго, богобоязненнаго Бригадира дальнѣйшими догадками...

Гораздо позже, когда Василій Ивановичъ былъ уже избранъ Тверскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, старшіе сыновья его, богато женившіеся и преуспѣвавшіе на службѣ, убѣдили - было своего отца въ необходимости выстроить въ Горемыковѣ новый барскій домъ, болѣе соотвѣтствующій и духу времени, и новому, выдающемуся общественному положенію владѣльца. Старикъ согласился и даже принялъ отъ своего старшаго сына денежное пособіе для возведенія новыхъ хоромъ, проэктировавшихся вѣроятно каменными, а если и деревянными, то, конечно, съ бѣлыми оштукатуренными колоннами, съ греческимъ фронтономъ и съ приличествующими бѣлыми барельефами на выкрашенныхъ въ сѣрый цвѣтъ, — подъ камень, — стѣнахъ.

Черезъ нѣкоторое время старшій Неклюдовъ прибылъ на короткую побывку къ отцу. Подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ не увидалъ и признаковъ новой постройки; но, недалеко отъ стараго приземистаго барскаго дома, высился, вмѣсто прежней ветхой деревянной церковки, большой каменный храмъ, съ обширнымъ куполомъ и высокимъ шпилемъ надъ колокольнею. На другое же утро Василій Ивановичъ повелъ своего сына въ новый храмъ къ ранней обѣднѣ; тамъ, по обыкновенію, старикъ долго, колѣнопреклоненно, и, на этотъ разъ, со слезами, молился. По возвращеніи изъ храма, Петръ Васильевичъ, проводивъ отца въ кабинетъ, — низкую горницу съ небольшими оконцами и объемистой печкой - лежанкой, — спросилъ его: «А новый домъ, Батюшка, Вы отложили постройкой?»

Старикъ нѣсколько времени промолчалъ. — «Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, я новаго дома вовсе строить не буду... Какъ жила здѣсь моя покойная матушка, царство ей небесное, — такъ и мы съ твоей матерью до конца вѣка проживемъ... Я вмѣсто дома, какъ ты видѣлъ, храмъ новый построилъ. А тѣ двѣ тысячи рублей, что ты мнѣ на новые хоромы посулилъ, — оставь себѣ... развѣ что пожелаешь этими деньгами въ постройкѣ храма участвовать...

— Какъ же, Батюшка, конечно. Сочту это за счастье...

Старикъ снова промолчалъ, сѣлъ въ свое «вольтеровское» кресло, не пригласивъ однако сына садиться, и нѣсколько торжественнымъ голосомъ началъ: «Слушай, Петръ. Ты вотъ тамъ, въ Петербургѣ хорошо и въ достаткѣ живешь, по службѣ успѣваешь, съ важнѣйшими персонами компанію водишь, къ самой Государынѣ Императрицѣ доступъ имѣешь, — и жену ты такую взялъ, какія нынѣ на рѣдкость... Все это хорошо... Но одно я хочу сказать тебѣ, Петръ: помни ты всегда присягу и оставайся ей вѣренъ; и сыновьямъ также крѣпко на крѣпко закажи. Слышишь... А то много у насъ перевертовъ развелось... А за измѣну присягѣ и крестному цѣлованію ты знаешь, Кому и когда мы отвѣтъ должны дать?..» Голосъ стараго барина оборвался и онъ поникъ головой... Чиновный и богатый сынъ, молча и съ особымъ почтеніемъ подошелъ къ ручкѣ отца... Черезъ нѣсколько времени разговоръ перешелъ на обыденныя темы хозяйственныя, семейныя и на разсказы новоприбывшаго о Петербургскихъ знакомцахъ и новостяхъ.

Разсказъ этотъ былъ переданъ моему дѣду, въ главныхъ чертахъ, его старшею сестрою Маріею Петровною Супоневою, которая сама слышала его отъ своей матери Елизаветы Ивановны Неклюдовой въ годъ, послѣдовавшій за кончиною Петра Васильевича (1799). Елизавета Ивановна и сообщила при этомъ дочери своей, изложенныя выше предположенія, что свекоръ ея, Василій Ивановичъ до самой кончины своей каялся-де въ измѣнѣ злосчастному Іоанну Антоновичу; и что построилъ онъ новый Горемыковскій храмъ именно въ память невинно убіеннаго Іоанна. Послѣднее однако не совсѣмъ вяжет-

ся съ записью въ писцовыхъ книгахъ*), согласно коей и старый деревянный храмъ села Горемыкова посвященъ былъ уже въ XVI-мъ вѣкѣ Рождеству св. Іоанна Предтечи.

Василій Ивановичъ Неклюдовъ скончался въ 1792-мъ году и погребенъ, по всему вѣроятію, въ выстроенномъ имъ новомъ Горемыковскомъ храмѣ, хотя въ провинціальномъ Некрополѣ могила его не упоминается рядомъ съ обозначенною могилою его супруги. Два или три письма Василія Ивановича къ сыну, сохранившіяся въ семейныхъ бумагахъ, — довольно обыденнаго содержанія, — писаны изъ Твери и касаются почти исключительно предметовъ хозяйственныхъ.

О личности жены его, Авдотьи Яковлевны, рожденной Ѳедоровой, не имѣется у меня, — какъ это ни странно, — ровно никакихъ свѣдѣній. Она родила мужу, между 1745-мъ и 1765-мъ годами, девятерыхъ дѣтей: сыновей Петра, Сергѣя, Михаила, Павла, Владиміра и Николая и дочерей, Анастасію, Дарью и Татьяну.

Большинство многочисленнаго потомства Василія Ивановича Неклюдова вышло удачно и быстро въ люди, т. е. сдѣлало карьеру и женилось на богатыхъ наслѣдницахъ. Почти всѣ они были, по семейнымъ преданіямъ, люди неглупые и, по тогдашнему времени, образованные, чѣмъ обязаны были взглядамъ и руководству своего отца.

Мой прадѣдъ, Петръ Васильевичъ (род. въ 1745 году), началъ службу въ Преображенскомъ полку, женился на единственной дочери богатаго Новгородскаго помѣщика Левашова, перешелъ затѣмъ на выборную и на гражданскую службу, жилъ всегда въ Петербургѣ и тамъ же скончался 52 лѣтъ отъ роду тайнымъ совѣтникомъ и оберъ-прокуроромъ Сената**)

---

*) См. стр. 30-я.

**) А не сенаторомъ, какъ ошибочно значится въ родословной, изданной Петромъ Алексѣевичемъ Неклюдовымъ — моимъ четвероюроднымъ братомъ.

Объ немъ и его женѣ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ.

Сергѣй Васильевичъ (род. въ 1746 году), начавъ службу также въ Преображенскомъ полку, въ бомбардирской ротѣ, дослужился до чина Генералъ-Маіора; онъ между прочимъ командовалъ артиллеріею Генералъ-аншефа Кн. Долгорукаго (Крымскаго) при занятіи въ 1783 году Крыма. Впослѣдствіи онъ былъ правителемъ Полоцкаго намѣстничества, а послѣ этого Тамбовскимъ губернаторомъ. Жена его, Анна Николаевна, рожденая Дмитріева - Мамонова, двоюродная сестра попавшаго въ случай «красавчика» графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, обладала значительнымъ приданымъ, красивою наружностью и крутымъ, вспыльчивымъ нравомъ. Мужа своего она держала, что называется, подъ башмакомъ, съ крѣпостными не церемонилась; въ семьѣ шли разсказы о томъ, какъ, будучи маленькаго роста, она вскакивала въ сѣняхъ на одинъ изъ традиціонныхъ ларей,, чтобы бить по щекамъ своихъ рослыхъ ливрейныхъ лакеевъ. Сыновей Сергѣй Васильевичъ не имѣлъ. Изъ двухъ дочерей его, старшая, Варвара, вышла за генерала Глазенапа, а вторая, Марія, за Владиміра Николаевича Шеншина.

Сергѣй Васильевичъ Неклюдовъ былъ знающій артиллеристъ и хорошій служака; но если вѣрить князю Ивану Михайловичу Долгорукову («Капище моего сердца»), то проявлялъ, — въ Финляндскомъ походѣ 1790-го года по крайней мѣрѣ, — болѣе рвенія къ игрѣ въ вистъ, нежели къ исканію опасностей на полѣ брани. Въ бытность Тамбовскимъ губернаторомъ, — съ 1794 до конца 1796 года, — Сергѣй Васильевичъ обнаружилъ, къ сожалѣнію, столь свойственныя той эпохѣ, но весьма несимпатичныя черты самовластія и покрытія разныхъ злоупотребленій. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ напечаталъ какъ-то въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ «Образецъ стариннаго крючкотворства», прошеніе, поданное однимъ изъ его родственниковъ этому «Генералъ-Маіору и Кавалеру» С. В. Неклюдову. Жалуясь на какую-то кривду, чинимую ему губернскимъ начальствомъ, проситель сваливаетъ всю вину на правителя Губернаторской канцеляріи, нѣкоего Змѣе-

ва. «Ползеть змій въ кабинетъ Вашего Превосходительства», восклицаетъ въ паѳосѣ авторъ прошенія, «шепчетъ злобные извѣты и обманы»... Подъ вліяніемъ змія-ли, или жены, но Сергѣй Васильевичъ оставилъ по себѣ весьма плохую память въ Тамбовѣ и вскорѣ изгнанъ былъ изъ губернаторскаго рая. Онъ жилъ съ тѣхъ поръ, съ семьею, въ Москвѣ, въ огромномъ, Екатерининскаго стиля, домѣ на Бронной. Впослѣдствіи этотъ домъ былъ купленъ подъ Московскую Дѣтскую Больницу. Благово въ своихъ московскихъ воспоминаніяхъ «Разсказы бабушки» (Яньковой) часто упоминаетъ эту семью Неклюдовыхъ, бывшую въ дружбѣ со старушкой Яньковой.

Павелъ Васильевичъ Неклюдовъ, подполковникъ (какъ значится у Руммеля и у П. А. Неклюдова) родился около 1755-го года и умеръ рано, раньше даже своего отца. Онъ былъ женатъ на Пелагеѣ Ивановнѣ Толстой, дочери Акулины Андреевны, рожденной Неклюдовой (камер-фрау Императрицы Екатерины II-й); потомства не оставилъ. По всѣмъ признакамъ Аклуина Андреевна была совладѣлицей села Горемыкова*) и Павелъ Васильевичъ, женившись на ея дочери, предназначался, какъ то водилось встарь, въ замѣстители своего отца и тещи по управленію родовымъ имѣніемъ. Но ранняя смерть Павла Васильевича разстроила эти планы и слѣдующему за нимъ брату Михаилу Васильевичу пришлось волею неволею проститься съ морскою службою и поселиться въ деревнѣ, дабы помогать отцу и опекать, до извѣстной степени, своихъ двухъ младшихъ братьевъ.

Михаилъ Васильевичъ Неклюдовъ, какъ мнѣ разсказывалъ отецъ, началъ службу во флотѣ и находился въ числѣ офицеровъ на первомъ русскомъ военномъ суднѣ, совершившемъ кругосвѣтное плаваніе. Выйдя въ отставку съ чиномъ бригадира

*) Что въ свою очередь указываетъ на то, что Горемыково принадлежало уже въ половинѣ XVII-го вѣка упоминаемому нами неоднократно Григорію Захарьевичу Неклюдову — прадѣду Акулины Андреевны и Василія Ивановича Неклюдова.

по флоту, онъ въ 1788 году былъ избранъ Старицкимъ Предводителя Дворянства, каковымъ и оставался два трехлѣтія. Въ 1800 году онъ былъ Тверскимъ Губернскимъ Предводителемъ. Избраніе на такое видное общественное мѣсто очень- небогатаго дворянина*) доказываетъ, что Михаилъ Васильевичъ пользовался личнымъ вліяніемъ въ дворянской средѣ. Семейныя преданія наши рисуютъ его человѣкомъ образованнымъ, начитаннымъ и умнымъ. Онъ никогда не былъ женатъ.

Владиміръ Васильевичъ Неклюдовъ, — полковникъ, кригскомиссаръ въ 1795-мъ году, — женился на Тамбовской — Елатомскаго и Шацкаго края — наслѣдницѣ Еленѣ Николаевнѣ Охлябининой. Онъ положилъ такимъ образомъ начало Тамбовской вѣтви нашего рода, съ представителями коего, богатыми, но заглохшими въ провинціальной жизни помѣщиками, я на своемъ вѣку почти не встрѣчался. По семейнымъ преданіямъ Владиміръ Васильевичъ во время своей военной карьеры бывалъ въ походахъ и отличался выдающейся храбростью. Онъ оставилъ сына Василія (женившагося на Сазоновой), и дочь Марію, вышедшую за Старицкаго помѣщика Алексѣя Михайловича Изъѣдинова.

Николай Васильевичъ Неклюдовъ (род. въ 1762 году) воспитанъ былъ вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ (они были погодки) въ томъ же Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Повидимому въ старшихъ классахъ исполняли они, съ другими сверстниками, обязанности пажей, ибо въ воспоминаніяхъ Екатерины Васильевны Задонской говорится о томъ, какъ ея дѣдъ и его братъ въ ранней юности принимали участіе въ придворныхъ праздникахъ, театральныхъ представленіяхъ, балетахъ и маскарадахъ. Въ 1784 году онъ былъ корнетомъ Л. Гв. Коннаго полка, а въ 1795, уже въ чинѣ подполковника, командовалъ

*) Василій Ивановичъ оставилъ каждому изъ своихъ сыновей по 150 душъ, а каждой изъ дочерей по 75-ти и то потому, что оба старшіе сына, уже женатые, отказались заранѣе отъ участія въ наслѣдствѣ.

С. Петербургскимъ Драгунскимъ полкомъ; въ 1801 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ Генералъ-Лейтенанта. Женился онъ, командуя своимъ полкомъ, расположеннымъ въ Харьковской губерніи, на дочери богатѣйшаго мѣстнаго помѣщика, Екатеринѣ Яковлевнѣ Донецъ-Захаржевской, отъ которой имѣлъ лишь одного сына — Василія. Екатерина Яковлевна, молодая и прекрасная, скончалась внезапно; это такъ подѣйствовало на ея мужа, что тотъ, оставивъ ребенка и его большое наслѣдство на попеченіе жениной родни, самъ удалился въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ послушникомъ. Вернувшись въ міръ, онъ остался до глубокой старости полу-отшельникомъ и мистикомъ, черпая назиданіе и утѣшеніе въ книгахъ Г-жи Гюйонъ и другихъ мистическихъ писателей. Въ воспоминаніяхъ дѣтства Екатерины Васильевны Задонской живо очерчена симпатичная личность ея дѣда, скончавшагося въ 1849 году, 87-ми лѣтъ отъ роду, въ усадьбѣ и семьѣ своего единственнаго сына Василія Николаевича.

Къ Николаю Васильевичу перешла родовая усадьба при селѣ Горемыковѣ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, т. е. съ тѣхъ поръ какъ старикъ Николай Васильевичъ переселился изъ Горемыкова въ Харьковское имѣніе своего сына, — родовое гнѣздо Неклюдовыхъ осталось необитаемымъ и заброшеннымъ. Въ 1870-хъ годахъ оно продано было въ чужія руки (графу Павлу Павловичу Игнатьеву) раззорившимся младшимъ сыномъ Василія Николаевича — Петромъ Васильевичемъ.

Изъ трехъ дочерей Василія Ивановича, старшая Анастасія, была замужемъ за Тверскимъ (Ржевскаго уѣзда) помѣщикомъ Фиглевымъ и оставила потомство.

Про вторую дочь, Дарью Васильевну, я ровно ничего не знаю.

Напротивъ того, третья дочь, Татьяна Васильевна, оставила по себѣ воспоминанія, какъ добрѣйшее существо, посвятившее всю жизнь свою своимъ близкимъ и вносившее съ собою

всюду миръ и ясность любящей души. Съ молоду красивая и живая, — любимица отца, — она не пожелала или не нашла себѣ жениха по сердцу; и дѣвическую долю свою сносила съ веселостью, пѣстуя чужихъ дѣтей, радуясь чужимъ радостямъ, утѣшая чужія скорби. «C'était une sainte fille», — говорилъ про нее безаппеляціонно мой дѣдъ Сергѣй Петровичъ.

Говоря о членахъ Неклюдовскаго рода, жившихъ въ XVIII-мъ столѣтіи, я не хочу отказать себѣ въ удовольствіи упомянуть здѣсь имя дальняго родича моего — изъ Псковской вѣтви — Леонтія Яковлевича Неклюдова, который, въ чинѣ секундъ-маіора, первый взошелъ на валы Измаила и водрузилъ тамъ русское знамя. О немъ существуетъ монографія С. Ѳ. Глинки: «Военные подвиги Л. Я Неклюдова» съ портретомъ и извѣстнымъ эпиграфомъ:

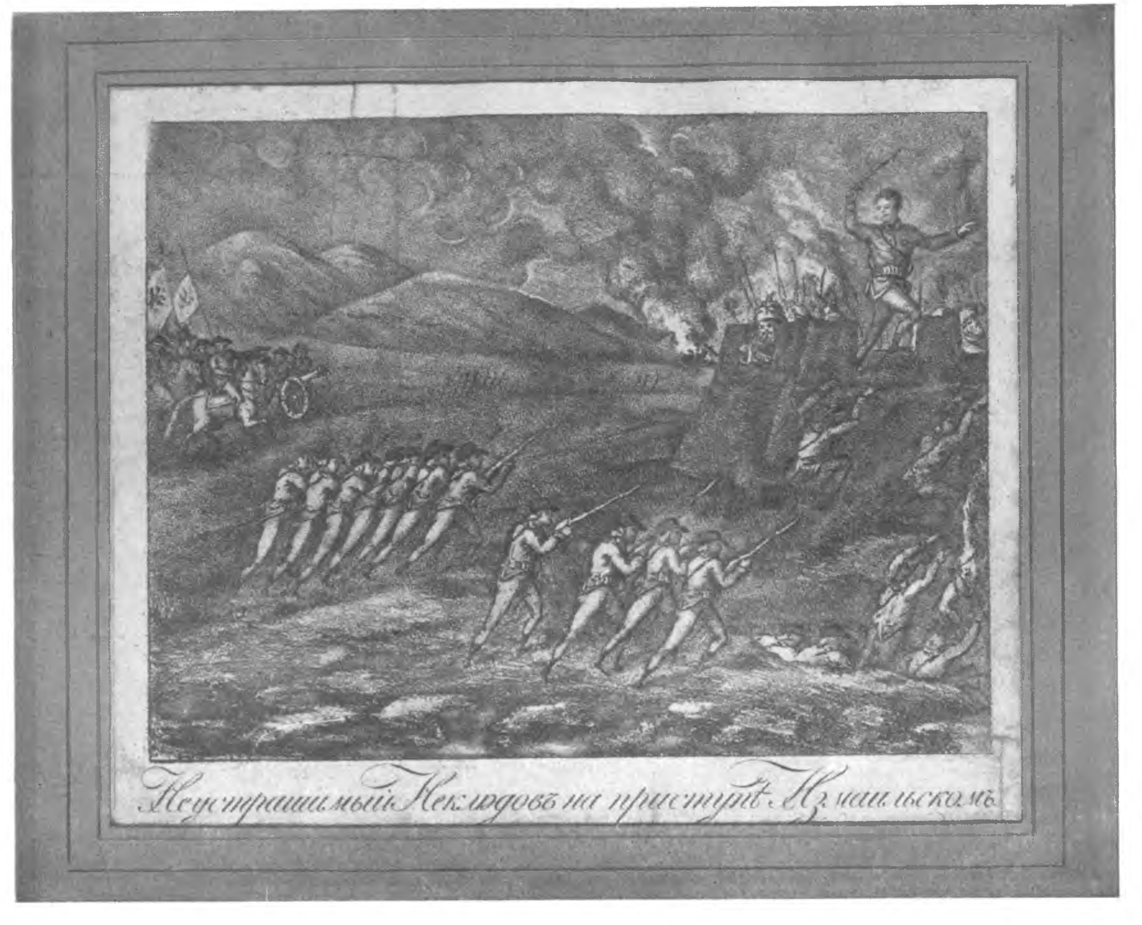
«Усердье въ немъ къ Царю и богатырска сила,
«И первый на стѣнахъ блеснулъ онъ Измаила.»

Награжденный за Измаилъ Георгіевскимъ крестомъ и чиномъ полковника, онъ, вслѣдствіе тяжелой раны, не могъ продолжать службы въ войскахъ и былъ назначенъ комендантомъ въ Рогачевъ, а затѣмъ городничимъ въ одинъ изъ малороссійскихъ городовъ, гдѣ доживалъ свой вѣкъ всѣми любимымъ и уважаемымъ инвалидомъ, — живымъ остаткомъ славныхъ Суворовскихъ временъ.

Въ мое обладаніе попала, совершенно случайно, старинная, наивно исполненная гравюра, повидимому вырванная изъ вышеупомянутой книги Глинки и представляющая подвигъ Леонтія Яковлевича; подъ гравюрою надпись: «Неустрашимый Неклюдовъ на приступѣ Измаильскомъ». Гравюра эта виситъ у меня рядомъ съ портретомъ младшаго сына моего, Сергѣя, офицера Л. Гв. 4-го Стрѣлковаго полка, доблестно павшаго

15/28 іюля 1916-го года на Волыни при взятіи приступомъ непріятельскихъ позицій подъ Терстенемъ и награжденнаго посмертно Георгіевскимъ оружіемъ.

Подвигъ Леонтія Яковлевича Неклюдова

(съ старинной лубочной гравюры)

Сергѣй Анатольевичъ Неклюдовъ

(съ любительской фотографіи,
снятой за мѣсяцъ до его доблестной кончины)

ГЛАВА III

Прадѣдъ мой ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕКЛЮДОВЪ (1745-1798). — Служба въ Преображенскомъ полку. — Дружба съ Г. Р. Державинымъ. Женитьба на дѣвицѣ Левашовой. — Иванъ Михайловичъ Левашовъ. — Переходъ П. В. Неклюдова на гражданскую службу по выборамъ. Назначеніе его оберъ-прокуроромъ Сената. — Характеръ и общественное положеніе Петра Васильевича и его супруги. — ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА НЕКЛЮДОВА (1752-1800). — Ея выдающіяся качества. — Ранняя кончина обоихъ супруговъ. — Эпитафіи Державина.

Я уже говорилъ въ самыхъ краткихъ чертахъ о служебной дѣятельности моего прадѣда. Возвращаюсь къ его личности и постараюсь возсоздать его образъ, равно какъ и образъ его жены, по тѣмъ источникамъ и семейнымъ преданіямъ, которые до меня дошли.

Воспитанный вмѣстѣ со своимъ братомъ Сергѣемъ въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Петръ Васильевичъ Неклюдовъ уже въ 1763 году, т. е. на восемнадцатомъ году жизни былъ бомбардирскимъ сержантомъ родного ему — по службѣ отца и дѣда — Преображенскаго полка (записки Державина). Начало службы его и брата въ артиллерійскомъ отдѣленіи полка указываетъ на особо успѣшныя — по тѣмъ временамъ — познанія въ наукахъ математическихъ, вынесенныя молодыми сержантами изъ дому или изъ корпуса. Въ 1766 году Петръ Неклюдовъ, уже въ чинѣ поручика, былъ назначенъ, — очевидно какъ офицеръ аккуратный въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, — «секретаремъ» полка, что соотвѣтствовало тогда обязанностямъ полкового адъютанта*). Подъ 1769-мъ годомъ Державинъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что его покровитель — впослѣдствіи пріятель — П. В. Неклюдовъ продол-

---

*) «Адютантъ» былъ въ тѣ времена чиномъ между поручикомъ и капитанъ-поручикомъ.

жалъ состоять секретаремъ полка, хотя уже былъ капитанъ - поручикомъ, и, въ качествѣ секретаря, оказалъ еще разъ легкомысленному въ то время молодому сержанту Державину значительную услугу, покрывъ его незаконное отсутствіе изъ полка. Съ того времени завязывается близость между Державинымъ и моимъ прадѣдомъ, который продолжаетъ покровительствовать молодому, вѣтренному, крайне небогатому, но умному, бойкому и симпатичному сержанту. Подъ 1770-мъ годомъ въ запискахъ Державина значится, что въ полку онъ «наибольшее обращеніе имѣлъ съ Протасовымъ, съ П. В. Неклюдовымъ и съ капитаномъ Александромъ Васильевичемъ Толстымъ». «Случалось мнѣ, повѣствуетъ онъ далѣе, обработывать и любовныя письма для Неклюдова, когда онъ влюбленъ былъ въ дѣвицу Левашову, на которой послѣ и женился, хотя отецъ (ея) сперва тому противился». Эта забавная и характерная для того времени подробность напоминаетъ Ростанова Cyrano de Bergerac; но только въ данномъ случаѣ русскій поэтъ и «мушкатеръ» не руководствовался никакимъ инымъ личнымъ чувствомъ, кромѣ чувства преданности и дружбы къ своему старшему товарищу и доброжелателю. Дружескія отношенія, завязавшіяся такимъ образомъ между П. В. Неклюдовымъ и Державинымъ, не прерываются до самой кончины перваго. Державинъ, въ то время уже сановный на служебномъ поприщѣ и вельможный на русскомъ Парнассѣ, — начертываетъ прелестную эпитафію на надгробномъ камнѣ своего друга и принимаетъ на себя обязанности попечителя его осиротѣвшихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей.

Какъ я уже сказалъ выше, П. В. Неклюдовъ въ 1775 году женился на «предметѣ давнишнихъ своихъ воздыханій», 20-ти лѣтней дѣвицѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Левашовой и вскорѣ затѣмъ покинулъ Преображенскій полкъ, чтобы посвятить себя выборной дворянской службѣ. Но скажемъ сначала нѣсколько словъ о происхожденіи и ближайшей семьѣ моей прабабки.

ЛЕВАШОВЫ

Левашовы — старинный дворянскій родъ, ведущій, вмѣстѣ со Свѣчиными, Яхонтовыми и съ балтійскою фамиліею фонъ - Толль, происхожденіе свое отъ «нѣмца» — точнѣе шведа — Дола.

Переселенные Грознымъ, какъ и часть Неклюдовскаго рода, въ Псковскія и Новгородскія области, — они получили тамъ, за службу, значительныя помѣстья, а впослѣдствіи и вотчины.

Мой пра-прадѣдъ Иванъ Михайловичъ Левашовъ, былъ, при Елизаветѣ, сержантомъ Измайловскаго полка; въ этомъ качествѣ ему довелось спасти жизнь Екатеринѣ II-ой, тогда еще Великой Княгинѣ и супругѣ наслѣдника Престола Петра Ѳеодоровича. Екатерина упоминаетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ (т. I). Напомнимъ этотъ случай вкратцѣ:

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій давалъ Императрицѣ въ Гостилицахъ празднество, которое должно было длиться нѣсколько дней. Такъ какъ помѣщенія для всего Двора и для всѣхъ приглашенныхъ не хватило, то возведены были временныя деревянныя постройки, причемъ особое зданіе выстроено было для Наслѣдника и Его Супруги. Прибывъ въ Гостилицы и войдя въ свой временной дворецъ, Петръ Ѳедоровичъ велѣлъ удалить деревянный столбъ, стоявшій посреди входныхъ сѣней и почему то ему мѣшавшій. Столбъ немедленно срубили, не спросясь очевидно у строившаго зданіе архитектора и не сообразивъ, что колонна эта являлась необходимою подпорою для всего наскоро воздвигнутаго «дворца». Въ первую же ночь, когда всѣ уже спали, домъ началъ сползать съ косогора и разваливаться. Левашовъ, бывшій въ эту ночь дежурнымъ и пошедшій провѣрять караулы, услыхалъ сильный трескъ и увидалъ, что «дворецъ» Великаго Князя и Княгини начинаетъ шататься. Не долго думая, онъ вскочилъ въ зданіе и вбѣжалъ въ опочивальню Августѣйшей четы. Петра Ѳедоровича уже тамъ не было; разбуженный шумомъ и колебаніями комнаты, онъ, какъ былъ, соскочилъ съ кровати и

выпрыгнулъ въ окно, совершенно забывъ конечно про свою супругу. Къ счастью, Левашовъ вбѣжалъ въ эту самую минуту, схватилъ съ постели Великую Княгиню, не понимавшую съ просонковъ что происходитъ, и вынесъ ее на рукахъ изъ дому. Едва успѣлъ онъ со своюею ношею очутиться наружѣ, какъ зданіе завалилось. Не будь находчивости и молодечества И. М. Левашова, — не стало бы и Екатерины.

Казалось, что послѣ такого случая служба молодого сержанта гвардіи должна была бы пойти блестяще, тѣмъ болѣе, что онъ приходился, — какъ также значится въ мемуарахъ Екатерины, — родственникомъ «старой Г-жи Чеглоковой», тогда уже статсъ-дамѣ, а, слѣдовательно, родственникомъ одному изъ фаворитовъ Елизаветы — Чоглокову, возведенному изъ придворныхъ танцоровъ во всевозможные высокіе чины и украшенному соотвѣтствующими «кавалеріями».

Однако, Ивана Михайловича повидимому вовсе не соблазняла военная и придворная карьера. Онъ нѣсколько лѣтъ спустя вышелъ въ чистую отставку (въ тѣ времена обязательной службы это являлось немаловажною монаршею милостью) — съ чиномъ гвардіи капитанъ-поручика и удалился въ Новгородскую вотчину Спасо-Мошанское, дабы посвятить себя всецѣло хозяйству. Хозяйство было значительное — болѣе восьми тысячъ душъ крестьянъ и огромныя лѣсныя угодья въ нынѣшнемъ Боровицкомъ и Крестецкомъ уѣздахъ Новгородскаго края. Женился Иванъ Михайловичъ на дѣвицѣ Екатеринѣ Белеутовой*), изъ стариннаго, съ тѣхъ поръ вымершаго боярскаго рода (Ключевскій, «Боярская дума»).

Жена Ивана Михайловича скончалась молодою, оставивъ ему единственную дочь — дѣвочку, Елизавету Ивановну. Левашовъ души не чаялъ въ дочери, воспиталъ ее тщательно и

---

*) Въ родословныхъ Румеля и Голубцова и П. А. Неклюдова женою И. М. Левашова почему-то показана Анна Семеновна Квашнина-Самарина. Но это совершенно невѣрно. На псалтыри, перешедшей ко мнѣ отъ отца, рукою тетки отца, Елизаветы Петровны Галаховой (рожд. Неклюдовой), написано: «принадлежала книга сія Бабушкѣ моей Екатеринѣ Левашовой, рожденной Белеутовой». Елизавета Петровна Галахова не могла не знать имени и фамиліи своей родной бабки.

Иванъ Михайловичъ Левашовъ

(съ портрета кисти неизвѣстнаго художника)

до конца жизни ревниво оберегалъ ея интересы, подписываясь въ нѣжныхъ письмахъ своихъ къ ней, когда она была уже замужемъ: «Твой любящій отецъ и вѣрный управитель».

Жилъ Иванъ Михайловичъ — по старинному, просто. Тотъ Спасо-Мошанской господскій домъ, который знавалъ я, — и то далеко не роскошный, — былъ выстроенъ уже моею прабабкою. Старикъ же Левашовъ прожилъ всю свою жизнь въ домикѣ, точный двойникъ котораго существовалъ еще въ 1860-хъ годахъ въ селѣ Николо-Мошанскомъ (по ту сторону рѣки Увери) и принадлежалъ мелкопомѣстной, почтеннѣйшей Елизаветѣ Николаевнѣ Чоглоковой, которую дѣдъ мой называлъ «кузиной», и которая разсказывала отцу, что обиталище ея было нѣкогда точно скопировано ея мужемъ съ домика ихъ родственника, Ивана Михайловича. Это былъ деревянный срубъ на кирпичномъ подвальномъ этажѣ, съ высокою тесовою крышею и неширокою крытою галлерейкою съ точеными перилами вдоль двухъ стѣнъ; внутри нѣсколько небольшихъ и невысокихъ (для сохраненія зимою тепла) горницъ съ небольшими подъемными оконцами и громоздкими печами - лежанками. Въ такомъ именно домикѣ и жилъ старый, богатый баринъ, сначала съ дочерью, потомъ одинъ, изрѣдка наѣзжая къ дочери и зятю въ Петербургъ.

Вѣроятно, въ одно изъ такихъ посѣщеній и снятъ былъ съ него неизвѣстнымъ, но отличнымъ живописцемъ превосходный поясной портретъ, находящійся въ моемъ обладаніи. Письмо портрета я назвалъ бы скорѣе всего англійскимъ. Старикъ, лѣтъ 65-ти на видъ, изображенъ въ вицмундирѣ Измайловскаго полка — зеленой курткѣ съ золотыми галунами по борту — и въ небольшомъ пудреномъ парикѣ; нѣсколько одутловатое и желтоватое, — но съ румянцемъ, лице, съ широкимъ носомъ и невысокимъ, но характернымъ лбомъ, — лице впрямъ деревенское и неоспоримо русское, — оживлено парою сѣрыхъ глазъ, небольшихъ, но проницательныхъ, подъ чрезвычайно нависшими и густыми сѣдыми бровями. Выраженіе добродушное, но въ то же время отнюдь не наивное; видно, что при случаѣ оригиналъ портрета не давалъ себя никому въ обиду и «зналъ себѣ вѣсъ».

Семейныя преданія рисують пра-прадѣда Левашова человѣкомъ благодушнымъ, до щепетильности справедливымъ, богобоязненнымъ, но гдѣ слѣдовало, онъ умѣлъ бывать и крутымъ... Его главнымъ недостаткомъ была вспыльчивость, которая, не затронувъ характера его дочери, перешла по наслѣдству — въ еще увеличенномъ видѣ — къ его внуку, а моему дѣду, Сергѣю Петровичу Неклюдову.

Какъ примѣръ его богобоязненности и справедливости въ семьѣ разсказывали слѣдующую черту: ближайшимъ родственникомъ его (кажется троюроднымъ братомъ) былъ Василій Ивановичъ Левашовъ, человѣкъ крутой, гордый своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ и своимъ богатствомъ. Онъ не былъ женатъ и прижилъ дѣтей отъ одной изъ своихъ крѣпостныхъ. Несмотря на долголѣтнюю связь свою съ этою послѣдней, онъ держалъ потомство «въ черномъ тѣлѣ». Въ одну изъ побывокъ своихъ въ Петербургѣ, Иванъ Михайловичъ Левашовъ, — хотя и зная, что въ случаѣ смерти этого родственника безъ законнаго потомства, — главная часть его имѣній должна перейти къ Елизаветѣ Ивановнѣ Неклюдовой, — а можетъ быть и именно потому что зналъ это, — началъ убѣждать своего «братца» въ необходимости «покрыть грѣхъ», т. е. узаконить прижитыхъ дѣтей. Иванъ Михайловичъ успѣлъ въ своемъ благомъ и благородномъ начинаніи; Василій Ивановичъ подалъ Императрицѣ всеподданнѣйшее прошеніе объ узаконеніи своихъ дѣтей и получилъ на то Всемилостивѣйшее соизволеніе*).

Когда въ 1784 году Императрица Екатерина, по мысли Потемкина и въ сопровожденіи «красавчика» графа Дмитріева-Мамонова, предприняла свое знаменитое путешествіе на югъ, на свиданіе съ Іосифомъ II и для обозрѣнія отвоеванныхъ у Порты Оттоманской южныхъ окраинъ Россіи и покореннаго Крыма, — у Боровицкихъ пороговъ рѣки Мсты, гдѣ Императ-

*) Изъ этихъ дѣтей, сынъ, красивый и умный, но беззастѣнчивый и отнюдь не добродушный Василій Васильевичъ Левашовъ, сдѣлалъ впослѣдствіи блестящую карьеру въ Кавалергардскомъ полку и при особѣ Александра I. Въ Царствованіе Николая I онъ возведенъ въ Графское достоинство. Графскій родъ Левашовыхъ прекратился въ третьемъ поколѣніи.

рица вышла изъ ладьи и прослѣдовала нѣсколько верстъ берегомъ, ее встрѣтило съ торжествомъ все окрестное дворянство, въ числѣ коего находился, разумѣется, и Иванъ Михайловичъ Левашовъ. Когда старикъ подошелъ къ рукѣ Императрицы, послѣдняя тотчасъ же признала его и любезно и игриво спросила: «А помните вы, Иванъ Михайловичъ, какъ Вы меня на рукахъ вынесли? Теперь, чай, не снести бы Вамъ меня: видите, какъ я грузна стала.» — «Эхъ, Матушка-Государыня,» — простодушно и весело отвѣчалъ Левашовъ, — «да и я то самъ старенекъ сталъ — молодыхъ бабенокъ изъ постели таскать!»

Иванъ Михайловичъ скончался въ своей родовой усадьбѣ Спасо-Мошанскомъ и похороненъ тамъ же при храмѣ.

СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА НЕКЛЮДОВА

Послѣ женитьбы, П. В. Неклюдовъ перешелъ, какъ уже сказано выше, изъ военной службы на вновь открытую для дворянства выборную и избранъ былъ прдсѣдателемъ Новгородскаго Надворнаго Суда. Здѣсь съ его безупречною и аккуратною дѣятельностью познакомился Генералъ-Прокуроръ кн. А. А. Вяземскій, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ Государственныхъ людей Екатерининскаго вѣка; это знакомство побудило Вяземскаго содѣйствовать переводу Неклюдова въ столицу въ качествѣ предсѣдателя Палаты Гражданскаго и Уголовнаго Суда. Въ 1788 году мой прадѣдъ былъ назначенъ Оберъ - Прокуроромъ Сената, въ каковой должности и состоялъ, до самой своей смерти, — девять лѣтъ. Въ 1795 году онъ, сверхъ того, назначенъ былъ членомъ Придворной Кон-

торы, учрежденія, въ которое входили представители нѣсколькихъ вѣдмоствъ и которое замѣняло несуществовавшее еще въ то врмя Министерство Двора и Удѣловъ. Въ качествѣ члена Придворной Конторы, Петру Васильевичу приходилось имѣть, въ очередь, личные доклады у Императрицы, что конечно было для него весьма цѣннымъ и лестнымъ

Жилъ онъ въ Петербургѣ, съ женою и умножавшимся потомствомъ, сначала на Фонтанкѣ, — тамъ гдѣ нынѣ Сохранная Казна, — въ домѣ, который пріятели почему-то называли «le vieux chateau». (Вѣроятно это былъ старозавѣтный домъ Ивана Михайловича Левашова). Впослѣдствіи Петръ Васильевичъ и Елизавета Ивановна выстроили себѣ новый каменный домъ на Фонтанкѣ-же, но близь Цѣпного моста; на этомъ мѣстѣ стоитъ нынѣ домъ Придворнаго Вѣдомства. Жили Неклюдовы съ полнымъ комфортомъ и гостепріимно, т. е. у нихъ часто собиралось общество близкихъ знакомыхъ и пріятелей. Наиболѣе близкими были Державинъ, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, когда онъ изъ кратковремннаго «амплуа» фаворита перешелъ на болѣе свойственное ему поприще государственной дѣятельности, Генералъ - Прокуроръ кн. Вяземскій, Протасовъ и Посланникъ въ Лондонѣ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, при побывкахъ своихъ въ Петербургѣ. Въ томѣ «Архива Князей Воронцовыхъ», посвященномъ перепискѣ Графа Семена Романовича съ Графомъ Завадовскимъ, послѣдній неоднократно упоминаетъ имена П. В. Неклюдова и его супруги. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ напоминаетъ Воронцову о тѣхъ пріятныхъ вечерахъ, которые они, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, проводили у Неклюдовыхъ. Есть въ «Архивѣ Кн. Воронцовыхъ» и непосредственная переписка Графа Семена Романовича съ П. В. Неклюдовымъ; она касается впрочемъ спеціальнаго предмета: пребыванія при посольствѣ въ Лондонѣ прикомандированнаго туда гвардейскаго офицера Расловлева, приходившагося какимъ то образомъ племянникомъ Неклюдову, и долговъ этого самаго Расловлева, никакъ не могшаго уравновѣсить свой бюджетъ недостаточнымъ количествомъ находившихся въ его распоряженіи «золотыхъ ефимковъ».

Петръ Васильевичъ Неклюдовъ
(1745—1799)
(по миніатюрѣ Изабэ, снятой съ портрета кисти Боровиковскаго)

Въ сентябрѣ 1790 года, по окончаніи шведской войны, въ торжественномъ засѣданіи Сената, Петру Васильевичу Неклюдову поручено было произнести передъ Государыней Императрицей, — возсѣдавшей на Тронѣ, — поздравительную отъ Сената рѣчь. Рѣчь эта, въ коей авторъ имѣлъ неловкость сопоставить блистательныя побѣды нашего оружія надъ Турками, — одновременныя войнѣ шведской, — съ неудачею, потерпѣнною самимъ Петромъ Великимъ при Прутѣ, — вызвала страстную отповѣдь «историка» Князя Михаила Михайловича Щербатова, который обрушился на бѣднаго Петра Васильевича всею силою своего негодованія и поставилъ ему между прочимъ въ упрекъ, — какъ онъ, оберъ-прокуроръ Сената, осмѣлился отнестись съ недостаточнымъ благоговѣніемъ къ памяти безсмертнаго основателя Сената!

«Къ тебѣ пишу, вѣщуну отъ народа, не знающему: кто ты и что будешь вѣщать... Зачѣмъ ты, хотя принести лестный ѳиміамъ, вредъ самой славѣ сей Императрицѣ содѣлалъ, ибо самый чинъ твой есть дѣяніе Петра Великаго, а ты, дерзая охулять Предсѣдящей на Престолѣ — Создателя всего сего, не ясно ли изъявилъ, что лесть, а не искренность говорила, и что ты не болѣе ей самой вѣренъ, какъ Тому, Кто установилъ чинъ твой». («Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ Неклюдовымъ»).

Аргументація этого страстнаго нападенія не выдерживаетъ безпристрастной критики. Въ такомъ случаѣ всѣ русскіе Министры, Товарищи Министровъ и Директора Департаментовъ, — памятуя, что Министерства учреждены въ 1802 году Алкесандромъ І-мъ, — должны были бы считать Аустерлицъ - Русскою побѣдою! Къ тому - же громы Князя Щербатова падали на неповинную голову; рѣчь, по свидѣтельству Державина, сочинена была Графомъ Завадовскимъ и лишь произнесена П. В. Неклюдовымъ, какъ старшимъ оберъ-прокуроромъ Сената.

Съ другой стороны, однако, нельзя упустить изъ виду, что Графъ Завадовскій былъ близкимъ пріятелемъ моего прадѣда и несомнѣнно имѣлъ вліяніе на его политическія воззрѣнія. Къ тому - же преклоненіе передъ Императрицею было без-

конечнымъ у Петра Васильевича, который, какъ мнѣ сдается, едва ли способенъ былъ отнестись критически къ воскуряемому Великой Женѣ «лестному ѳиміаму», а, напротивъ того, всецѣло сочувствовалъ редакціи Графа Завадовскаго.

Въ 1792 году солидарность съ друзьями и преданность имъ навлекли на моего прадѣда уже не нареканія частнаго лица, а неудовольствіе самой Императрицы. Произошло это по разбиравшемуся въ Сенатѣ тяжебному дѣлу Кашкина съ Ярославовымъ, причемъ дѣйствія по этому дѣлу Державина, въ то время Статсъ Секретаря Императрицы, и оберъ-прокурора Неклюдова признаны были Государынею неправильными и даже пристрастными. Въ виду того что оба должностныя лица были выше всякаго подозрѣнія въ матерьяльной заинтересованности, Императрица ограничилась личнымъ выговоромъ, что и отмѣчаетъ Храповицкій въ своемъ извѣстномъ «Журналѣ» подъ 2-мъ Сентябремъ 1792 года: «Призванъ по вчерашнему дѣлу оберъ-прокуроръ Неклюдовъ; ему мыли голову». Наканунѣ, «головомойкѣ» подвергся Г. Р. Державинъ.

По свидѣтетельству одного изъ современниковъ, въ дѣлѣ Кашкина-Ярославова «высшая» справедливость была всецѣло на сторонѣ поддержанной Державинымъ и Неклюдовымъ; но они оба допустили нарушеніе процессуальной формальности, чѣмъ и воспользовалась противная сторона для обжалованія передъ Императрицею Сенатскаго рѣшенія. Для моего прадѣда Высочайшій выговоръ, — хотя бы и «келейный», — являлся крайне чувствительнымъ наказаніемъ за его покладливость передъ стариннымъ пріятелемъ Державинымъ. Кромѣ того не могъ онъ не понять, что случившееся должно было затормазить на время исполненіе самыхъ горячихъ желаній его — получить званіе Сенатора и достичь такимъ образомъ тогдашнихъ вершинъ гражданской службы.

Перемѣна царствованія не принесла съ собою никакого чувствительнаго ущерба служебному и свѣтскому положенію моего прадѣда. Въ чинѣ Тайнаго Совѣтника онъ уже былъ украшенъ Владимірскою звѣздою и лентою Анненскаго орде-

на, столь любезнаго Павлу какъ орденъ Голштинскій, перенесенный въ Россію Петромъ III-мъ.

Ко Двору Неклюдовы продолжали ѣздить. Въ одномъ изъ писемъ старшей дочери моего прадѣда, Маріи Петровны, къ находившемуся въ отсутствіи отцу, я прочелъ между прочимъ слѣдующее: «Вчера былъ куртагъ во дворцѣ въ Павловскѣ. Мы съ Маменькой были приглашены, но не поѣхали: и безъ насъ тамъ достаточно народу было; — а безъ Васъ, Папенька, не охота намъ была ѣхать.» Будь Петръ Васильевичъ въ Петербургѣ, онъ, — мнѣ сдается, — не преминулъ бы и самъ поѣхать на куртагъ и повезти жену и дочь, которыя такъ мало дорожили повидимому счастьемъ лишній разъ лицезрѣть Высочайшихъ Особъ!

Но званіе сенатора такъ и не далось моему честолюбивому прадѣду.

Въ письмѣ Графа Завадовскаго къ Графу С. Р. Воронцову отъ 20-го Іюля 1798 года мы читаемъ (Архивъ Кн. Воронцовыхъ):

«...Погрусти вмѣстѣ со мною о кончинѣ хорошаго пріятеля П. В. Неклюдова, который, будучи снѣдаемъ внутреннею горестью, что ни въ Сенатъ и ни во что не употребленъ, получилъ желчную горячку, пресѣкшую его жизнь. Жалѣю о немъ сердечно, какъ о моемъ пріятелѣ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ свои достоинства.»

Схороненъ Петръ Васильевичъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, причемъ на могильномъ камнѣ красуется эпитафія, сочиненная его другомъ Державинымъ:

Свѣтъ ясный, неизмѣнный
Пролейся въ гробъ сей тлѣнный,
Да нѣкогда струя твоя
Возбудитъ, воскреситъ отъ сна
Здѣсь друга моего.
И на челѣ его
Какъ лучъ твой возблеститъ
Слеза моя.

Петръ Васильевичъ Неклюдовъ оставилъ по себѣ въ семьѣ память добраго и мягкаго человѣка, окружившаго любовью и попеченіями свою, — хотя и болѣе чѣмъ достойную сего, — супругу и своихъ многочисленныхъ дѣтей.

Къ крѣпостнымъ своимъ онъ былъ милостивъ и справедливъ.

На служебномъ поприщѣ его способности, дѣловитость и аккуратность вполнѣ объясняютъ сдѣланную имъ карьеру; недоступный матерьяльному подкупу, онъ однако способенъ былъ, какъ мы видѣли, поступиться подчасъ строгостью служебныхъ принциповъ въ угоду дружбѣ и избѣгалъ «вступать въ прю» съ сильными міра сего. Онъ былъ, можетъ быть, единственнымъ въ нашей lignée, въ комъ не было наслѣдственной «строптивости», а господствовала благоразумная жизненная практическая мудрость. «Сибаритъ», какъ тогда говорилось, т. е. любитель комфорта столичной свѣтской жизни, онъ, безъ крайней нужды, не покидалъ своего любезнаго Петербурга. Въ нашемъ родѣ онъ былъ, по своимъ вкусамъ, первымъ заправскимъ европейцемъ, — mutatis mutandis разумѣется, — предпочитавшимъ удобства и укладъ тогдашней западной цивилизаціи наслѣдственному притяженію деревни и старозавѣтнаго помѣщичьяго быта. Онъ не былъ ни «вельможею въ случаѣ», ни даже «сановникомъ» по тогдашнимъ понятіямъ, но однимъ изъ первенцовъ того типа, который впослѣдствіи такъ привился у насъ и который я назвалъ бы «просвѣщеннымъ высшимъ чиновничествомъ». Это не мѣшало нисколько Петру Васильевичу дорожить своимъ стариннымъ дворянствомъ и, вообще, дворянскими привиллегіями.*)

---

*) Въ моемъ обладаніи находится прекрасная миніатюра работы Изабэ — снимокъ съ портрета, писаннаго съ моего прадѣда Боровиковскимъ, приблизительно въ 1795 году. Петръ Васильевичъ изображенъ не въ мундирѣ, а въ тогдашнемъ екатерининскомъ « habit de cour », — цвѣтъ и украшенія коего предоставлялись личному вкусу носителя, — и разумѣется въ небольшомъ парикѣ того времени «poudré à frimas». Кафтанъ рытаго бархата цвѣта «amaranthe» украшенъ по ранту и воротнику изящно вышитыми цвѣтами бѣлаго жасмина, манишка батистовая оторочена кружевомъ. Анненская лента со звѣздою и Владимірская звѣзда при большихъ размѣровъ шейномъ крестѣ дополняютъ костюмъ, соотвѣтствовавшій въ тѣ времена нашему фраку при бѣломъ галстукѣ.

Какъ я уже сказалъ выше, П. В. Неклюдовъ, при женитьбѣ своей на богатой наслѣдницѣ, отказался заранѣе въ пользу братьевъ и сестеръ отъ всякой доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ. Елизавета Ивановна Неклюдова не потерпѣла однако, чтобы нѣжно любимый ею мужъ не имѣлъ ничего своего и зависѣлъ, такъ сказать, всецѣло отъ нея. Она купила на его имя хорошее имѣніе подъ Новгородомъ, въ Шимской волости, село Голино, съ четырьмя стами душъ крестьянъ и прекрасными лѣсными угодьями, но безъ усадьбы. Это имѣніе считалось съ тѣхъ поръ въ семьѣ — родовымъ Неклюдовскимъ.

П. В. и Е. И. Неклюдовы выказали рѣдкое по тому времени попеченіе обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ, а не только о родѣ и имени. Когда изданъ былъ законъ о родовомъ имуществѣ, въ силу коего дочери получали изъ родовыхъ имѣній лишь одну четырнадцатую часть каждая, — то супруги Неклюдовы обратились къ Императрицѣ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о дозволеніи имъ раздѣлить все свое имѣніе по-ровну между всѣми дѣтьми, — сыновьями и дочерьми. На это прошеніе послѣдовало Всемилостивѣйшее разрѣшеніе, съ тѣмъ однако, чтобы личное имѣніе отца раздѣлено было по закону. Такъ и было сдѣлано: шесть дочерей и два сына раздѣлили между собою впослѣдствіи поровну имѣніе матери (около восьми тысячъ душъ), а сыновья, сверхъ того, получили полностью Голинское имѣніе. Впослѣдствіи дѣдъ мой, унаслѣдовавъ по закону послѣ бездѣтнаго брата и одной изъ сестеръ, соединилъ въ своихъ рукахъ болѣе двухъ съ половиной тысячъ душъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ земельныхъ угодій въ Новгородской губерніи.

П. В. Неклюдовъ не былъ стяжателемъ, но не былъ и расточителемъ, не будучи ни игрокомъ, ни «селадономъ». Послѣ него остались однако кое - какіе долги: и когда вско-

---

Голова изображеннаго лица безспорно красивая: правильный съ горбинкою носъ, высокій покатый лобъ, въ устахъ и въ пріятно обрисованномъ подбородкѣ черты природной доброты и ласковости, усуглубленныя двумя ямочками на щекахъ; но взглядъ карихъ глазъ немного надменный, или, по крайней мѣрѣ, старающійся быть таковымъ. Цвѣтъ лица желтоватый: очевидно Петръ Васильевичъ уже тогда страдалъ печенью. Все изображеніе носитъ характерный отпечатокъ эпохи: «портретъ Louis XVI», если позволено такъ выразиться.

рѣ скончалась и Елизавета Ивановна, — опека сочла нужнымъ продать, для полной расплаты, Неклюдовскій домъ у Цѣпного моста. Но мой дѣдъ считалъ всегда эту мѣру произвольною и весьма для себя убыточною, такъ какъ домъ проданъ былъ по необычайно дешевой, даже и для того времени, цѣнѣ.

Въ семейныхъ бумагахъ, которыя я просматривалъ, я нашелъ описаніе Хвалынской (Астраханской) губерніи, написанное моимъ прадѣдомъ послѣ оффиціальной туда командировки; — описаніе весьма подробное, но особаго интереса не представляющее. Есть также, — на этотъ разъ неоффиціальное, — описаніе путешествія моего прадѣда съ семьею изъ Новгородскаго имѣнія въ Петербургъ водн ымъ путемъ. Путешественники сѣли, подъ самою Спасо - Мошанскою усадьбою, въ спеціально оборудованныя ладьи и рѣкою Уверью, — въ то время очевидно болѣе многоводною чѣмъ нынѣ, — спустились въ рѣку Мсту, и слѣдовали далѣе водными путями Вышневолоцкой системы — до самаго Петербурга, гдѣ высадились у своего дома на Фонтанкѣ. Не помню, сколько времени заняло это путешествіе; вѣроятно что долго, ибо впослѣдствіи семья Неклюдовыхъ не возобновляла этого интереснаго опыта, а ѣздила въ деревню просто на почтовыхъ и на долгихъ, отъ Петербурга по Московскому тракту, а отъ Валдая по Тихвинскому.

Изъ нѣсколькихъ писемъ, адресованныхъ прадѣду его старшею дочерью Маріею Петровною, уже взрослою въ концѣ девятидесятыхъ годовъ дѣвушкою, видно, какія тѣсныя и добрыя отношенія существовали въ семьѣ. Маша передаетъ просто «милому папинькѣ», что дѣлается дома, изъявляетъ искреннія сожалѣнія по поводу его отсутствія, не прибѣгая къ оборотамъ преувеличеннаго почтенія. Въ тѣ времена столь простое и середчное общеніе родителей съ дѣтьми было на рѣдкость. И въ данномъ случаѣ эти отношенія являлись прежде всего послѣдствіемъ исключительныхъ семейныхъ добродѣтелей Елизаветы Ивановны Неклюдовой.

Елизавета Ивановна Неклюдова
рожд. Левашова
(1752—1800)
(съ портрета кисти Боровиковскаго)

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА НЕКЛЮДОВА

Добрый и мягкій человѣкъ былъ Петръ Васильевичъ; но особенно свѣтлую память оставила по себѣ въ семейныхъ воспоминаніяхъ его жена, Елизавета Ивановна.

Любовь Елизаветы Ивановны къ мужу и къ дѣтямъ, самое качество этой любви, — были рѣдкимъ въ тѣ времена явленіемъ. Между дѣтьми и родителями существовала почти интимность; но въ то-же время уваженіе дѣтей къ родителямъ и въ особенности къ матери граничило съ какимъ то культомъ.

Строгая и убѣжденная христіанка и православная, моя прабабка, равно какъ и ея мужъ, чужды были и тогдашнему скептицизму и тогдашней набожности. Посѣщеніемъ монастырей, богомольями къ той или другой чудотворной иконѣ, а тѣмъ паче обращеніемъ съ блаженными и юродивыми, не исчерпывалась религіозная жизнь семьи Неклюдовыхъ. Прабабка всегда озабочена была пріисканіемъ дѣтямъ хорошихъ духовниковъ и наставниковъ Закона Божія. Она любила подъ большіе праздники соединять семью и домочадцевъ передъ старинными семейными иконами за «молитвой благостной» домашней всенощной или же за особо умилительными молебствіями и акаѳистами; словомъ религія принимала у нея и у ея мужа, — хотя конечно инстинктивно, — древнѣйшее значеніе семейнаго культа, семейнаго слитія въ одну душу и одно сердце.

Умная, добрая, она возвышалась надъ тогдашнимъ общимъ уровнемъ Петербургскаго высшаго свѣта и своими добродѣтелями и той прелестью, которую умѣла она придать своему семейному очагу, своему гостепріимному дому. Елизавета Ивановна, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше, не особенно дорожила выѣздами въ свѣтъ и даже ко Двору; но она любила и умѣла принимать у себя. Мужъ и жена, живя одною жизнью, имѣли общихъ друзей, которые охотно собирались у нихъ по вечерамъ запросто, привлекаемые широкимъ комфортомъ дома, живымъ, веселымъ умомъ хозяина, и полною достоинства любезностью хозяйки. Прекрасная — по тому време-

ни — музыкантша, она первая пустила въ ходъ въ Петербургскомъ свѣтѣ знаменитаго впослѣдствіи піаниста Фильда, дававшаго уроки музыки ея дочерямъ и игравшаго на ея вечерахъ.

Гдѣ и какимъ образомъ далъ своей дочери столь утонченное по тогдашнему времени воспитаніе матерой и типичный стараго вѣка помѣщикъ Иванъ Михайловичъ Левашовъ, — это такъ и остается неразъясненнымъ. Очевидно, что до выхода замужъ своей безцѣнной «Лизаньки» онъ жилъ еще по зимамъ въ Петербургѣ именно въ цѣляхъ ея воспитанія и затѣмъ вывоза въ свѣтъ. Весьма можетъ статься, что взята была въ домъ для воспитанія лишенной материнскаго призора дѣвочки какая нибудь почтенная и хорошо рекомендованная столичными родственниками «Мадама»; въ такомъ случаѣ это была личность незаурядная по своимъ качествамъ, ибо, кромѣ хорошаго знанія французскаго и нѣмецкаго языковъ, она развила въ своей воспитанницѣ просвѣщенные вкусы, тактъ и умѣнье обращаться въ свѣтскомъ кругу, не поступаясь ни своимъ достоинствомъ, ни своимъ нравственнымъ долгомъ. Но семейныя преданія молчатъ объ имени подобной воспитательницы. Или быть можетъ Иванъ Михайловичъ, обучивъ свою дочь грамотѣ и начаткамъ благочестія, въ остальномъ воспитаніи и образованіи пользовался совѣтами какой нибудь почтенной и близкой родственницы*). Вѣроятнѣе же всего на воспитаніи Елизаветы Ивановны отразились одновременно и любовныя попеченія отца и вліяніе не по времени хорошей воспитательницы, и обращеніе въ особо просвѣщенномъ кружкѣ столичнаго общества, развившаго юную, способную отъ природы головку. Бываютъ въ культурной исторіи человѣческихъ обществъ такія времена, когда новыя познанія, новые идеалы, новые кругозоры усваиваются быстрѣе обычнаго восприниманія, какъ-то внезапно; а такое именно время и переживала русская дворянская и вообще мало-мальски образованная среда въ третьей четверти XVIII-го вѣка.

---

*) Не Графини-ли Минихъ, рожденой Чеглоковой?

Петръ Васильевичъ Неклюдовъ не особенно любилъ деревенскую жизнь. Служба, привычка къ обществу приковывали его къ Петербургу. Но Елизавета Ивановна считала своимъ долгомъ, несмотря на трудность путешествія, проводить по возможности лѣто, со всѣми дѣтьми, въ своей родовой Боровицкой вотчинѣ — Спасо-Мошанскомъ. Рядомъ съ отцовскимъ домикомъ, о коемъ я говорилъ выше и который по смерти Ивана Михайловича Левашова тщательно сохранялся въ прежнемъ видѣ, она выстроила болѣе обширный домъ, хотя далеко не роскошный, но въ которомъ могла свободно помѣщаться разросшаяся семья. Длинный дервянный, на каменномъ фундаментѣ, обшитый тесомъ и выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ, съ низкимъ треугольнымъ мезониномъ и большимъ балкономъ передъ гостинною, съ котораго открывался прекрасный видъ на извилистое теченіе Увери, на сосѣдній Николо-Мошанской погостъ и усадьбу Чоглоковыхъ, на холмы, поля, сосновыя рощи и на нѣсколько маленькихъ усадебъ и деревень, — домъ этотъ простоялъ до послѣдняго времени, обновленный въ шестидесятыхъ годахъ моимъ отцомъ. Сзади дома разбитъ былъ попеченіями моей прабабки садъ, состоявшій изъ верхней террасы съ цвѣтникомъ и изъ прямыхъ аллей, обсаженныхъ елями, которыя я зналъ уже вѣковыми. Къ этому саду примыкалъ другой, ягодный, сплошь засаженный малиною, смородиною, кружовникомъ. Большой каменный скотный дворъ и конюшни — поодаль, каменныя же службы, большой, также каменный крытый овинъ съ двумя на подобіе приземистыхъ башень каменными «ригами», высочайшій хлѣбный амбаръ на каменномъ нижнемъ этажѣ и другія хозяйственныя постройки, обширныя и солидныя, дополняли усадьбу, которая издали глядѣла, что называется, «городкомъ». Но, повторяю, самый барскій домъ былъ, и по тогдашнимъ понятіямъ, скромный, хотя удобный, просторный и теплый.

За то, рядомъ съ домомъ и со старинною высокою деревянною церковью, древней новгородской стройки, во имя Спаса Милостиваго, мой прадѣдъ и прабабка воздвигли второй, довольно большой, теплый каменный Храмъ Рождества Пресвятой Богородицы съ высокимъ шпилемъ и благолѣпною, совре-

меннаго стиля внутреннею отдѣлкою. Деревни при погостѣ не было, а существовали лишь бревенчатые домики — усадьбы «крылошанъ», т. е. церковнаго причта. Крестьянскія деревни находились верстахъ въ трехъ, пяти отъ усадьбы, какъ то водилось въ большихъ помѣстьяхъ новгородскаго края.

Елизавета Ивановна Неклюдова очень любила свою старую родовую усадьбу, гдѣ жилъ, скончался и погребенъ былъ ея отецъ; кромѣ того, какъ я говорилъ выше, она считала лѣтнее пребываніе свое въ деревнѣ своимъ нравственнымъ долгомъ и необходимымъ элементомъ воспитанія своихъ дѣтей — будущихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Она хорошо знала какъ тяжко отзывалось постоянное отсутствіе господъ на ихъ подданныхъ — дворовыхъ и крестьянахъ, становившихся жертвою алчности и жестокости управителей и бурмистровъ. Добрая, любвеобильная, она была милостивою и до щепетильности справедливою госпожею своихъ крѣпостныхъ. Лишь въ случаяхъ отъявленнаго пьянства, воровства или жестокаго обращенія съ женами, — добрые, прекрасные глаза ея загорались огнемъ гнѣва и она прибѣгала къ мѣрамъ строгости, столь претившимъ ея по истинѣ благой душѣ.*)

Неожиданно-ранняя смерть избраннаго ею по любви и всю жизнь горячо любимаго мужа была страшнымъ ударомъ для бѣдной Елизаветы Ивановны. Вскорѣ послѣ этой жестокой утраты прабабушка начала недомогать, болѣть, хирѣть и, пос-

---

*) У меня сохранился, въ прекрасной копіи (работы художника Яремича), портретъ моей прабабушки, писанный Боровиковскимъ (подлинникъ находится въ музеѣ Александра III-го). Лицо пріятное и миловидное, хотя и не особенно красивое, скорѣе блѣдное, выражаетъ искренню доброту и привѣтливость, но въ то же время и большое достоинство. Одѣта она на портретѣ просто, по модѣ конца XVIII-го столѣтія, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и небольшомъ такомъ же чепцѣ на слегка напудренныхъ волосахъ; на плечи накинута голубая шаль легкаго, мягкаго шелка. Ни одной драгоцѣнности на ней не надѣто: видно, что изображеніе бьетъ на изящную деревенскую простоту, а не на столичную пышность.

лѣ тщетной борьбы съ начавшимъ точить ея силы недугомъ, скончалась въ Петербургѣ 21 февраля 1800 года, сорока четырехъ лѣтъ отъ роду, когда младшему сыну ея не было и девяти лѣтъ, а младшей дочери — семи. Очевидно зародыши недуга существовали и раньше, но тяжкое горе надломило сопротивленіе нервной системы и болѣзнь развилась быстро, унеся Елизавету Ивановну въ могилу, — полтора года послѣ кончины любимаго мужа.

Къ этому послѣднему краткому, но скорбному періоду жизни моей прабабки относится слѣдующій разсказъ: Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы своего сумасброднаго царствованія несчастный Павелъ Петровичъ издалъ между прочимъ распоряженіе, чтобы при встрѣчахъ съ нимъ всѣ экипажи заблаговременно останавливались, находившіяся въ нихъ «особы» выходили на мостовую и дѣлали Его Величеству установленный, глубокій реверансъ. Однажды въ хмурый Петербургскій осенній день карета моей прабабки остановлена была крикомъ «Государь Императоръ ѣдетъ». Лакей соскочилъ съ запятокъ, открылъ дверцы, спустилъ трехступенный сходъ, и Елизавета Ивановна, въ черномъ креповомъ платьѣ и плерезахъ, спустилась въ уличную грязь и глубоко присѣла передъ приближавшимся Императоромъ. Глубокій трауръ-ли, полное-ли грусти и достоинства, знакомое Государю лицо склонившейся передъ нимъ дамы, или же и то и другое вмѣстѣ, — но къ Павлу вернулось въ эту минуту сознаніе уродства подобной картины; онъ велѣлъ лейбъ-кучеру остановиться, выскочилъ изъ экипажа, самъ отвѣтилъ дамѣ рыцарскимъ реверансомъ, и затѣмъ, взявъ ее за руку, помогъ ей подняться въ карету, отсалютовавъ ей еще разъ своею большою трехугольною шляпой съ помпономъ...

На могильномъ камнѣ моей прабабки, — общемъ съ ея мужемъ, — на Александро-Невскомъ кладбищѣ, тотъ-же другъ семьи, Державинъ, начерталъ слѣдующія строфы:

«Здѣсь милыхъ, юныхъ сонмъ дѣтей
На гробѣ матери ихъ нѣжной

Льютъ часто слезы изъ очей,
Молитвою прося прилежной
Ходатайства за нихъ передъ Творцомъ.
Богъ внемлетъ; и благословенье,
Какъ утренней росы стремленье,
На дѣтскій ниспадаетъ домъ.»

Память моей прабабки благословлялась и чтилась въ ея ближайшемъ потомствѣ. Да будетъ ея обликъ вѣдомъ и любезенъ и дальнѣйшему. Увы, въ потомствѣ этомъ не долго уже будетъ сохраняться Неклюдовское имя. Со смертію моихъ трехъ незабвенныхъ сыновей*) — мужское потомство Петра Васильевича и Елизаветы Ивановны Неклюдовыхъ представлено лишь двумя стариками — моимъ старшимъ братомъ (неимѣвшимъ сыновей) и мною, т. е. въ скоромъ будущемъ пресѣкнется.

*) Василія (1885-1901), Петра (1886-1918) и Сергѣя (1890-1916).

с. Спасо-Мотанское
барскій домъ
(съ любительской акварели)

с. Спасо-Мошанское

погостъ

(съ любительской акварели)

ГЛАВА IV

«ДѢТСКІЙ ДОМЪ». — Старшій братъ и сестры моего дѣда; ихъ жизненныя судьбы. — Юные годы дѣда Сергѣя Петровича Неклюдова. — Его женитьба на Варварѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

Прадѣдъ мой и прабабка Неклюдовы оставили послѣ себя двухъ сыновей, Ивана и Сергѣя, и шестерыхъ дочерей, старшей изъ коихъ, Маріи, — она же была и старшею въ семьѣ, — было тогда 23 года, а младшей — еле семь лѣтъ.

Вышеприведенная строфа Державинской эпитафіи о «дѣтскомъ домѣ» была не поэтическою прикрасою, а истиною. Любовь и память о дорогихъ родителяхъ связывали въ одно цѣлое осиротѣвшую семью, причемъ двѣ старшія сестры, Марія Петровна и Екатерина Петровна, съ минуты смерти матери, сочли священнымъ долгомъ замѣнить ее своимъ братьямъ и младшимъ сестрамъ.

Шестнадцатилѣтній въ 1800 году Иванъ Петровичъ Неклюдовъ являлся старшимъ въ родѣ и былъ почти на порогѣ независимой жизни (въ то время жить начинали очень рано); оставалось лишь руководить первыми шагами его служебной карьеры сообразно съ тѣми благопріятными условіями, которыя создавали для этой карьеры — имя, хорошее состояніе и общественныя связи юнаго сержанта гвардіи. Сестры, — съ первыхъ же шаговъ его на службѣ, — постарались удалить юношу отъ праздности и излишнихъ соблазновъ Петербургской жизни, устроивъ ему командировку въ качествѣ «дворянина при Посольствѣ» въ Константинополь; очень можетъ быть, что сдѣлано это было по совѣту стараго пріятеля семьи, маститаго русскаго дипломата Графа Семена Романовича Воронцова. Въ тѣ времена «атташе» при нашихъ Посольствахъ и Миссіяхъ набирались обыкновенно изъ образованныхъ и родовитыхъ молодыхъ офицеровъ и сержантовъ гвардіи.

Одинъ старый русскій консулъ, родомъ грекъ, разсказывалъ моему отцу въ сороковыхъ годахъ, что онъ знавалъ въ началѣ столѣтія его дядю въ Константинополѣ веселымъ, живымъ юношей. Въ тѣ далекія времена молодые атташе Русскаго Посольства, выѣзжая верхомъ, брали иногда съ собою цѣлые мѣшки мелкой мѣдной монеты, которую они разбрасывали мальчишкамъ, забавляясь ихъ вознею и дракою при овладѣніи щедротами молодыхъ ч е л я б и (знатныхъ иностранцевъ). Братъ моего дѣда чрезвычайно любилъ эту потѣху, и былъ, сообразно съ симъ, особенно популяренъ среди «радостнаго народа» стамбульскихъ и перскихъ мальчишекъ. — Когда, восемьдесятъ лѣтъ спустя, я былъ секретаремъ нашего Посольства въ Константинополѣ, то мы, выѣзжая верхомъ, уже не брали съ собою мѣшковъ мѣдной монеты: иные достатки, иные и нравы!

Очень можетъ статься, что отсылая своего братца подалѣ отъ Петербургскихъ соблазновъ, старшія сестры руководствовались, въ тайникѣ души, желаніемъ удалить любимаго юношу и отъ бранныхъ опасностей того воинственнаго времени. Суворовскій, свѣжей памяти, италійскій походъ стоилъ жизни многимъ молодымъ храбрецамъ и многихъ своихъ недосчитывались столичныя и провинціальныя дворянскія семьи. Пять лѣтъ спустя гибель массы молодыхъ и блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ на поляхъ Аустерлица вѣроятно еще усугубила желаніе любящихъ родственницъ видѣть своего милаго Ваню — дипломатомъ... Но отъ судьбы не уйдешь. Послѣдовавшій въ 1806-мъ году разрывъ съ Портою и отъѣздъ нашего Посольства положили конецъ этимъ мечтамъ.

Время это, т. е. 1806 и начало 1807 года, было временемъ особаго патіотическаго подъема среди русскаго дворянства и русскихъ офицеровъ. Вскормленное побѣдами временъ Екатерины и славою знаменитаго Суворовскаго похода въ Италію, русское дворянское общество отнюдь не могло примириться съ Аустерлицкимъ пораженіемъ. Въ немъ очевидно виноваты были все тѣ же неумѣлые и вѣроломные, завистливые австрійцы, которые уже однажды, при Суворовѣ, помѣшали торже-

ству нашего оружія; новая неудача требовала блестящаго отмщенія; войну съ Бонапарте необходимо было продолжать и русскимъ побѣдоноснымъ мечомъ остановить и наказать зазнавшагося выскочку. Молодой Иванъ Петровичъ Неклюдовъ, по возвращеніи своемъ въ Россію, ищетъ немедленнаго поступленія въ дѣйствующую армію. Юнкеромъ армейскаго гусарскаго полка онъ летитъ (какъ выражались въ то время) на кровавыя поля битвъ въ Восточной Пруссіи. За отличіе въ генеральномъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау получаетъ онъ корнетскій чинъ; но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, при Гайльсбергѣ, первое ядро, выпущенное французами въ расположеніе русскихъ войскъ, убиваетъ на-поваль молодого корнета, находившагося съ командою развѣдчиковъ въ непосредственной близости къ непріятелю. Такъ закончилось краткое жизненное поприще старшаго и единственнаго брата моего дѣда.

Прежде чѣмъ говорить о Сергѣѣ Петровичѣ Неклюдовѣ упомянемъ имена и очертимъ вкратцѣ судьбу его шести сестеръ.

Старшая, Марія Петровна, родившаяся въ 1777 году, вышла замужъ за Владимірскаго намѣстника, Генералъ-Маіора Авдія Николаевича Супонева. Добрая и кроткая, она замѣнила мать своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ; заботилась о нихъ, любила, но порядочно-таки ихъ баловала. Мужъ ея, по отзывамъ современниковъ, былъ человѣкомъ надменнымъ и скорѣе суровымъ. Съ женою однако-же онъ жилъ хорошо. Да и трудно было не жить съ нею дружно.

Вторая, Екатерина Петровна, оставила по себѣ память женщины доброй, открытаго нрава, но гораздо болѣе властной нежели ея старшая сестра. Оставшись послѣ смерти матери 19-ти лѣтней, красивой и видной дѣвушкой, она также много заботилась о своихъ меньшихъ братьяхъ и сестрахъ;

около 1802 года она вышла замужъ за Генерала Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, который незадолго передъ тѣмъ командовалъ Кавалергардскимъ полкомъ. Мужъ ея, человѣкъ прямой и энергичный, достигъ высшихъ служебныхъ степеней: генералъ-адъютантъ Императора Александра I-го, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Петербургскій Генералъ-Губернаторъ, назначенный на этотъ постъ въ самый день 14-го декабря 1825 года, послѣ Графа Милорадовича, наконецъ Членъ Государственнаго Совѣта, — онъ былъ возведенъ Николаемъ I-мъ въ графское Россійской Имперіи достоинство; онъ пережилъ свою жену, съ коею жилъ душа въ душу, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей и трехъ дочерей.

Третья, Елизавета Петровна, родившаяся въ 1787 году, была второю женою П. А. Галахова. Ея единственная дочь скончалась въ самой ранней молодости.

Четвертая, Софія Петровна, -- осталась незамужнею.

Пятая, Александра Петровна, родившаяся въ 1792 году, вышла замужъ за Павла Алексѣевича Тучкова, — третьяго изъ столь извѣстныхъ братьевъ, генераловъ отечественной войны. Тучковъ 3-й былъ тяжко раненъ и взятъ въ плѣнъ подъ Валютинымъ, гдѣ геройски задерживалъ съ небольшими силами авангардъ Мюрата. Впослѣдствіи сенаторъ, Предсѣдатель Комиссіи прошеній и наконецъ членъ Государственнаго Совѣта, онъ скончался въ 1858 году, оставивъ по себѣ, и какъ частный человѣкъ и какъ слуга отечества, самую свѣтлую память. Александра Петровна скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ. Тучковы оставили потомство — сына и трехъ дочерей.

Шестая, Варвара Петровна, родившаяся въ 1794 году, была замужемъ за Василіемъ Никаноровичемъ Шеншинымъ, также безупречнымъ и благороднымъ человѣкомъ. 14-го декабря 1825 года, Шеншинъ, будучи начальникомъ 1-й бригады 2-й Гвардейской Дивизіи, былъ тяжело раненъ въ Московскомъ полку однимъ изъ заговорщиковъ, хотя его чрезвы-

чайно любили въ этомъ именно полку, коимъ онъ незадолго передъ тѣмъ командовалъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ записки московца-декабриста Барона Розена. Произведенный въ Генералъ - Адъютанты и въ начальники 1-й Гвардейской дивизіи, онъ скончался въ 1831 году отъ холеры въ польскій походъ. Жена его, нѣжно его любившая, скончалась также очень рано, оставивъ круглыми сиротами двухъ сыновей и дочь.

Всѣ замужнія сестры моего дѣда были женщинами достойными, добрыми и пользовались наилучшею общественною славою. Въ нихъ развито было превыше всего материнское чувство. И въ томъ отношеніи не составляла исключенія и четвертая, хотя и незамужняя сестра ихъ Софія Петровна: послѣ кончины Варвары Петровны Шеншиной, съ которою ее связывала особенно нѣжная дружба, она взяла къ себѣ ея сыновей и дочь и вполнѣ замѣнила имъ и отца и мать, воспитавъ ихъ съ любовью и тщаніемъ. Софія Петровна была особа добрая и умная, но довольно гордая и очень дорожила порядкомъ и свѣтскимъ лоскомъ своего зажиточнаго дома.

Дѣдъ мой, Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ, родился въ С.-Петербургѣ 27 мая 1790 года. Ему было слѣдовательно десять лѣтъ, когда съ кончиною матери онъ остался круглымъ сиротою.

Старшія сестры и попечительницы, особенно добрѣйшая, мягкосердечная Марія Петровна Супонева, окружали маленькаго брата нѣжною любовью и попеченіями. Когда Сережѣ минуло 12 лѣтъ, сестры помѣстили его въ пансіонъ аббата Nicole, іезуита и отмѣннаго педагога, дававшаго своимъ питомцамъ, дѣтямъ Петербургскихъ аристократовъ, утонченное

и не лишенное солидности, — по тогдашнему времени, — образованіе.

Воспитаніе это, замѣтимъ въ скобкахъ, отнюдь не развило въ немъ какой либо склонности къ католичеству. Всю жизнь свою онъ напротивъ того недолюбливалъ ксендзовъ и ультрамонтанства. Я самъ помню слѣдующій его отзывъ: въ одинъ изъ пріѣздовъ къ намъ въ Москву, дѣдушка, разговаривая съ моею матерью, много и охотно читавшею, предложилъ ей недавно купленное имъ, но не прочитанное еще сочиненіе графа Montalembert: — «Les Moines d'Occident» — «Celà pourra vous intéresser, Marie ; pour moi c'est beaucoup trop catholique!»

Въ русской исторической литературѣ принято приписывать воспитанію дѣтей аристократическихъ семействъ нашихъ въ Петербургской іезуитской коллегіи, а по закрытію оной, въ пансіонѣ de l'abbé Nicole, переходъ нѣсколькихъ выдающихся членовъ русскаго общества въ католичество. Въ этомъ есть лишь доля правды. Изъ разсказовъ и свѣдѣній о сверстникахъ моего дѣда я могъ заключить, что въ католичество въ тѣ времена улавливались почти исключительно либо свѣтскія дамы, никогда въ подобныхъ заведеніяхъ не воспитывавшіяся и ничего рѣшительно въ вопросахъ вѣроисповѣданія не смыслившія, либо, — и особенно нѣсколько позднѣе, — такія отдѣльныя личности, которыхъ папизмъ прельщалъ гораздо болѣе своею политическою стороною, нежели вѣроисповѣдною. Таковы были г-жа Свѣчина, съ ея сильнымъ мужскимъ умомъ, Чаадаевъ, Лунинъ, іезуиты Мартыновъ и кн. Гагаринъ, кн. Голицынъ, кн. Волконскій, Жеребцовъ и другіе.

Это были люди разочаровавшіеся, по той или иной причинѣ, въ идеалѣ русскаго самодержавнаго строя. Западныя ультра - либеральныя и революціонныя вѣянія претили съ другой стороны ихъ аристократизму. Исходъ своимъ блужданіямъ и неяснымъ свободолюбивымъ стремленіямъ они чаяли найти въ сильномъ, властномъ строѣ Западной Церкви, всегда ставившей свой авторитетъ превыше авторитета свѣтскаго господства. Замѣтимъ еще, что первая половина XIX-го вѣка видѣла возникновеніе такъ называемаго либеральнаго католициз-

ма, представленнаго въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ аббатомъ Ламменэ, Монталамберомъ, графомъ Фаллу, о. Лакордеромъ и другими. Западное католичество, казалось, принимало новый обликъ: авторитетъ Церкви и самого Главы Церкви начиналъ какъ будто родниться съ новыми стремленіями народной жизни и долженъ былъ, во мнѣніи этой школы мыслителей, принести человѣческимъ обществамъ истинный прогрессъ и истинное благополучіе, основанные на незыблемыхъ началахъ строго - упорядоченнаго христіанства, помимо — и зачастую вопреки — деспотической власти государства. Идея заманчивая и которая не могла не привлекать къ себѣ и кое кого изъ русскихъ людей, всегда падкихъ на новизну, естественно склонныхъ къ абстракціи и, въ особенности, привыкшихъ съ юныхъ лѣтъ черпать утоленіе своей умственной жажды въ иностранныхъ теченіяхъ мысли. Поѣздки за границу и дружба съ выдающимися иностранцами довершали это вліяніе обновленнаго католицизма. Колеблющійся русскій умъ мнилъ найти себѣ опору въ незыблемомъ авторитетѣ Рима: и этотъ авторитетъ захватывалъ его наконецъ со свойственною ему цѣпкостью и дѣлалъ его своимъ, но въ то-же время, — и вопреки собственнымъ своимъ планамъ и вожделѣніямъ, — чужимъ для Россіи и для русской реальной жизни.

Нельзя не признать однако, что, сближаясь съ католическою мыслью и съ жизнью Западной Церкви, такія высоко-образованныя, вдумчивыя и искренніе личности, какъ Чаадаевъ, Лунинъ, Жеребцовъ, Софія Петровна Соймонова (по мужу Свѣчина), Наталья Григорьевна Нарышкина, а въ новѣйшія времена Владиміръ Соловьевъ, Левъ Лопатинъ, кн. Евгеній Трубецкой, о. Пирлингъ и другіе, содѣйствовали разсѣянію многихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, встрѣтились съ высокими стремленіями такихъ свѣточей Западнаго Католичества какъ папы Левъ XIII и Пій X, какъ кардиналы Рамполла, Мерсье и епископъ Штроссмайеръ и, — вмѣстѣ съ сими, — положили нѣсколько цѣнныхъ камней въ основаніе чаемаго, величественнаго храма обновленной жизни и всехристіанскаго единенія.

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется намъ пере-

ходъ изъ православія въ латинство, — въ началѣ прошлаго столѣтія, — нѣсколькихъ петербургскихъ львицъ и модницъ, — переходъ, явившійся плодомъ необдуманнаго рвенія іезуитскихъ патеровъ и французской роялистской среды, пустившей раскидистые, если и не крѣпкіе корни въ русскомъ высшемъ обществѣ за годы эмиграціи.

Переводя на лоно западной церкви русскихъ знатныхъ и богатыхъ барынь, пропаганда мнила обрѣсти въ ихъ лицѣ новыхъ Клотильдъ, примѣру коихъ не преминутъ послѣдовать ихъ домашніе, за домашними ихъ друзья — цвѣтъ придворной аристократіи, а за послѣдними пожалуй что и самый Дворъ! Но эти столь соблазнительные планы потерпѣли полное крушеніе. Русскіе «Хлодвиги», приросшіе къ своимъ вѣковымъ привычкамъ и выгодамъ, и не подумали слѣдовать примѣру своихъ женъ, матерей и сестеръ, а напротивъ того натравили на «совратителей» надлежащіе органы «Цезаропапизма» и добились удаленія іезутскаго ордена изъ предѣловъ Россіи. Въ концѣ же концовъ вся эта легкомысленная кампанія привела лишь къ вящему разладу между русскимъ обществомъ и католическою мыслью. Мнѣ придется немного дальше еще разъ говорить объ этомъ; пока же вернусь къ моему дѣду, коего мы какъ будто совершенно забыли за всѣми этими вѣроисповѣрными разсужденіями.

По завершеніи своихъ учебныхъ годовъ, Сергѣй Петровичъ въ 1807 году опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ (или, быть можетъ, былъ записанъ туда еще въ бытность въ пансіонѣ, — какъ это прежде водилось).

Послѣ смерти Ивана Петровича, любящія сестры стремились къ огражденію единственнаго оставшагося брата отъ опасностей войны. Но спокойствіе ихъ въ этомъ отношеніи продолжалось недолго. Молодого, богатаго и крѣпкаго сложеніемъ юношу не могла не привлекать, — въ тѣ времена въ особенности, — военная служба и свѣтская жизнь гвардейской золотой молодежи. Черезъ годъ послѣ поступленія въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, Сергѣй Петровичъ переводится «не въ примѣръ прочимъ» эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ проходитъ вся его военная карьера, не особенно долгая, но, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ времени, весьма блестящая. На выборъ полка повліялъ очевидно Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, незадолго передъ тѣмъ этимъ полкомъ командовавшій.

Кавалергарды были въ то время самымъ блестящимъ полкомъ гвардіи и по внутреннему распорядку полка и по составу офицеровъ, принадлежавшихъ къ родовитому и образованному русскому дворянству. Полкъ, недавно сформированный, — до Павла существовалъ такъ называемый «Кавалергардскій Корпусъ», но не было собственно полка, — успѣлъ уже покрыть себя боевою славою въ знаменитой отчаянной аттакѣ гвардейскихъ кирасиръ подъ Аустерлицомъ.

Передъ молодымъ офицеромъ, — Сергѣй Петровичъ вскорѣ произведенъ былъ въ корнеты, — широко открывалась пріятная полковая и свѣтская жизнь; онъ былъ статенъ, довольно красивъ лицомъ, прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и гораздо охотнѣе предавался конскому спорту и свѣтскимъ удовольствіямъ, нежели кутежамъ, которые къ тому-же и не процвѣтали особенно среди кавалергардовъ. Чтобы закрѣпить эти добрыя расположенія, сестры Сергѣя Петровича постарались найти для него подходящую партію и склонить его къ ранней женитьбѣ. Ихъ усилія вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: въ 1811 году, т. е. 21-го года отъ роду, Сергѣй Петровичъ повѣнчался съ Варварой Ивановной Нарышкиной, девятнадцати-лѣтнею дочерью Оберъ-Церемоніймейстера Ивана Александровича Нарышкина и Екатерины Александровны, рожденой бар. Строгановой.

Но прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшему повѣствованію о моемъ дѣдѣ и бабкѣ*), я долженъ сказать нѣсколько словъ о родствѣ этой послѣдней, т. е. о семьяхъ Нарышкиныхъ и Строгановыхъ.

*) Въ моемъ обладаніи находятся портреты Сергѣя Петровича Неклюдова и Варвары Ивановны, кисти Изабе. Портреты писаны въ 1811 году. Сергѣй Петровичъ изображенъ въ Кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ съ накинутымъ поверхъ и черезъ плечо чернымъ плащемъ. Плащъ этотъ, высокій воротникъ колета и прическа à la Titus живо переносятъ въ раннюю эпоху Александровскаго царствованія. Лицо, молодое и скорѣе мягкое, напоминаетъ черты его матери на вышеупомянутомъ портретѣ ея. Впослѣдствіи и черты лица и выраженіе его значительно измѣнились и приняли болѣе характерное и гораздо болѣе строгое выраженіе.

Бабушка Варвара Ивановна изображена въ закрытомъ черномъ бархатномъ платьѣ съ кружевнымъ воротничкомъ à l'enfant. Прелестное личико ея съ маленькимъ горбатымъ носикомъ, прекраснымъ оваломъ лица и ротикомъ вишенкою, освѣщено большими темными глазами, въ которыхъ свѣтится веселость, кокетливость и беззаботная юность; прическа — вся въ маленькихъ кудряшкахъ — придаетъ изображенію еще болѣе молодости и беззаботности.

Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ
въ ранней юности
(съ миніатюры кисти Изабэ)

ГЛАВА V

НАРЫШКИНЫ И СТРОГАНОВЫ; ихъ родовыя черты. Прадѣдъ мой Иванъ Александровичъ Нарышкинъ (1761-1841); его характеръ, свѣтская жизнь и придворная служба. Борода Юродиваго и бѣлыя мыши. — Екатерина Александровна Нарышкина, рожденная Строганова (1769-1844). Государственныя заслуги рода Строгановыхъ. — Московская жизнь стариковъ Нарышкиныхъ. — Пылкій «братецъ» и строгая «сестрица». — Ближайшее потомство И. А. и Е. А. Нарышкиныхъ.

Нарышкины представляли собою, — вмѣстѣ со Строгановыми, Воронцовыми и Шуваловыми, — какъ бы цвѣтъ придворной аристократіи XVIII-го и XIX-го вѣковъ. Неизмѣнная милость къ нимъ послѣдовательнаго ряда монархинь и монарховъ, — не исключая даже столь измѣнчиваго въ своемъ благоволеніи Павла, — поставила эти фамиліи на совершенно равную ногу съ уцѣлѣвшими въ знатности, въ богатствѣ и вліяніи старыми княжескими и боярскими родами; эта милость ставила ихъ подчасъ даже выше другихъ.*)

Но между тѣмъ какъ Воронцовы и Шуваловы дорожили, помимо придворнаго фавора, и вліяніемъ своимъ на дѣла государственныя, а Строгановы справедливо гордились своими предками, — именитыми гостями Новгородскими, полудержавными въ теченіе столѣтій властителями обширнаго сѣвернаго края, — и тщились продолжать семейныя преданія, — Нарышкины почти все свое значеніе черпали изъ родства, связавшаго ихъ съ основателемъ новой Россіи, Петромъ, и олицетворяли собой какъ бы казовую, праздничную сторону этой

*) Я нарочно не помѣстилъ въ число этихъ фамилій — графовъ Паниныхъ. Быстро выдвинувшіеся, — такъ же какъ и Воронцовы и Шуваловы — изъ рядовъ средняго дворянства въ вельможи, они относились однако съ неуступчивою ревностью къ тому, въ чемъ видѣли государственную пользу; на этой почвѣ вступали они подчасъ въ прю даже съ высочайшими мнѣніями, и испытывали тогда на себѣ невыгоды подобной строптивости.

новой, Петербургской Россіи: веселую роскошь быта, щедрую и легкомысленную расточительность, изящную утонченность вкуса, предупредительное и какъ-бы естественное приноровленіе къ вѣяніямъ Двора и къ перемѣнамъ Высочайшихъ настроеній. Ни одного военноначальника, ни одного даже выдающагося дипломата не выдѣлила изъ себя въ два вѣка именитая семья царскихъ родственниковъ, — но въ то же время не запятнала она себя ни лихоимствомъ, ни жестокостью, ни даже высокомѣрнымъ или спѣсивымъ обращеніемъ съ тѣми, кто стоялъ ниже.

Враги Нарышкиныхъ, въ смутную и кровавую эпоху малолѣтства Петра, распространяли между московскимъ простонародіемъ и стрѣльцами слухъ, что родственники Царицы Натальи Кирилловны — происхожденія еврейскаго, и указывали въ подтвержденіе сего на рѣзко очерченный южный типъ фамиліи. Это однако-же исторически не вѣрно. Нарышкинскій родъ беретъ свое начало изъ Крыма, гдѣ коренное, кавказскаго типа населеніе, хотя и отатарившись по вѣрѣ, сохранило и по-нынѣ тонкость и рѣзкость чертъ, присущую грузинамъ и нѣкоторымъ изъ горныхъ племенъ. И долгое время этотъ сильный «нарышкинскій» типъ держался въ родѣ, мало измѣняясь отъ примѣси другихъ кровей и распространяясь, напротивъ того, на семьи,ороднившіяся съ Нарышкиными женитьбою. И такъ-же живучъ былъ умственный и нравственный складъ знаменитой фамиліи. При одномъ упоминаніи Нарышкинскаго имени встаютъ передъ знатокомъ русскаго прошлаго образы легкомысленныхъ, офранцузившихся вельможъ и баръ Екатерининскаго и Александровскаго вѣка, — веселыхъ, остроумныхъ, — если и не умныхъ въ точномъ смыслѣ этого слова, — но всегда богатыхъ, добродушныхъ и щедрыхъ. Придворная жизнь была для нихъ тою родною средою, внѣ коей они не могли жить, а развѣ только прозябали!

Старшая вѣтвь Нарышкиныхъ, отъ одного изъ братьевъ Натальи Кирилловны, представлена нынѣ лишь однимъ семействомъ. Всѣ остальные существующіе Нарышкины происходятъ отъ троюродныхъ братьевъ Царицы. Но такова была сила родовой связи и семейнаго начала въ до-Пет-

ровской Руси, что и всѣ эти отдаленные родственники второй жены Царя Алексѣя Михайловича получили огромныя вотчины, сразу вошли въ боярскую знать и стали родниться съ самыми именитыми семьями Царской Москвы. Къ одной изъ этихъ вѣтвей Нарышкинскаго рода, — вѣтви, нынѣ совершенно угасшей въ мужскомъ поколѣніи, — принадлежалъ мой прадѣдъ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ. Онъ былъ сыномъ обладавшаго весьма крупнымъ состояніемъ сенатора Александра Ивановича, женатаго на княжнѣ Аннѣ Никитишнѣ Трубецкой.*) Мой прадѣдъ родился 19-го марта 1761 года; онъ былъ старшимъ и имѣлъ двухъ братьевъ и сестру.

Измайловскій офицеръ въ царствованіе Екатерины II-й, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ вскорѣ однако перешелъ на придворную службу, гораздо болѣе подходившую къ его характеру и вкусамъ. Небольшого роста, съ тонкими, — пожалуй слишкомъ тонкими, — характерно «Нарышкинскими» чертами лица, воспитанный совершенно на французскій ладъ (онъ, кажется, и думалъ-то по французски) — Иванъ Александровичъ вполнѣ олицетворялъ собою типъ petit maitre'a конца XVIII-го столѣтія. Не особенно умный, но остроумный, изящно образованный, изъисканно - любезный и мягкосердечный, очень богатый и состоявшій въ близкомъ родствѣ съ самыми знатными особами Екатерининскаго и Александровскаго вѣка, онъ былъ какъ бы созданъ для свѣтской, скажу болѣе — для с а л о н н о й жизни той эпохи. Главною чертою его характера было поклоненіе женской красотѣ, безпрекословное подчиненіе женскому обаянію. Изящныя представительницы Петербургскаго большого свѣта, хорошенькія актрисы и иныя очаровательницы французскаго происхожденія, вплоть до русскихъ красавицъ «средняго состоянія» и даже до крѣпостныхъ субретокъ типа Грибоѣдовской Лизы, — все это находило въ немъ либо преданнаго и нѣжнаго поклонника, либо щедраго и добраго покровителя. Другою страстью его была музыка; онъ самъ очень недурно игралъ на скрипкѣ, хотя злые языки и увѣряли, что изъ нотъ, пропускаемыхъ имъ

*) Дочь грознаго Елисаветинскаго Генералъ - Прокурора Никиты Юрьевича Трубецкого.

при исполненіи музыкальной пьесы, можно было бы составить цѣлую сонату. Оособенно любилъ онъ камерную музыку и часто устраивалъ концерты таковой въ своемъ гостепріимномъ домѣ.

Женился Иванъ Александровичъ 26-ти лѣтъ отъ роду въ 1787-мъ году на Екатеринѣ Александровнѣ Строгановой, — дочери барона Александра Николаевича Строганова отъ его брака съ Елизаветой Александровной Загряжской, извѣстной красавицей, весьма приближенной къ Екатеринѣ II-й.*)

Женившись, Иванъ Александровичъ еще успѣшнѣе продолжалъ свою придворную службу. Воцареніе Павла Петровича лишь ускорило эти успѣхи. Взбалмошный монархъ помнилъ, что отецъ Ивана Александровича былъ нѣкогда камергеромъ Петра III-го и находился въ день переворота 1762-го года въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ сверженнаго Императора въ неудавшемся его бѣгствѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Не имѣя возможности вознаградить за вѣрность отца (умершаго уже въ 1782 году) Павелъ перенесъ свое благоволеніе на сына и произвелъ его 27 марта 1798 года, — Ивану Александровичу было тогда 37 лѣтъ отъ роду, — въ чинъ тайнаго совѣтника.

Новая перемѣна царствованія еще болѣе благопріятно повліяла на придворную карьеру моего прадѣда, который въ первые восемь лѣтъ царствованія Александра I-го былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры, а затѣмъ въ оберъ-церемоніймейстеры.

Домъ Нарышкиныхъ, — на Разъѣзжей у Пяти Угловъ, — служилъ средоточіемъ для самаго изящнаго и знатнаго общества столицы; туда зачастую пріѣзжалъ хлѣбосольный и веселый Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ съ женою своею, знаменитою красавицею Маріею Антоновною, по которой Иванъ Александровичъ втайнѣ вздыхалъ и у которой состоялъ въ качествѣ «chevalier servant». Вслѣдъ за ними пріѣзжалъ неоднократно и самъ Державный покровитель и вѣрный любовникъ Маріи Антоновны; много содѣйствовала свѣтскому обая-

*) Она между прочимъ извѣстна тѣмъ, что первая послѣдовала примѣру Императрицы, давъ привить себѣ оспу.

нію дома личность хозяйки, женщины отмѣнно умной, образованной, прямой, державшей себя со строгимъ, чисто «строгановскимъ» достоинствомъ и къ тому же съ ранняго дѣтства близкой къ Императору и ко всей Царской семьѣ.

Но рядомъ съ безпечною и широкою свѣтскою жизнью, другія привычки и страсти увлекали постоянно добрѣйшаго Ивана Александровича. Любовнымъ увлеченіямъ его не было ни конца, ни краю, и эти увлеченія содѣйствовали, еще болѣе чѣмъ роскошный ежедневный обиходъ, постепенному, но вѣрному разоренію семьи.

Одно изъ этихъ увлеченій имѣло послѣдствіемъ крушеніе блестящей придворной карьеры моего прадѣда и переселеніе его въ Москву, — это классическое убѣжище всѣхъ развѣнчанныхъ, разочаровавшихся и разорившихся вельможъ и сановниковъ того времени.

Во вторую половину Александровскаго царствованія, И. А. Нарышкинъ оказывалъ особое покровительство нѣкоей Madam Verteuil, красивой владѣлицѣ извѣстнаго въ Петербургѣ магазина модъ. Онъ имѣлъ отъ нея, между прочимъ, и сына, носившаго также фамилію Verteuil, и котораго онъ почти открыто признавалъ.*) Госпожа Вертейль оказалась однажды замѣшанной въ полученіи контрабандою, черезъ дипломатическую врализу, одного изъ иностранныхъ посольствъ, разныхъ модныхъ товаровъ для своего магазина. Исторія эта, — чрезвычайно раздутая врагомъ и завистникомъ Нарышкина небезъизвѣстнымъ авантюристомъ «графомъ» Лавалемъ, мѣтившимъ

*) Этотъ Вертейль былъ впослѣдствіи полковникомъ генеральнаго штаба и женился на дѣвицѣ Полторацкой. (Кн. Лобановъ, «Родословный Сборникъ»).

на мѣсто оберъ-церемонійместера, — надѣлала много непріятностей Ивану Александровичу. Марія Антоновна уже не пользовалась прежнимъ фаворомъ и не могла отстоять его передъ Государемъ, который къ тому же всегда строго относился къ дѣлавшимся ему извѣстными упущеніямъ по службѣ. Въ концѣ концовъ И. А. Нарышкинъ долженъ былъ покинуть службу при Дворѣ и, назначенный сенаторомъ въ Москву, переѣхалъ туда на жительство съ женою и незамужнею дочерью.

Какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, карьерное крушеніе дало поводъ Нарышкинымъ, — или по крайней мѣрѣ Екатеринѣ Александровнѣ, — подсчитать имущественное положеніе семьи. Подсчетъ оказался неутѣшительнымъ. Долги и счета поставщиковъ богатаго дома оказались настолько обильными и крупными, что на уплату ихъ пошла большая часть весьма значительнаго, — по тому времени, — приданаго капитала Екатерины Александровны. Большія Пензенскія имѣнія Ивана Александровича оказались заложенными въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а Ряжское, также заложенное, было выдѣлено старшему сыну, Григорію Ивановичу, при его женитьбѣ.

Приведя дѣла въ относительный порядокъ и продавъ свой домъ на Разъѣзжей, Нарышкины перебрались въ 1820-мъ году въ Москву, гдѣ купили у старушки Архаровой каменный домъ особнякъ съ большимъ дворомъ и садомъ и многочисленными службами на Пречистенкѣ. *)

Здѣсь зажили И. А. Нарышкинъ съ супругою московскою барскою жизнью того вѣка, проживая по-прежнему широко остатки своего большого состоянія, такъ что, по смерти ихъ (въ сороковыхъ годахъ), младшій, невыдѣленный сынъ и незамужняя дочь получили лишь жалкія крохи былого богатства;

---

*) Домъ этотъ — en retrait de la rue — сохранился въ первоначальномъ своемъ видѣ еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Послѣ кончины стариковъ Нарышкиныхъ онъ былъ проданъ нѣкоей г-жѣ Охотниковой, а впослѣдствіи принадлежалъ вдовѣ одного изъ Коншиныхъ, извѣстныхъ московскихъ фабрикантовъ.

Иванъ Александровичъ Нарышкинъ
1762—1841)
(съ утерянной миніатюры, воспроизведенной въ „Русскихъ Историческихъ Портретахъ“)

Варвара Ивановна Неклюдова
рожденая Нарышкина
до замужества
(съ миніатюры на эмали)

бабушка же моя Варвара Ивановна такъ и осталась при своемъ приданомъ, состоявшемъ изъ славныхъ брилліантовъ, фамильнаго серебра, разной цѣнной рухляди и — всего сорока тысячъ цѣлковыхъ деньгами.

Къ переѣзду Нарышкиныхъ въ Москву относится происшествіе, описанное въ краткой біографіи Ивана Александровича, приложенной къ его портрету въ изданіи «Русскихъ Историческихъ Портретовъ» Великаго Князя Николая Михайловича.

Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Петербургѣ и Москвѣ проживалъ извѣстный юродивый Тимоѳей Архипычъ. Ему очень покровительствовала бабка Ивана Александровича Нарышкина, оставшаяся и послѣ Петровской ломки типичною представительницею старозавѣтнаго боярскаго уклада.

Анастасія Александровна Нарышкина была рожденая Милославская, — и странно ззвучитъ это соединеніе брачными узами двухъ именъ, колебавшихъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Москву и Тронъ своею враждою! Мужъ ея, Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ, былъ исключеніемъ въ Нарышкинскомъ родѣ; онъ и самъ былъ упорнымъ приверженцемъ старины, и, послѣ смерти Петра Великаго, испросилъ себѣ дозволеніе снова именоваться «Комнатнымъ Стольникомъ» вмѣсто «дѣйствительнаго камергера». Анастасія Александровна — родственница Іоанновской линіи и по отцу (Милославскому) и по матери — Салтыковой, — получила юродиваго Тимоѳея Архипыча такъ сказать въ наслѣдство отъ своей тетки, вдовствующей Царицы Прасковьи, дворъ коей былъ, по выраженію ея деверя Петра, — «Кунсткамерою разныхъ юродовъ, ханжей и пустосвятовъ».

На смертномъ одрѣ своемъ юродивый завѣщалъ благочестивой «боляринѣ» свою бороду, предвѣщая при семъ, что, доколѣ въ ея потомствѣ будетъ храниться эта борода, не переведется мужское поколѣніе семьи и останется оно вѣрнымъ православному благочестію. Борода, зашитая въ шелковую ладонку съ крестомъ на ней, вышитымъ золотомъ, такъ и храни-

лась съ тѣхъ поръ у этой отрасли Нарышкинскаго рода и перешла наконецъ къ Ивану Александровичу, какъ старшему въ семьѣ. Едва-ли petit-maître Екатерининскаго и Александровскаго вѣка относился съ чрезмѣрнымъ благоговѣніемъ къ этой реликвіи до-петровскаго строя жизни; но хранить ее онъ всетаки хранилъ; и завѣтная ладонка уложена была тщательно вмѣстѣ съ другими вещами, перевозимыми изъ Петербурга въ Москву. Но въ Москвѣ, при раскладкѣ, бороды блаженнаго не нашлось! Долго искали и рылись, и наконецъ, по обрывкамъ шелковой ладонки, догадались, что пресловутая борода, будучи уложена въ одинъ и тотъ же ящикъ съ бѣлыми мышами, которыхъ Иванъ Александровичъ всегда держалъ у себя, разводя ихъ и уча разнымъ штучкамъ, — съѣдена была этими самыми мышами, прогрызшими себѣ, во время путешествія, ходъ изъ предоставленнаго имъ отдѣленія ящика въ отдѣленіе, гдѣ уложена была завѣтная ладонка!

И кто бы могъ подумать! Заклятіе юродиваго исполнилось въ точности надъ семьею легкомысленнаго потомка благочестивой и степенной Боярыни. Съ единственнымъ внукомъ Ивана Александровича, Александромъ Григорьевичемъ, пресѣклось мужское поколѣніе семьи, а всѣ четыре сестры этого Александра Григорьевича и его единственная дочь перешли въ католичество. Братья Ивана Александровича также не оставили мужского потомства и вообще вся вѣтвь Нарышкиныхъ, происходившая отъ боярыни Анастасіи Александровны, пресѣклась вполнѣ.

Переселившись въ Москву, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ остался и тамъ типичнымъ представителемъ своего вѣка. Хлѣбосольный у себя дома, онъ былъ усерднымъ и любимымъ завсегдатаемъ въ гостинныхъ изящныхъ, красивыхъ и образованныхъ дамъ Московскаго высшаго общества. Особенно часто видали его въ салонѣ прелестной и талантливой поэтессы княгини Зинаиды Александровны Волконской (рожд. княжны Бѣлосельской), которую Иванъ Александровичъ называлъ не иначе какъ: «Notre Corinne». Охотно посѣщалъ онъ также театры и всякія празднества, — вплоть до Московскихъ на-

родныхъ гульбищъ въ Сокольникахъ, подъ Новинскимъ и въ Марьиной рощѣ, куда усердно ѣздило, — себя показать и другихъ посмотрѣть тогдашнее Московское барство. И всюду вносилъ съ собою этотъ маленькій, худощавый, но свѣжій и бодрый старичекъ атмосферу безпечной веселости, изящнаго французскаго остроумія временъ Людовика XVI-го, добродушія и предупредительной вѣжливости не только къ равнымъ себѣ, но и къ низшимъ. «Небольшого роста, худенькій и миловидный человѣчекъ, — пишетъ про него одна изъ его современницъ, — онъ въ противуположность супругѣ своей, былъ очень общительнаго характера, очень учтивъ въ обращеніи и большой шаркунъ. Волосы у него были очень рѣдки, онъ стригъ ихъ коротко и какимъ то особеннымъ манеромъ, — что очень къ нему шло; былъ большой охотникъ до перстней и носилъ прекрупные бриліанты. Уже старикомъ его часто можно было встрѣтить въ Петровскомъ Паркѣ или въ Сокольникахъ, на куцомъ конѣ, съ розою въ петлицѣ фрака, ухаживающимъ за дамами...» Въ карманахъ Ивана Александровича не переводились драгоцѣнныя и художественныя эмалевыя табакерки и бомбоньерки и тонкіе фуляровые платки «de la Compagnie des Indes»; все рѣже однако водились тамъ червонцы, коими онъ раньше привыкъ сыпать направо и налѣво, — въ особенности налѣво!..

Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, равно какъ и его супруга, скончались въ Москвѣ; первый 18 января 1841 года, вторая 30 декабря 1844-го; оба погребены на кладбищѣ Донского Монастыря, ставшаго впослѣдствіи мѣстомъ упокоенія и нашей семьи.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА НАРЫШКИНА.
СТРОГАНОВЫ.

Московская жизнь и обстановка гораздо менѣе приходились по вкусу Екатерины Александровны Нарышкиной. Съ Петербургомъ связывали ее всѣ воспоминанія и привычки ея жизни. Тамъ родилась она 21 мая 1769 года; тамъ начала выѣзжать въ свѣтъ красивою и статною дѣвушкою и хорошо помнила дворъ Екатерины II-й, гдѣ блистала ея красавица - мать и гдѣ имя и огромное состояніе ея отца — барона Александра Николаевича Строганова — и ея собственныя качества дѣлали ее предметомъ вниманія и исканій со стороны самыхъ знатныхъ и изящныхъ представителей блестящаго, вельможнаго общества. Въ Петербургѣ же протекла и послѣдующая, неменѣе счастливая пора ея замужней жизни, о коей я писалъ выше; тамъ жили ея ближайшіе родственники — Строгановы — съ коими она, до конца жизни, находилась въ самыхъ лучшихъ и искреннихъ отношеніяхъ. Тамъ же погребенъ былъ ея старшій и любимый сынъ, Александръ Ивановичъ, блестящій лейбъ-егерскій офицеръ, выдававшійся не только красотою, умомъ и изяществомъ, но и прекрасными качествами сердца; онъ былъ убитъ на дуэли въ 1809-мъ году безжалостнымъ бреттеромъ графомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Толстымъ, такъ называемымъ «Американцемъ».

Несравненно болѣе серьезная чѣмъ мужъ, съ характеромъ властнымъ и не лишеннымъ гордости, Екатерина Александровна являлась типичною представительницею именитаго рода Строгановыхъ.

Въ ней жива была старая закваска этого рода, привыкшаго ко власти и къ неограниченнымъ денежнымъ средствамъ, ставшаго въ близкія отношенія ко Двору не путемъ выслуги или «случая», а въ силу исключительнаго своего положенія на сѣверной окраинѣ Царства, гдѣ Строгановы являлись провозвѣстниками и распространителями державной власти Русскихъ

Царей. Извѣстно, что русскій conquistador, Ермакъ Тимофеефичъ, состоялъ на службѣ у Строгановыхъ, и ими и на ихъ средства посланъ былъ за Уралъ. Получивши въ XVIII-мъ столѣтіи гербъ, на коемъ шахты и мѣха напоминаютъ источники богатства сѣвернаго края и заслуги колонизовавшихъ этотъ край «гостей Новгородскихъ», Строгановы могли впослѣдствіи*) снабдить этотъ гербъ гордымъ, но справедливымъ девизомъ: «Terram Opes Patriae Sibi Nomen».

Въ бѣдственную и кровавую эпоху междуцарствія, Строгановы оказали родной землѣ величайшія услуги. Глава семьи Петръ Семеновичъ, «стоялъ за отечество и за вѣру православную», — какъ сказано въ пожалованной ему грамотѣ, — «крѣпко и безъ всякаго забытья»; онъ щедро снабжалъ казною православныя ополченія, издержалъ на это огромныя суммы и, по восшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳедоровича, получилъ для себя и для потомковъ своихъ вышеупомяную грамоту и титулъ именитыхъ людей, съ правомъ не подлежать суду гражданскихъ властей, а быть судимыми во всѣхъ дѣлахъ въ Москвѣ самимъ Царемъ или особо назначеннымъ отъ Царя сановникомъ. Такимъ образомъ, въ XVII-мъ вѣкѣ фамилія Строгановыхъ составляла, можно сказать, особое сословіе въ государствѣ и пользовалась такими правами, какими не пользовался никто со времени князей удѣльныхъ (Кн. П. Долгоруковъ: Русская Родословная Книга, часть II-ая).

Одинъ знатный нѣмецъ, пріѣзжавшій на коронацію Анны Іоанновны, говоритъ, описывая Москву, про старый домъ Строгановыхъ, высившійся на берегу Москвы - рѣки, на такъ называемой Швивой Горкѣ: ««Da wohnen die kernreichen Muschicken Strogonoffs». Они и были, по первоначальному происхожденію, не боярами, а мужиками Новгородскими; но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, глава семьи, именитый человѣкъ Данило Ивановичъ, строитель извѣстныхъ «строгановскихъ» церквей въ Москвѣ, въ Нижнемъ и въ сѣ-

---

*) Въ 1826 году при пожалованіи барону Григорію Александровичу графскаго титула, причемъ нѣсколько измѣненъ былъ нѣкоторыми добавленіями и самый гербъ.

верномъ краѣ, гостилъ, при пріѣздахъ своихъ въ Москву, на Верху, у самаго Тишайшаго Царя, съ коимъ его связывала личная дружба, и писался съ вичемъ.

Въ то время, когда И. А. и Е. А. Нарышкины перебрались на жительство въ Первопрестольную, старшая, графская вѣтвь Строгановыхъ, особенно приближенная ко Двору, уже угасала. Единственный и неженатый сынъ графа Павла Александровича палъ славною смертью въ 1814 году подъ Краономъ; и самъ Павелъ Александровичъ, воспитанникъ аббата Ромма, пламенный адептъ якобинскихъ идей, съ трудомъ вытребованный изъ революціоннаго Парижа обратно въ Россію, впослѣдствіи интимный другъ Александра I-го и одинъ изъ членовъ знаменитаго тріумвирата, — скончался не достигши и пятидесятилѣтняго возраста.

Въ родѣ Строгановыхъ началъ выдаваться на первый планъ братъ Е. А. Нарышкиной, Баронъ Григорій Александровичъ, также воспитанникъ аббата Ромма, но не попавшій со своимъ родственникомъ и сотоварищемъ по воспитанію въ революціонный Парижъ и отличавшійся отъ него болѣе дѣловитымъ и практичнымъ складомъ ума. Онъ подвизался на поприщѣ дипломатическомъ и, послѣ недолгаго пребыванія посланникомъ въ Стокгольмѣ, былъ назначенъ русскимъ представителемъ въ Константинополь, гдѣ съигралъ столь выдающуюся роль при началѣ греческаго возстанія за независимость (1821).

Образованный и даровитый, обладавшій твердымъ характеромъ и врожденнымъ въ семьѣ Строгановыхъ художественнымъ вкусомъ, онъ олицетворялъ собою въ Александровскую и Николаевскую эпоху преданія выдающихся русскихъ дипломатовъ и канцлеровъ предшествовавшаго вѣка. Руководителемъ русской внѣшней политики ему не удалось сдѣлаться: всепоглащающая воля Николая I-го довольствовалась въ этой области сотрудничествомъ тонкаго и гибкаго графа Нессельроде; но всѣ тѣ, въ чьихъ памяти жила еще «Екатерининская слава», смотрѣли на Барона Григорія Александровича Строганова, какъ на представителя ихъ идей и вожделѣній.

Два старшихъ сына Григорія Александровича, Сергѣй и Александръ, занимали еще въ царствованіе Николая значительныя государственныя должности. Изъ нихъ Сергѣй Григорьевичъ, женившись на старшей дочери графа Павла Александровича, соединилъ въ своемъ лицѣ наибольшую часть огромнаго Строгановскаго состоянія и получилъ, черезъ женитьбу, графскій титулъ; при коронаціи Николая I-го произведенъ былъ въ графы и баронъ Григорій Александровичъ съ остальнымъ своимъ потомствомъ, и такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ семья Строгановыхъ представлена была въ мужской линіи исключительно братомъ и племянниками Екатерины Александровны Нарышкиной.

Мой отецъ очень дорожилъ своимъ родствомъ со Строгановыми и чрезвычайно уважалъ графовъ Григорія Александровича и Сергѣя Григорьевича и его супругу, графиню Наталью Павловну, платившихъ ему, въ свою очередь, неизмѣнною благосклонностью и благожелательствомъ. Отца привлекали къ нимъ ихъ выдающійся умъ и врожденная способность къ государственной дѣятельности, благородство и непреклонность ихъ убѣжденій, ихъ утонченный вкусъ и любовь къ просвѣщенію и искусству. Въ Петербургскомъ свѣтѣ принято было обвинять Строгановыхъ въ чрезвычайномъ высокомѣріи; про нихъ разсказывали анекдоты вродѣ того, что одна изъ графинь Строгановыхъ, на вопросъ ребенка - сына: «къ какой фамиліи принадлежалъ Спаситель?», отвѣчала будто-бы: «Mais, comme de raison, c'était un Stroganoff». — Но во-первыхъ Строгановымъ было чѣмъ гордиться, а во-вторыхъ, они зачастую не только оказывали покровительство, но и относились съ уваженіемъ къ труженникамъ науки и искусства, и вообще ко всѣмъ русскимъ людямъ, умѣвшимъ трудиться на пользу отечества.

Въ особенности должно это сказать относительно графа Сергѣя Григорьевича. Время, которое онъ провелъ Попечителемъ Московскаго Университета, останется эпохою навсегда памятною въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ былъ впослѣдствіи, одно время, попечителемъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и другихъ старшихъ сыновей Императора Александра II-го и тщился внести и въ ихъ воспитаніе

элементы основательнаго научнаго и умственнаго развитія. Всегда прямой и послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ аристократомъ безъ чванства и консерваторомъ безъ малѣйшей склонности къ произволу или къ обскурантизму. Александръ II-й лично не особенно его долюбливалъ, но тѣмъ не менѣе часто обращался къ его совѣтамъ. Можно пожалѣть, что не всегда этимъ совѣтамъ слѣдовали.

Во время событій, предшествовавшихъ Балканской войнѣ 1877-1878 года, графъ Сергѣй Григорьевичъ рѣшительно и настойчиво предостерегалъ противъ модныхъ, не только въ общественномъ мнѣніи, но и при Дворѣ, увлеченій минуты, и твердо ратовалъ, вмѣстѣ съ немногими единомышленниками, за сохраненіе мира. Онъ былъ убѣжденъ въ безусловной необходимости мира для Россіи, только что начинавшей справляться съ огромною экономическою ломкою, которую повело за собою освобожденіе крестьянъ. Государство, отрѣшившись отъ старыхъ, патріархальныхъ условій своего матеріальнаго быта, спѣшно принаравливалось къ требованіямъ и задачамъ новѣйшей Европейской жизни: строилась огромная желѣзнодорожная сѣть, росла фабричная промышленность, создавались общественные органы мѣстнаго управленія, нарождалась политическая публицистика, вводилась всеобщая воинская повинность. И все это, вмѣстѣ взятое, порождало и распространяло неизбѣжное при подобномъ напряженіи силъ внутреннее броженіе, коему слѣдовало противупоставить прежде всего благополучіе экономическое и спокойное теченіе государственной жизни. Война должна была неминуемо нарушить это столь необходимое равновѣсіе, дать пищу новому недовольству и новымъ попрекамъ и возбудить умы и страсти въ то самое время, когда ихъ слѣдовало напротивъ того направить въ спокойное русло постепеннаго развитія умственной и матеріальной мощи русскаго народа.

Послѣдовавшія за Балканскою Войною 1877 - 1878 года событія подтвердили вѣрность взглядовъ и политическаго чутья графа С. Г. Строганова. Разстройство на долгое время финансовъ, пріостановка созидательной дѣятельности государства, всеобщее возбужденіе умовъ, явились послѣдствіемъ нашихъ,

Екатерина Александровна Нарышкина
рожденая баронесса Строганова
(1769—1845)
(по фотографіи съ портрета кисти Вуалля)

къ тому-же дороже, чѣмъ слѣдовало, купленныхъ побѣдъ; и, — какъ это неоднократно бывало въ Россіи послѣ военныхъ потрясеній, — разрушительныя силы всплыли наружу, усугубили свою дѣятельность, и рядъ террористическихъ покушеній, вплоть до гнуснаго убійства Императора Александра II-го, навсегда нарушилъ правилное теченіе народной жизни и государственнаго развитія...

Я отвлекся на цѣлое поколѣніе въ сторону отъ моей прабабки Нарышкиной и той эпохи, въ которую она жила. Но, говоря о фамиліи Строгановыхъ, нынѣ угасшей, я счелъ своимъ долгомъ представить въ возможной полнотѣ и ясности духъ, оживлявшій этотъ славный родъ и давшій, почти наканунѣ исчезновенія его въ мужскомъ преемствѣ, послѣднюю, яркую вспышку извѣстности и заслугъ государственныхъ.

Поселившись въ Москвѣ, Е. А. Нарышкина не порвала связей съ Петербургомъ и часто пріѣзжала въ столицу, останавливаясь у своей большой пріятельницы, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой (рожд. графини Солтыковой). Когда, послѣ коронаціи Николая I-го, братъ ея, графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, женившійся вторымъ бракомъ на графинѣ Юліи Петровнѣ д'Эгга (рожденой Ойенгаузенъ-Алмейда), вдовѣ португальскаго дипломата, — не безъ основанія сомнѣвался въ пріемѣ, который встрѣтитъ въ обществѣ его жена*), — онъ обратился за помощью къ сестрѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Екатерина Александровна, пользовавшаяся, благодаря своему независимому характеру и безукоризненной репутаціи, большимъ авторитетомъ среди многочисленной и вліятельной

*) Графъ Григорій Александровичъ долгіе годы, пока жива была еще его первая жена, рожденая княжна Трубецкая, жилъ почти открыто за-границею и даже въ Петербургѣ съ красавицею графинею д'Эгга, которую не любили его сыновья и его дочь и которая дѣйствительно мало подходила къ преданіямъ и укладу Строгановской семьи.

родни, безъ труда ввела свою невѣстку въ самые щепетильные Петербургскіе дома.

Составитель біографическихъ очерковъ въ изданіи «Русскихъ Историческихъ Портретовъ» говоритъ о прабабкѣ моей, какъ объ особѣ чрезвычайно гордой и властолюбивой, державшей въ рукахъ своихъ домашнихъ, коимъ часто отъ нея доставалось, — особенно старшей дочери Елизаветѣ Ивановнѣ, получившей въ свѣтѣ, по этой будто-бы причинѣ, кличку «Бѣдной Лизы». Но воспоминанія моего отца отнюдь не совпадали съ подобною оцѣнкою. Онъ очень любилъ своихъ дѣда и бабку Нарышкиныхъ, у коихъ, въ пору ранней молодости, неоднократно гащивалъ въ Москвѣ; но въ особенности уважалъ онъ Екатерину Александровну, обладавшую, по его словамъ, и умомъ и образованностью, и прямымъ и горячимъ, но отзывчивымъ сердцемъ. «Бѣдная Лиза», — иначе « La grosse Lison », — существо доброе, но некрасивое, крайне ограниченное и жеманное, — служила зачастую предметомъ насмѣшекъ въ обществѣ, и мать ея не могла не замѣчать этого и не подвергать жеманства дочери откровенной критикѣ. Что-же касается также нѣсколько строгаго отношенія ея къ мужу, то необходимо припомнить, что добрѣйшій, но легкомысленный Иванъ Александровичъ часто давалъ своей женѣ поводъ къ грустнымъ думамъ и серьезнымъ опасеніямъ за дальнѣйшую судьбу семьи. Екатерина Александровна ясно видѣла надвигавшееся полное раззореніе, грозившее ея сыновьямъ и незамужней дочери, привыкшимъ съизмалолѣтства къ удобствамъ и роскоши родительскаго дома. И виною тому было все то-же легкомысліе ея мужа, превосходившее подчасъ всякую мѣру и требовавшее отповѣди и узды.

Елизавета Александровна Нарышкина (рожденая Хрущева), вдова младшаго брата моей бабки, Алексѣя Ивановича, разсказывала намъ по этому поводу забавный анекдотъ:

Какъ-то разъ докладываютъ Екатеринѣ Александровнѣ, что ее желаетъ видѣть какая-то, неизвѣстная ей, но носившая дворянскую фамилію дама. Входитъ пожилая, скромная, но весьма приличная на видъ особа и начинаетъ излагать причину своего посѣщенія:

«Я уже давно желаю Вамъ представиться и поговорить съ Вами объ одномъ весьма важномъ для меня дѣлѣ. Вашъ братецъ часто у насъ бываетъ и отмѣнно ласковъ со мною и съ моею дочкою — Настенькой. Нечего грѣха таить, — приглянулась ему очень Настенька; постоянно онъ ей цвѣты, конфеты приноситъ и неоднократно высказывалъ ей свою сердечную привязанность. Мы дворяне небогатые, но всетаки цѣну себѣ знаемъ, и Настенька моя воспитана въ строгихъ правилахъ. Къ тому же и разница въ годахъ большая!.. Только намедни Вашъ братецъ возьми да и сдѣлай Настенькѣ формальное предложеніе! Намъ то конечно очень лестно, но я всетаки не дала ему рѣшительнаго отвѣта. Говорю ему: Вы де такой важный баринъ, можно сказать — вельможа; вѣдь у Васъ вѣроятно есть родня, такая - же важная. Какъ она посмотритъ на такой неравный бракъ? Какъ бы Настенькѣ потомъ не раскаяться, что не въ свои сани сѣла! А онъ мнѣ въ отвѣтъ, что у него только одна сестра и есть, — Екатерина Александровна, — добрая старушка, которая въ немъ души не чаетъ и приметъ Настеньку съ распростертыми объятіями... Вотъ я и рѣшилась къ Вамъ придти и спросить Васъ, — дѣйствительно ли Вы ничего противъ такого брака не имѣете?..»

Екатерина Александровна слушала, ровно ничего не понимая. — «Да позвольте, прервала она посѣтительницу, тутъ вѣроятно какое нибудь недоразумѣніе: мой братъ живетъ въ Петербургѣ; онъ къ тому-же второй разъ женатъ; это графъ Строгановъ...»

«Да нѣтъ-же! Я говорю про Вашего родного братца, Ивана Александровича Нарышкина...»

«Иванъ Александровичъ Нарышкинъ — это мой мужъ, моя милая!..»

Оказалось, что Иванъ Александровичъ, встрѣтя гдѣ-то Настеньку, весьма миловидную дѣвушку изъ небогатой дворянской семьи, приволокнулся къ ней, влюбился въ нее и, встрѣтивъ отпоръ, пошелъ къ ней напрямикъ въ женихи, лишь бы продолжать ее видѣть и за нею ухаживать! Разумѣется пылкому старичку досталось-таки отъ его «сестрицы». Онъ

по обычаю повинился, поплакалъ и, всхлипывая, побрелъ къ себѣ въ кабинетъ, — гдѣ, взявшись за свою любимую скрипку, черезъ четверть часа позабылъ и свою вину и только что претерпѣнную имъ строгую отповѣдь. Такъ обыкновенно, за музыкой, утѣшался онъ послѣ подобнаго рода злоключеній.

Со всѣмъ тѣмъ Екатерина Александровна искренне любила своего вѣтреннаго супруга, но любила скорѣе какъ мать любитъ легкомысленнаго сына, за коимъ нуженъ постоянный присмотръ и коего необходимо по-временамъ журить...

У прадѣда и прабабки моихъ Нарышкиныхъ, было, какъ я уже сказалъ выше три сына и двѣ дочери. Старшій — Александръ Ивановичъ убитъ былъ на дуэли въ 1809 году. Второй, женившійся на княжнѣ Мещерской (въ первомъ бракѣ — Мухановой) оставилъ потомство: сына Александра Григорьевича, женившагося впослѣдствіи на дѣвицѣ Надеждѣ Ивановнѣ Кноррингъ, и четырехъ дочерей. Александръ Григорьевичъ рано скончался и жена его, переѣхавъ съ малолѣтнею дочерью въ Парижъ, перешла вмѣстѣ съ нею въ католичество и вышла, вторымъ бракомъ за извѣстнаго Alexandre Dumas — сына.

Изъ дочерей Григорія Ивановича, старшая Марія вышла въ Штутгартѣ за генералъ-адъютанта Короля Виртембергскаго—барона де Валуа,—и не оставила потомства. Вторая, Елизавета, вышла также за границею за небогатого и незнатнаго морского офицера Австрійской службы, венгерца Пеца (впослѣдствіи барона). Это былъ умный, очень образованный и достойный человѣкъ, стяжавшій себѣ извѣстность и карьеру блестящимъ подвигомъ въ битвѣ при Лиссѣ, гдѣ въ 1866 году Австрійскій адмиралъ Тегетгофъ разбилъ на голову Итальянскій флотъ.

Екатерина и Наталья Григорьевны Нарышкины не вышли вовсе замужъ. Первая не отличалась ни красотою, ни умомъ.

Екатерина Александровна Нарышкина
рожденая Строганова
(въ старости)

(съ цвѣтной литографіи сороковыхъ годовъ)

Напротивъ того вторая была, по отзывамъ современниковъ, личностью крайне привлекательною и интересною; она еще молодою дѣвушкою приняла монашество въ католическомъ монастырѣ и стяжала себѣ извѣстность въ Парижѣ, будучи поставленнною во главѣ одного изъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій du Sacré Coeur de Jésus. Она скончалась en odeur de sainteté и, по смерти ея, извѣстный графъ de Falloux написалъ ея біографію, озаглавленную: La soeur Nathalie Narischkine.

Переходъ всѣхъ четырехъ дочерей Григорія Ивановича Нарышкина въ католичество совершился по переѣздѣ ихъ овдовѣвшей матери за-границу; но основаніе этого обращенія было положено тѣсною дружбою ихъ еще въ Петербургѣ съ дочерьми Французскаго Посла, графа de La Ferronnays, убѣжденными, экзальтированными католичками. Имена сестеръ Нарышкиныхъ, особенно Наталіи Григорьевны, часто упоминаются на страницахъ воспоминаній lady Augustus Craven, рожденой La Ferronnays, «Les Récits d'une Soeur» — книгѣ экстатичной и имѣвшей въ шестидестятыхъ годахъ большой успѣхъ въ высшемъ католическомъ обществѣ Франціи и Англіи. Такова была участь потомства Григорія Ивановича Нарышкина.

Младшій сынъ моихъ прадѣда и прабабки — Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, женившійся на весьма состоятельной дѣвицѣ, Елизаветѣ Александровнѣ Хрущевой, вовсе не имѣлъ потомства. Объ немъ и о его женѣ, — типичныхъ москвичахъ прошлаго вѣка, я буду имѣть случай много разъ упоминать, повѣствуя о моемъ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, проведенныхъ въ Москвѣ.

Такимъ образомъ прекратилось, оскудѣло, разсѣялось по бѣлу-свѣту, измѣнило народности и вѣрѣ отцовъ все потомство, въ мужскомъ поколѣніи, этой отрасли Нарышкиныхъ. И все это натворили злополучныя бѣлыя мыши!

Но мнѣ сдается, что часть вины лежала все-таки на наслѣдственномъ легкомысліи, на отсутствіи твердыхъ умствеnыхъ и нравственныхъ основъ, на непривычкѣ къ какому бы

то ни было послѣдовательному и плодотворному труду у тѣхъ характерныхъ представителей придворной аристократіи, какими были мой прадѣдъ И. А. Нарышкинъ и его присные.

Бракъ моего дѣда Сергѣя Петровича Неклюдова съ Варварой Ивановной Нарышкиной, такъ обрадовавшій его сестеръ, льстившій вѣроятно и ихъ семейному самолюбію, — этотъ бракъ носилъ въ себѣ зародыши нестроеній, коренившихся въ различіи, скажу болѣе — въ наслѣдственномъ, хотя бы и безсознательномъ антагонизмѣ тѣхъ двухъ общественныхъ слоевъ, къ коимъ принадлежали юные новобрачные.

Но вернемся теперь, послѣ долгаго отступленія въ сторону Нарышкиныхъ и Строгановыхъ, къ личности моего дѣда Неклюдова.

ГЛАВА VI

ДѢДЪ МОЙ СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ НЕКЛЮДОВЪ (1790 — 1874). Его военная служба и воспоминанія изъ эпохи 1812 — 1815 годовъ.— Арапченокъ генерала Моро. — Дѣдъ покидаетъ военную службу, но тяготится бездѣйствіемъ. Безвозмездная служба въ Попечительномъ о Бѣдныхъ Комитетѣ; мраморные подоконники; Дѣдъ вторично и «съ трескомъ» покидаетъ службу. — Свѣтлыя и темныя стороны характера Сергѣя Петровича; его оригинальности и чудачества. — Призракъ «дворянскаго оскудѣнія». — Послѣдніе годы долгой жизни дѣда.

Когда состоялась свадьба Сергѣя Петровича и Варвары Ивановы, — на политическомъ небосклонѣ Европы собирались снова тучи, разразившіяся годъ спустя Отечественною войною. Большинство Петербургскаго высшаго общества и — почти поголовно — всѣ офицеры гвардіи, негодовавшіе — съ 1807-го года — на дружбу съ Наполеономъ и на Французскій союзъ, жаждали событій, т. е. войны.

Зная настроеніе и горячность моего дѣда, я легко могу себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ и онъ минуты, когда дозволено ему будетъ обнажить свой кавалергардскій палашъ и участвовать въ отмщеніи за Аустерлицъ и Фридландъ. Началъ онъ впрочемъ походъ не съ полкомъ, а въ качествѣ адъютанта при командовавшемъ Гвардейскою Кавалеріею Князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ. Голицынъ былъ шуриномъ графа Павла Александровича Строганова, и по всему вѣроятію назначеніе дѣда адъютаномъ къ нему было устроено родными бабушки, дабы нѣсколько успокоить ее относительно ратныхъ опасностей молодого и тогда еще нѣжно любимаго мужа. Однако при такомъ доблестномъ и не щадившемъ самого себя начальникѣ, какимъ былъ князь Голицынъ, — впослѣдствіи извѣстный Московскій Главнокомандующій и Свѣтлѣйшій, — дѣдушка получилъ напротивъ того возможность принимать дѣятельное и часто непосредственное участіе во всѣхъ

бояхъ, въ коихъ участвовала гвардейская кавалерія. По свидѣтельству Н. Н. Муравьева («Карскаго») штабъ кн. Д. В. Голицына состоялъ сплошь изъ молодыхъ офицеровъ лучшаго общества, образованыхъ и чуждыхъ тому пьяному разгулу и той безшабашности, которые такъ претили Муравьеву — тогда еще юному «колоновожатому». Въ числѣ адъютантовъ кн. Голицына Муравьевъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ и имя моего дѣда, съ коимъ у него съ тѣхъ поръ завязались пріятельскія отношенія. Дѣйствительно дѣдъ мой терпѣть не могъ пьянства. Въ началѣ полковой службы товарищамъ удалось однажды его напоить и даже, что называется, уложить, — и съ этого дня вино стало Сергѣю Петровичу положительно ненавистно. Лишь подъ старость — и то по совѣту врачей — пріучилъ онъ себя къ употребленію въ весьма ограниченномъ количествѣ хорошаго, но не крѣпкаго бордо.

За участіе въ Бородинскомъ сраженіи Сергѣй Петровичъ награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра IV-й степени съ бантомъ; за сраженіе подъ Краснымъ, орденомъ Св. Анны II-й степени.

Въ кампанію 1813 года дѣду моему довелось особенно отличиться при Кульмѣ. Посланный своимъ начальникомъ во время битвы въ расположеніе Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, стяжавшаго себѣ въ этотъ знаменательный, рѣшившій всю кампанію, день, неувядаемые лавры, Сергѣй Петровичъ, проведя батальонъ полка, подъ жесточайшимъ огнемъ, на новыя, указанныя ему позиціи, и участвуя въ отбитіи нѣсколькихъ отчаянныхъ атакъ непріятеля, сосредоточившаго противъ геройскаго полка превосходныя силы, — заслужилъ себѣ золотое оружіе, — и особое упоминаніе въ «реляціи» сраженія. На мраморныхъ доскахъ кружной галлереи Храма Спасителя въ Москвѣ, имя Сергѣя Петровича Неклюдова значится въ числѣ «особо отличившихся» въ битвѣ подъ Кульмомъ. Дѣдъ мой очень дорожилъ полученнымъ имъ въ то-же время Прусскимъ Кульмскимъ желѣзнымъ крестомъ и шейнымъ крестомъ ордена «Pour le mérite» съ надписью «für Kulm»; и эти ордена онъ надѣвалъ подъ старость при всякомъ удобномъ случаѣ.

За Лейпцигское сраженіе Сергѣй Петровичъ получилъ Анненскій крестъ 2-й степени съ брилліантами — награду небывалую до этой кампаніи для оберъ-офицеровъ, хотя бы и гвардіи.

Въ 1814 году онъ присутствовалъ въ сраженіи при La-Ferre Champenoise, но, къ великому своему прискорбію, не принималъ участія въ знаменитой атакѣ Кавалергардовъ, рѣшившей побѣду. Тѣмъ не менѣе онъ любилъ вспоминать объ этомъ боѣ. C'est là que les Chevaliers-Gardes ont battu Napoléon, неукоснительно прибавлялъ дѣдъ, разсказывая подъ старость о славныхъ боевыхъ годахъ своей незаурядной службы.

Войдя въ Парижъ съ союзными войсками, онъ пріятно прожилъ въ веселой міровой столицѣ, отмѣнно встрѣтившей русское воинство, а особливо молодыхъ и богатыхъ гвардейскихъ офицеровъ, владѣвшихъ французскимъ яззыкомъ какъ своимъ роднымъ, понимавшихъ толкъ во французской литературѣ, въ славномъ французскомъ театрѣ и въ прелестныхъ парижанкахъ.

Изъ разсказовъ моего дѣда о Парижѣ я припоминаю два характерныхъ анекдота.

Въ день торжественнаго вступленія первыхъ союзныхъ войскъ въ Парижъ, — населеніе сдѣлало, по разсказамъ дѣда, горячія и искреннія оваціи Императору Александру и Русскимъ войскамъ; къ пруссакамъ же отнеслось съ сумрачною холодностью; но когда черезъ нѣсколько дней появился Австрійскій штабъ долговязыхъ генераловъ и офицеровъ въ бѣлыхъ мундирахъ и съ огромными зелеными плюмажами на шляпахъ, то толпа зрителей развеселилась. « Vive les asperges! » — крикнулъ какой-то гаврошъ; крикъ этотъ былъ немедленно подхваченъ, и съ тѣхъ поръ такъ и привѣтствовали въ толпѣ проходившихъ по улицамъ австрійцевъ.

Другой разсказъ касался самого Сергѣя Петровича. По вступленіи въ Парижъ, онъ получилъ изъ Петербурга для своихъ расходовъ кредитивъ на извѣстнаго Парижскаго банкира Лаффита. Явившись въ первый разъ въ контору Лаффита, чтобы получить часть кредитива, дѣдъ долженъ былъ ждать

въ пріемной очереди; но скучное ожиданіе продлилось болѣе часа. Въ концѣ концовъ дѣдушка разсердился, накричалъ на приказчиковъ и, вышедши отъ Лаффита, немедленно отправился съ жалобой къ пресловутому графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Тотъ принялъ молодого Кавалергарда и новгородскаго — какъ и онъ самъ — помѣщика милостиво. — «Ты вѣдь, почтеннѣйшимъ покойнымъ Петру Васильевичу и Елизаветѣ Ивановнѣ сынкомъ приходишься? Хорошо, вижу, служишь. И продолжай такъ; служба не баловство. А къ французу вернись за деньгами послѣ-завтра: ему внушено будетъ. Можешь идти». — Въ тотъ же день Лаффитъ получаетъ повѣстку, приглашающую его явиться къ графу Аракчееву на завтра въ семь часовъ утра. Не безъ нѣкоторой тревоги поѣхалъ знаменитый банкиръ, — чувствовавшій за собою вину прежней близости своей къ Наполеону, — на зовъ, да еще въ такой необычайный часъ, грознаго по слухамъ русскаго временщика — генерала. Послѣдній въ 7 часовъ утра былъ уже за своимъ письменнымъ столомъ и распекалъ, по обычаю, кого-то. Проходятъ для Лаффита въ ожиданіи часъ, два, три; на напоминанія его — все тотъ же отвѣтъ: «Графъ знаетъ; но очередь еще не дошла». Наконецъ, когда близился уже обѣденный часъ, его вызываютъ къ Аракчееву. «Скажите ему, своимъ гнусливымъ и хриплымъ голосомъ приказываетъ графъ своему адъютанту, что когда офицеръ русской гвардіи дѣлаетъ ему честь своимъ посѣщеніемъ, то онъ обязанъ принять такого посѣтителя немедленно, а не ставить его въ очередь съ другой публикой. Пусть мотаетъ онъ это себѣ на усъ».

Когда на другой день Сергѣй Петровичъ явился въ контору Лаффита со своимъ кредитивомъ, то его, приняли, разумѣется, съ отмѣнными быстротой и почетомъ.

Еще одинъ, но болѣе сложный разсказъ объ этомъ боевомъ времени я слышалъ не непосредственно изъ устъ моего дѣда,

а ужъ послѣ его кончины, записанный со словъ тети Елизаветы Сергѣевны Казнаковой.

Лѣто 1845 года неклюдовская семья проводила въ Петергофѣ. Младшія дочери Сергѣя Петровича, — красавица Лиза и некрасивая, но умная и живая Маша, подростки 14 и 16 лѣтъ, — не видали еще стараго Петергофскаго Дворца и, по ихъ просьбѣ, дѣдушка однажды утромъ повелъ ихъ туда.

Въ одной изъ залъ дворца они увидали пожилого «придворнаго арапа», который повидимому былъ за главнаго въ этой части царскихъ аппартаментовъ. Арапъ, всмотрѣвшись въ моего дѣда, быстрыми шагами подошелъ къ нему, отвѣсилъ низкій поклонъ и почтительнымъ шопотомъ сталъ ему что-то докладывать, чего тети не могли разслышать. Дѣдушка ступилъ шагъ назадъ, самъ пристально всмотрѣлся въ стоявшаго передъ нимъ негра и, улыбнувшись, сказалъ:

— Такъ это ты? Да какъ же ты меня узналъ?

— Да я, ВашеПревосходительство, ужъ давно Васъ на придворныхъ церемоніяхъ высмотрѣлъ, да все не могъ застать Васъ однихъ, чтобы къ Вамъ подойти... Я даже узналъ, гдѣ Ваше Превосходительство живутъ въ собственномъ домѣ, но не смѣлъ Васъ безъ разрѣшенія безпокоить...

— Ну, голубчикъ, мнѣ очень пріятно съ тобою встрѣтиться: вѣдь мы ровно тридцать два года какъ не видались! — Съ этими словами дѣдушка взялъ арапа за плечи и дважды приложился щекой къ его щекѣ. — Ну, а какъ ты здѣсь поживаешь?

— Слава Богу, Ваше Превосходительство, грѣхъ жаловаться! Служу по мѣрѣ силъ. Меня недавно въ камеръ-лакеи переименовали, однако я, когда можно, отпрашиваюсь на старое дежурство у двери Государыни - Императрицы; Онѣ, вѣдь, съ-изначала благодѣтельствовать мнѣ изволили...

— Такъ до свиданья, голубчикъ; какъ вернемся въ Петергофъ, заходи меня провѣдать... — Арапъ послалъ вслѣдъ уходившему съ этими словами дѣдушкѣ нѣсколько низкихъ поклоновъ.

— Папа, кто это? — спросили въ одинъ голосъ обѣ дѣвочки, лишь только очутились онѣ въ слѣдующемъ залѣ.

— Это? Да это негръ генерала Моро! Развѣ я вамъ никогда этой исторіи не разсказывалъ? Ну, вотъ, когда вернемся домой, я вамъ послѣ завтрака ее разскажу.

И дѣйствительно, по окончаніи полуденнаго стола, дѣдъ привелъ въ свой кабинетъ обѣихъ дочерей и, закуривъ сигару, началъ разсказывать имъ, — на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ конечно, — исторію негра Моро.

«Это происходило подъ осень 1813 года, тотчасъ послѣ истеченія перемирія съ Наполеономъ и возобновленія военныхъ дѣйствій въ Саксоніи и Богеміи.

Я посланъ былъ моимъ начальникомъ, княземъ Дмитріемъ Голицынымъ*), чтобы передать командирамъ нашихъ сторожевыхъ отрядовъ распоряженія Главной Квартиры, и ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ вѣстовыхъ кавалергардовъ, по живописнымъ мѣстностямъ Саксонской Швейцаріи. Незадолго передъ тѣмъ лили дожди и дороги были въ очень плохомъ видѣ.

На одномъ изъ поворотовъ я увидалъ ѣхавшую навстрѣчу намъ довольно ветхую бричку, запряженную двумя клячами, которыя остановились, лишь только возница насъ замѣтилъ. Изъ брички выскочилъ какой то господинъ въ штатскомъ платьѣ, — невысокаго роста и худощавый. По мѣрѣ того какъ онъ къ намъ приближался, я могъ разглядѣть черты его лица, некрасиваго, худого, желтаго и съ выдающимся носомъ; но глаза были живы и пронзительны, а осанка и взглядъ указывали на привычку командовать и принимать быстрыя рѣшенія. Изъ брички выглядывала забавная рожица негритенка лѣтъ двѣнадцати, который съ любопытствомъ разсматривалъ меня и моихъ провожатыхъ.

---

*) Князь Дмитрій Владиміровичъ, впослѣдствіи славный московскій Главнокомандующій, получившій при Николаѣ I титулъ Свѣтлѣйшаго.

Незнакомецъ приподнялъ свою круглую шляпу и обратился ко мнѣ на чистомъ французскомъ языкѣ: — Господинъ Поручикъ, благоволите указать мнѣ ближайшій путь къ Главной Квартирѣ Его Величества Императора Александра...

— Съ кѣмъ имѣю я честь разговаривать? — возразилъ я.

— Я — генералъ Моро, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Когда я услыхалъ это имя, меня какъ будто прострѣлило отсюда (дѣдушка показалъ лѣвою рукою на свое правое плечо) — сюда (дѣдушка показалъ на свое сердце): въ его время выраженіе «электрическій шокъ» было еще почти неизвѣстно и замѣнялось обыкновенно словами — прострѣлъ — Coup de feu, coup dè pistolet.

— Такъ вотъ онъ, — этотъ знаменитый военачальникъ, коего у насъ ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ и который долженъ принести въ нашъ станъ свой стратегическій геній и съ нимъ рѣшительный успѣхъ! Наконецъ-то дождались мы все ускользавшей изъ нашихъ рукъ побѣды!

— Господинъ Генералъ, — сказалъ я, приложившись рукою къ козырьку моего шлема, — я сожалѣю, что не могу самъ показать вамъ дорогу, будучи посланъ моимъ начальникомъ съ порученіемъ къ нашимъ аванпостамъ; но одинъ изъ моихъ всадниковъ отправится съ Вами и проводитъ Васъ къ генералу князю Голицыну, живущему почти рядомъ съ Государемъ Императоромъ; и князь не преминетъ доложить о Васъ Его Величеству.

Я написалъ тутъ же карандашомъ, привѣшеннымъ къ аксельбанту, записку на имя моего начальника и передалъ ее одному изъ вѣстовыхъ, приказавъ ему въ то же время проводить «иностраннаго генерала» въ Главную Квартиру.

«Утромъ 27 августа Императоръ Александръ, въ сопровожденіи свиты, выѣхалъ верхомъ изъ Главной Квартиры къ своему войску, выстроенному въ батальномъ порядкѣ передъ Дрезденомъ, на лѣвомъ берегу Эльбы, и готовому возобновить

отбитую наканунѣ Наполеономъ атаку. Князь Голицынъ находился въ царской свитѣ, а съ нимъ вмѣстѣ, понятно, и я.

Мы слѣдовали разгонистою рысью за Государемъ, имѣвшимъ около себя генерала Моро, носившаго на этотъ разъ военную форму. Императоръ Александръ и «Гогэнлинденскій побѣдитель» принимали послѣднія диспозиціи для направленія русскихъ колоннъ впередъ и обмѣнивались впечатлѣніями относительно общаго вида поля готовившейся битвы.

Ни съ той, ни съ другой стороны не было еще выпущено ни одного выстрѣла.

Почва окрестныхъ полей и луговъ была насквозь промочена и недавнее разлитіе Эльбы оставило за собой значительныя заводи и лужи. Дорога, по которой мы такъ бодро двигались, оказалась въ одномъ мѣстѣ затопленною, и сухимъ оставался лишь узкій край ея — ровно для одного всадника. Генералъ Моро задержалъ здѣсь свою лошадь, уступая дорогу Государю, но тотъ съ любезною улыбкою прдложилъ ему проѣхать впередъ. Моро повиновался и, продолжая идти крупною рысью, достигъ мѣста, гдѣ заканчивался паводокъ; тутъ онъ поднялъ своего коня для прыжка вправо черезъ послѣднюю лужу, дабы такимъ образомъ очистить мѣсто для Императора.

За секунду передъ тѣмъ раздался первый пушечный выстрѣлъ со стороны непріятеля и тотчасъ затѣмъ услыхали мы столь знакомый намъ свистъ и стонъ приближающагося ядра.

— Какую богатую мишень представляемъ мы для французовъ! — сказалъ я, смѣясь, моему ближайшему спутнику... Но тутъ же, какъ молнія, мелькнула въ моей головѣ мысль: — «Странно будетъ однако, если меня постигнетъ та-же участь, что постигла подъ Гайльсбергомъ брата Ивана!» — Едва успѣлъ я это подумать, какъ что-то шлепнулось и обрушилось посреди нашей группы... Передъ моими глазами Государь, а за нимъ и князь Голицынъ и другіе съ усиліемъ останавливали своихъ коней... Я сдѣлалъ машинально то же самое и тутъ же увидѣлъ генерала Моро и его лошадь, барахтающимися въ лужѣ крови...

Въ то именно мгновеніе, когда поднятая генераломъ лошадь дѣлала прыжокъ вправо, подставляя бокъ непріятелю,

ядро, пущенное въ насъ, раздробило лѣвюю ногу Моро, проскочило сквозь брюхо лошади и ударило еще въ правую ногу всадника.

Раненаго генерала высвободили изъ-подъ бившагося на землѣ животнаго и отнесли на ближайшій перевязочный пунктъ... Тѣмъ временемъ Александръ и окружавшая его свита продолжали двигаться прежними аллюрами по направленію къ полкамъ, выставленнымъ для атаки; и Государь, несмотря на волненіе, только что перенесенное, внимательно выслушивалъ объясненія Барклая, занявшаго мѣсто Моро...

На полѣ битвы занимаются убитыми и ранеными, — каковъ бы ни былъ ихъ рангъ, — лишь тѣ, въ прямую обязанность которыхъ это входитъ.

«Исходъ боя 27-го числа оказался неблагопріятнымъ. Наша атака на Дрезденъ была вторично отбита непріятелемъ. Однако, несмотря на тяжелыя потери, мы стали бивуакомъ на полѣ сраженія. Между тѣмъ какъ на совѣщаніи у Государя генералитетъ рѣшалъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на другой день оставаться на прежнихъ позиціяхъ и, окопавшись, выжидать контръ - атаки французовъ и саксонцевъ, или же необходимо отступить къ дефилеямъ Богемскихъ горъ и тамъ соединиться съ австрійцами, — князь Голицынъ послалъ меня справиться о состояніи здоровья генерала Моро. Въ гвардейскомъ лазаретѣ нашемъ мнѣ сообщили, что положеніе генерала крайне тяжелое: только что ампутировали ему лѣвую ногу выше колѣна; на утро придется вѣроятно ампутировать и другую. Я попросилъ проводить меня къ раненому. Выраженіе лица Моро указывало на близкую смерть, но онъ былъ еще въ сознаніи и удерживался отъ стоновъ. Около его ложа маленькій негритенокъ въ чудной американской ливреѣ, стоялъ на колѣняхъ и заливался слезами... Мнѣ пришли сказать, что лазаретъ сейчасъ снимутъ, чтобы отнести назадъ, и я сѣлъ на коня и вернулся съ докладомъ къ князю Голицыну.

«На слѣдующій день ни князь, ни его адъютантъ не имѣли досуга думать о Моро и его арапченкѣ: мы спѣшно двигались

въ сторону пушечной пальбы, раздававшейся съ утра въ горахъ со стороны Кульма; кавалергарды и конная артиллерія шли усиленнымъ аллюромъ за своимъ начальникомъ, другія гвардейскія, пѣхотныя и кавалерійскія части смыкались и направлялись какъ можно скорѣе въ ту-же сторону Кульма: надо было, во что бы то ни стало, придти во-время на помощь лейбъ-егерямъ и другимъ немногочисленнымъ войскамъ нашимъ, геройски оборонявшимся, подъ начальствомъ графа Остермана - Толстого*), противъ бѣшеныхъ атакъ значительно превосходившаго ихъ силами Вандамма.

Принято восхищаться энергіей Блюхера, который привелъ во-время въ Ватерлоо войска свои за день передъ тѣмъ разбитыя при Линьи; но ровно то же самое сдѣлалъ два года раньше князь Дмитрій Голицынъ, приведшій въ Кульмъ гвардейскую кавалерію, только что потерпѣвшую подъ Дрезденомъ тяжелыя потери и утомленную двухдневнымъ боемъ. Не будь энергіи и смѣлой рѣшимости Голицына, Вандаммъ безъ сомнѣнія уничтожилъ бы первый русскій заслонъ и, получивъ ожидавшіяся имъ подкрѣпленія, либо зашелъ бы во флангъ нашей главной арміи, либо атаковалъ и разбилъ въ пухъ и прахъ авангардъ австрійцевъ, спѣшившихъ черезъ дефилеи на соединеніе съ нами. Кульмскій бой несомнѣнно рѣшилъ судьбу Европы въ 1813 году.**)

«Когда, еле держась въ сѣдлѣ отъ усталости, но одушевленные одержанною побѣдою, вернулись мы въ Императорскую Квартиру, генералъ Моро уже пересталъ существовать. Посланный снова моимъ начальникомъ, чтобы освѣдомиться, приняты ли надлежащія мѣры для переноса тѣла почившаго***), я засталъ знаменитаго генерала уже въ гробу. Негритенокъ находился тутъ же, надрываясь отъ искреннихъ рыданій.

---

*) Графу Остерману-Толстому въ серединѣ дня оторвало ядромъ руку.

**) Мой дѣдъ имѣлъ случай особенно отличиться подъ Кульмомъ и поэтому постоянно возвращался въ своихъ разсказахъ къ этому славному сраженію.

***) Останки Моро перенесены были, какъ извѣстно, въ Петербургъ и погребены въ католическомъ храмѣ св. Екатерины.

Несмотря на тогдашнюю молодость мою, я былъ пораженъ прдеставившеюся взорамъ моимъ антитезою: передо мною лежалъ военачальникъ, увѣнчанный лаврами, но чело коего носило тѣмъ не менѣе несмываемое клеймо. Ибо, — что ни говори, — Моро былъ измѣнникомъ. Измѣнникомъ не государя своего, ибо подданнымъ Наполеона онъ никогда не былъ; но измѣнникомъ своего отечества и своихъ бывшихъ боевыхъ товарищей. А рядомъ съ его гробомъ стоялъ, заливаясь слезами, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, олицетворявшій собою непоколебимую вѣрность и преданность...

Мнѣ стало жаль бѣднаго ребенка. — «Что ты теперь намѣренъ дѣлать?» — спросилъ я его. — «Не знаю... Massa mouri-moi aussi mouri!.. *)

— Есть ли у Васъ распоряженія относительно этого маленькаго слуги? — спросилъ я у старшаго штабъ-лекаря.

— Нѣтъ. И я рѣшительно не знаю, что намъ съ нимъ дѣлать.

— Послушай, — сказалъ я, взявъ арапченка за руку, — въ твои годы помирать еще рано: у тебя будетъ другой добрый хозяинъ. Пойдемъ со мною!

Я вышелъ, сѣлъ на лошадь, взялъ мальчика къ себѣ сзади на сѣдло, что его значительно утѣшило, — и привезъ его въ такомъ видѣ къ Голицыну. Я вамъ уже говорилъ, какъ добръ былъ князь Дмитрій; онъ пріютилъ ребенка у себя, сдавъ его на руки своему камердинеру, и сказалъ мнѣ, что заинтересуетъ судьбой бѣднаго мальчика самого Государя.

«Среди военныхъ событій 1813-го и 1814 годовъ я совершенно забылъ про арапченка Моро. Я узналъ только, что Голицынъ дѣйствительно доложилъ о немъ Государю и что Его Величество, по обычной добротѣ своего сердца, благоволилъ повелѣть, чтобы вѣрный маленькій слуга сопровождалъ тѣло генерала въ Петербургъ. Я не зналъ, что послѣ этого его приняли на дворцовую службу, — въ качествѣ арапа конечно.

---

*) Господинъ умеръ — я тоже умру.

Потому для меня было неожиданностью встрѣтить его сегодня во Дворцѣ, и я очень радъ былъ узнать, что онъ оказался и тамъ вѣрнымъ и усерднымъ слугою. А его постоянная память о нашей съ нимъ встрѣчѣ, признаюсь, меня тронула. Она доказываетъ, что благодарность всетаки существуетъ на свѣтѣ... у негровъ по крайней мѣрѣ... Lise! Voulez-vous bien vous tenir droite?! *)

Тетя Лиза, которую я еще помню стройной, изящной красавицей, держалась до глубокой старости прямою какъ стрѣла и, несмотря на безспорную принадлежность свою къ бѣлой расѣ, никогда не выказывала по отношенію къ отцу своему неблагодарности.

Въ концѣ 1814-го года дѣдъ мой былъ снова въ полку и въ Петербургѣ, который покинулъ онъ молодымъ корнетомъ и куда вернулся штабъ-ротмистромъ, украшеннымъ необычайными для своего чина знаками отличія. За всѣ три кампаніи, гдѣ онъ участвовалъ въ самыхъ кровопролитныхъ битвахъ, онъ ни разу не былъ даже легко раненъ. Въ хладнокровномъ мужествѣ его не могло быть сомнѣнія; въ этомъ отношеніи онъ былъ и остался человѣкомъ желѣзнымъ. Долгая война развила въ немъ привычку повелѣвать своими подчиненными, а особыя условія славныхъ кампаній 1813 и 1814 годовъ, привычку встрѣчать повсюду почтительный пріемъ, проявлять свою власть не только надъ нижними чинами, но и надъ обывателями, — своими и чужими. Кромѣ того молодой, но уже опытный офицеръ, получивъ вскорѣ по возвращеніи эскадронъ, пристрастился къ полковой службѣ, къ выправкѣ, къ верховой ѣздѣ, въ коей онъ былъ знатокомъ и мастеромъ. Мужья его сестеръ П. В. Голенищевъ - Кутузовъ и П. А. Туч-

*) Лиза, перестань горбиться!

Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ
(1790—1874)
(съ портрета кисти Изабэ 1811)

ковъ занимали крупное служебное положеніе и пользовались отмѣннымъ благоволеніемъ Александра I-го, при коемъ Кутузовъ состоялъ генералъ - адъютантомъ. Словомъ все сулило моему дѣду быструю и большую военную карьеру. Но судьба — или вѣрнѣе дѣдушкинъ характеръ и бабушкино легкомысліе — судили иначе.

Въ 1819 году, двадцати восьми лѣтъ отъ роду и будучи всего полтора года въ чинѣ ротмистра Кавалергардскаго полка, мой дѣдъ былъ назначенъ, въ очередь и по тогдашнему служебному обыкновенію, на ваканцію Полковника въ Иркутскій Гусарскій полкъ. Сергѣй Петровичъ въ сущности радъ былъ этому назначенію. Строевое командованіе полкомъ было для него и интереснымъ и почетнымъ. Онъ заказалъ уже себѣ новую обмундировку; сооружался подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ огромный дорожный дормезъ для перевозки семьи, — уже немалочисленной, — изъ Петербурга въ Кіевскую губернію, гдѣ расположенъ былъ полкъ; бабушка уже плакала прощаясь съ своею семьею, со своими многочисленными свѣтскими друзьями и поклонниками и съ милымъ, роднымъ Петербургомъ, и съ ужасомъ думала о предстоящей ей провинціальной жизни, объ обязанностяхъ старшей полковой дамы и о постоянномъ tête-à-tête съ требовательнымъ и вспыльчивымъ мужемъ, — когда вдругъ все сразу измѣнилось.

Въ одно прекрасное утро дѣдъ узнаетъ изъ военныхъ приказовъ, что одинъ изъ его сверстниковъ по службѣ, — но не однополчанинъ и не кирасиръ, — назначается на вакансію полковника въ Орденскій кирасирскій полкъ. Сергѣй Петровичъ багровѣетъ отъ досады... Но тутъ необходимо сдѣлать маленькое пояснительное отступленіе...

Въ тѣ времена кирасиры (бывшіе рейтары) и драгуны считали себя, по старой памяти, выше гусаровъ и уланъ, появившихся въ русской конницѣ гораздо позже и набранныхъ въ Елизаветинское и Екатерининское время изъ сербскихъ выходцевъ, изъ польскихъ бейгушей, изъ валашскихъ драбантовъ и даже изъ разныхъ степныхъ инородцевъ.

Конечно къ двадцатымъ годамъ XIX-го столѣтія эта разница въ удѣльномъ вѣсѣ тяжелой и легкой кавалеріи значи-

тельно сгладилась. Послѣдняя, за время наполеоновскихъ войнъ, стяжала себѣ въ обоихъ станахъ блестящую боевую славу. Но и помимо военной репутаціи, типъ лихого гусара, олицетворенный въ Россіи Бурцевыми, Бухаровыми, Исленьевыми*) и воспѣтый Денисомъ Давыдовымъ, пріобрѣлъ широкую популярность. О знаменитыхъ гусарскихъ усахъ мечтали барышни и дамы въ Калугѣ, Тамбовѣ, Полтавѣ.

Не плачь, красавица! Слезами
Кручинѣ злой не пособить.
Клянуся честью и усами
Любви не измѣнить!

Любви непобѣдима сила,
Она — мой вѣрный щитъ въ войнѣ:
Въ рукѣ булатъ, а въ сердцѣ Лила —
Чего жъ сташиться мнѣ?!

Да, все это начинало очень нравиться въ Калугѣ, Тамбовѣ, Полтавѣ; и лихое гусарство, неразрывно связанное съ попойками, съ цыганами, съ картежомъ и битьевъ шуллеровъ, съ конскими ярмарками, съ залихватскою мазуркою и съ водкою на каждомъ шагу, находило себѣ все большее число пламенныхъ адептовъ среди молодыхъ черноземныхъ помѣщиковъ — фанатичныхъ псовыхъ охотниковъ и непримиримыхъ враговъ всякаго свѣтскаго стѣсненія.

Но не такъ обстояло дѣло въ Невской столицѣ и среди ея высшаго аристократическаго общества. Молодыя княгини и графини, мнившія себя и впрямь дюшесами и маркизами, великосвѣтскія барышни, начитавшіяся Вальтеръ Скота и наслушавшіяся разсказовъ воспитательницъ - эмигрантокъ, летѣли сердцами къ совсѣмъ инымъ образамъ. Рыцарь въ латахъ, съ леопардами rampants въ гербу и опоясанный голубымъ шарфомъ своей дамы; въ крайнемъ случаѣ — статный капитанъ гвардейской пѣхоты съ рыцарскимъ латнымъ знакомъ на гру-

*) Его именно Левъ Толстой изобразилъ, подъ именемъ графа Турбина (старшаго) въ повѣсти «Два Гусара».

ди, безстрашно останавливающій свою роту въ двадцати шагахъ отъ непріятельскаго строя и, — вмѣсто того чтобы скомандовать: «пли», — кричащій противнику — « à vous les premiers, messieurs les Anglais ! », — вотъ кто были героями ихъ помысловъ и лестнаго отличія. Сообразно съ симъ и среди мужской свѣтской молодежи, тоже на три четверти офранцуженной и тоже Вальтеръ Скотомъ зачитывавшейся, шло естественное приноровленіе къ мѣстному спросу, т. е. не къ гусарскому, а къ кирасирскому типу (для Лейбъ-Гусаровъ впрочемъ дѣлалось исключеніе).

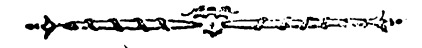
Чисто выбритый, безусый, облитой бѣлымъ коллетомъ и замшевыми лосинами, въ средневѣковыхъ латахъ и съ античнымъ шлемомъ на головѣ, кирасиръ гордился превыше мѣры своимъ боевымъ палашомъ — точнымъ подобіемъ рыцарскаго меча. Неоднажды за время недавнихъ наполеоновскихъ войнъ велъ онъ на своихъ palefroys сокрушительную строевую аттаку противъ пѣхотныхъ карре и бралъ даже редуты съ наскоку!

Дѣдъ мой Сергѣй Петровичъ не особенно увлекался столь модною въ тѣ годы романтикою; но и онъ всѣми этими рыцарскими аттрибутами и воинскою славою кирасиръ не мало гордился. А съ другой стороны сказывалось въ немъ несомнѣнно то могущественное санктъ-петербургское теченіе, которое съ петровскихъ временъ охватило власть - имущую часть русскаго общества, выковало Имперію Россійскую, украсило ее пышными пріобрѣтеніями и громкою военною славою, и внѣдряло желѣзной рукой уставъ воинскій и строй гражданскій. И претили дѣдушкѣ поэтому всякій разгулъ, всякій безпорядокъ и даже пресловутое древне - русское «веселіе пити», хотя съ другой стороны проявлялась-таки и въ немъ частенько наслѣдственность «дикой» Руси, сказывавшаяся въ порывахъ вспыльчивости, несдержанности и своеволія!..

Итакъ Сергѣй Петровичъ багровѣетъ отъ досады и гнѣва...
— Какъ? — этой... (слѣдовалъ не совсѣмъ удобный въ пе-

чати эпитетъ), этой... даютъ славныхъ кирасиръ Военнаго Ордена, et moi l'on m'envoie commander à des sauvages Да я и служить послѣ этого не хочу!»

Дѣдушка кинулся туда - сюда по начальству и по вліятельнымъ въ военной сферѣ особамъ: но всюду ему весьма резонно отвѣчали, что обоихъ назначеній. Высочайше утвержденныхъ, перемѣнить уже нельзя; что онъ долженъ ѣхать къ своему полку; что, при его блестящй боевой и строевой службѣ, онъ весьма скоро получитъ одинъ иззъ гвардейскихъ полковъ; то-же самое старались ему втолковать его свояки: пожилой и уже сановный Кутузовъ и болѣе молодой Шеншинъ, бывшій въ то время командиромъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка. Дѣдъ вѣроятно склонился бы на ихъ благоразумныя увѣщанія. если бы не бабушка. Варвара Ивановна, узрѣвъ возможность остаться въ миломъ ея сердцу Петербургѣ, сдѣлала все возможное, чтобы поддержать негодованіе мужа на учиненную ему несправедливость. Были ею также выставлены невыгоды уѣзжать такъ далеко отъ своихъ земель и деревень. Въ концѣ концовъ дѣдъ рѣшилъ безповоротно обидѣться и вышелъ, съ чиномъ Гвардіи полковника, въ чистую отставку, т. е. совершилъ ту величайшую глупость, которую каждый умный человѣкъ по-кайней-мѣрѣ разъ въ жизни совершаетъ, — съ тою только разницею, что для нѣкоторыхъ эта глупость впослѣдствіи поправляется, а другимъ — портитъ всю будущность.

Такимъ образомъ, не имѣя еще 30-ти лѣтъ отъ роду, сдѣлался Сергѣй Петровичъ совершенно независимымъ Петербургскимъ бариномъ, являясь въ этомъ отношеніи исключеніемъ среди сверстниковъ, почти поголовно служившихъ. Въ Москву, — съ которою онъ не имѣлъ никакихъ связей, — его вовсе не тянуло; ѣхать въ деревню и запереться въ Спасо-Мошанской

усадьбѣ, съ кучею малыхъ дѣтей, за четыреста верстъ отъ всякаго сколько нибудь значительнаго центра, было бы для него самого крайне тяжело; да и жену свою онъ никакими силами не смогъ бы заставить уѣхать въ столь ужасное для нея изгнаніе. Приходилось оставаться въ Петербургѣ и даже лѣтомъ ѣздить на дачи въ окрестности. Правда и то, что при разбросанности имѣній дѣда въ трехъ различныхъ мѣстахъ Новгородской губерніи (три имѣнія находились въ Боровицкомъ уѣздѣ, одно большое лѣсное въ Крестецкомъ, а вышеупомянутое Голино въ Шимской волости за Новгородомъ) Петербургъ являлся наилучшимъ средоточіемъ, откуда Сергѣй Петровичъ могъ наѣзжать въ эти свои имѣнія.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, чтобы доставить пищу своей втунѣ пропадавшей энергіи, дѣдъ занялся постройкой собственнаго дома. Мѣсто было куплено на Гагаринской набережной, которая вскорѣ должна была быть облицована гранитомъ — въ продолженіе Дворцовой. Выстроенъ былъ новый Неклюдовскій домъ основательно, на гранитномъ фундаментѣ, съ какими-то особенными стропилами подъ крышей, въ три этажа; фасадъ сохранился доселѣ въ первоначальномъ стилѣ «Restauration». Но главное что отличало этотъ новый домъ отъ другихъ Петербургскихъ — было нововведеніе водопроводовъ и «англійскихъ удобствъ». Дѣдушка, столь консервативный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, былъ въ этомъ — убѣжденнымъ новаторомъ.

Кстати замѣтимъ, что въ своемъ весьма резонномъ пристрастіи къ «англійскимъ удобствамъ» дѣдъ мой совершенно расходился со своимъ впослѣдствіи идоломъ — Императоромъ Николаемъ I-мъ. Послѣдній, до самой кончины, не допускалъ во Дворцахъ иного примѣненія водопроводныхъ трубъ кромѣ какъ для цѣлей противупожарныхъ. Что же касается «англійскихъ удобствъ», то устройство ихъ во дворцахъ явилось первою реформою Александра II-го по вступленіи его на Престолъ. Вспомнимъ по этому случаю прелестный разсказъ Щедрина «Юбилей Экзекутора»; большинство читателей, смѣясь надъ этимъ остроумнымъ «шаржемъ», не подозрѣвало, что само фактическое основаніе шаржа граничило съ исторической истиною!

Домъ этотъ обошелся дѣдушкѣ въ копейку. Постройка, начатая безъ свободныхъ наличныхъ средствъ, (ибо небольшого капитала жены, дѣдъ ни за что и ни подъ какимъ видомъ не трогалъ) — превысила, какъ водится, болѣе чѣмъ вдвое первоначальную смѣту и, кромѣ залога въ опекунскую казну доброй половины дѣдушкиныхъ душъ, унесла еще имѣніе на Мстѣ съ заливными лугами, дававшими ежегодно до двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями доходу. Дѣдъ выдѣлилъ впослѣдствіи этотъ домъ своей старшей дочери Екатеринѣ Сергѣевнѣ Замятиной, а та, уже въ семидесятыхъ годахъ, продала его пресловутому Петербургскому богачу и владѣльцу десятковъ домовъ въ столицѣ — Ратькову Рожнову; съ 1906 года домъ этотъ (№ 14 по Французской набережной) нанимало Японское Посольство.

Около 1830 года Неклюдовская семья устроилась въ новомъ домѣ и въ это самое время начала выѣзжать въ свѣтъ старшая дочь Сергѣя Петровича и Варвары Ивановны. Для бабушки это явилось поводомъ къ учащенію выѣздовъ и пріемовъ, которые составляли въ сущности главную цѣль ея жизни. Для Сергѣя Петровича Петербургскій свѣтъ не представлялъ уже той привлекательности, какъ прежде.

Оставивъ любимую военную службу, распростившись съ надеждами на блестящее служебное положеніе, онъ въ сущности началъ скучать и чудить. Въ Петербургскомъ обществѣ его уже давно считали оригиналомъ (какихъ въ то время было впрочемъ не мало), прежде скорѣе пріятнымъ, а теперь подчасъ нестерпимымъ; дома онъ погрязъ въ мелочахъ семейной жизни; и, не имѣя для своей выдающейся энергіи иного, полезнаго примѣненія, — примѣнялъ таковую, впопадъ и не впопадъ, надъ своими домочадцами и надъ крѣпостными подданными.

Преждевременная кончина родителей была несомнѣнно большимъ несчастіемъ для Сергѣя Петровича, несчастіемъ, отозвавшимся, какъ мы уже говорили выше, на его воспитаніи, а слѣдственно и на его характерѣ и на всей его дальнѣйшей жизни, — а отселѣ, косвеннымъ образомъ, и на судьбѣ его потомства. Черезчуръ ранняя и во многихъ отношеніяхъ не совсѣмъ удачная женитьба не поправила этого несчастія, а скорѣе дополнила его...

Въ природѣ моего дѣда коренились и никогда не исчезали вполнѣ добрые задатки, могшіе сдѣлать изъ него, при другихъ обстоятельствахъ, незауряднаго, полезнаго и даже добродѣтельнаго человѣка. Онъ былъ безспорно уменъ и любилъ образованность; ему присуща была большая горячность сердца; въ немъ живы были всегда прямота и отвращеніе ко всякой кривдѣ, ко всякой ябедѣ и — Боже сохрани, — ко всему, что малѣйшимъ образомъ отзывалось бы не только денежнымъ пользованіемъ или злоупотребленіемъ, но даже предпочтеніемъ своихъ собственныхъ имущественныхъ интересовъ пользѣ службы и дворянскому долгу.

Но горячность сердца превращалась мало по малу въ ничѣмъ не сдержанныя страстность и вспыльчивость: прямота принимала зачастую обликъ гордости и полнаго неуваженія къ чужому достоинству, а эгоизмъ и произволъ, развившіеся на полной свободѣ внѣ сдерживающихъ узъ родительскаго вліянія и жизненной необходимости, разрастались по временамъ въ проявленія уродливыя и заглушали природное благородство нрава и полученное утонченное по той эпохѣ воспитаніе.

Двоюродный братъ моей бабки, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, говаривалъ про моего дѣда: «Mon cousin Serge Nekludoff est né avant la civilisation». Но это было не совсѣмъ вѣрно. Сергѣю Петровичу присущи были многіе и подчасъ утонченные вкусы образованаго той эпохи общества. Онъ не только никогда не кутилъ и не пьянствовалъ, но даже — какъ мы упоминали выше — совсѣмъ не пилъ вина; онъ никогда не былъ ни игрокомъ, ни «собашникомъ», да и вообще не жаловалъ помѣщичьяго быта того времени. Прекрас-

но говоря по русски и по французски и не дурно по нѣмецки, онъ много читалъ и притомъ предпочтительно сочиненія историческія, мемуары и тому под. Въ библіотекѣ своей онъ между прочимъ оставилъ полное собраніе «Revue des deux Mondes» съ года основанія этого извѣстнаго французскаго журнала и до 1874 года. Членомъ Петербургскаго Англійскаго клуба онъ состоялъ съ 25-ти лѣтняго возраста и по свою кончину.

Словомъ онъ былъ не столько помѣщикомъ стараго вѣка, сколько типичнымъ «гвардіи полковникомъ» Александровскаго времени. Онъ въ сущности созданъ былъ для военной службы, могъ быть на ней безспорно полезнымъ и достигнуть высшихъ степеней. Дурныя стороны его характера расцвѣли именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ эту службу слишкомъ рано оставилъ и не имѣлъ уже надъ собою никакого сдерживающаго начала.

Съ Екатерининскихъ временъ представители русскаго средняго дворянства почувствовали себя, — если только обладали состояніемъ и свѣтскимъ лоскомъ, — совершенно равными по общественному положенію съ потомками бывшей княжеской и боярской знати и съ сыновьями и внуками «случайныхъ людей» Петровскаго и Елизаветинскаго вѣка. Да и всѣ ихъ считали таковыми. Мало того, богатые торговые люди и промышленники, получавшіе весьма легко дворянское званіе, становились, въ два поколѣнія, — если только пріобрѣтали европейское образованіе, — полноправными членами высшаго свѣтскаго общества и легко съ нимъ роднились. Не говоря уже про Демидовыхъ, — таковыми были, напримѣръ, Гончаровы, Тулиновы, Рюмины, Яковлевы-Собакины и многіе другіе. Разъ достигнувъ такого положенія, они не утрачивали его и, даже обѣднѣвъ, оставались «des gens du monde». Тѣмъ болѣе можно было это сказать про представителей старыхъ дворянскихъ родовъ. И дѣдъ мой имѣлъ полное право считать себя ровнею со всѣми членами высшаго аристократическаго общества столицы, къ коему онъ принадлежалъ съ раннихъ лѣтъ и совершенно естественнымъ образомъ.

Своимъ старымъ дворянствомъ онъ дорожилъ превыше всего и сверху внизъ смотрѣлъ на разныхъ «выскочекъ», въ

особенности же на сыновей и внуковъ придворныхъ аптекарей и племянниковъ камеръ-фрау нѣмецкаго происхожденія, которые въ это именно время начинали пробираться, черезъ придворную службу, въ люди и въ свѣтъ, а въ концѣ концовъ и въ Петербургскую знать...

Дабы найти какое либо примѣненіе избытку своего времени и своей энергіи, онъ, по совѣту родныхъ жены, поступилъ въ 1837 году въ «Попечительный о бѣдныхъ Комитетъ» — одно изъ тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя основаны были въ царствованіе Александра I-го. Здѣсь для него сейчасъ же нашлось интересное дѣло: онъ назначенъ былъ Попечителемъ Обуховской больницы. Дѣятельный, неугомонный, гроза экономовъ, поставщиковъ и менѣе усердныхъ врачей, онъ привелъ порученную ему обширную больницу въ образцовый порядокъ. Ежегодныя изъявленія Высочайшаго благоволенія, а въ 1845 году чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника явились наградами за его безвозмездную и рьяную службу. Бабушка воспользовалась этимъ благопріятнымъ моментомъ, дабы выхлопотать любимой своей дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ фрейлинскій шифръ (тогда шифры давались рѣже, чѣмъ впослѣдствіи).

Но въ 1841 году началась коренная перестройка больницы; тутъ дѣдушка, отмѣнно любившій строить и вообще приводить вещи въ порядокъ, показалъ прямо чудеса неугомонной дѣятелньости къ великому ужасу подрядчиковъ, архитекторовъ и различныхъ чиновниковъ. Всѣ работы произведены были не только великолѣпно, но и со значительными противу смѣты сбереженіями. Но, достигнувъ этихъ сбереженій, Сергѣй Петровичъ принялся горячо ратовать за то, чтобы они употреблены были на дополнительныя усовершенствованія, безусловно на его взглядъ необходимыя. Усовершенствованіями этими были: мраморные подоконники, мозаичные, — легко дезинфицируемые полы — на мѣсто крашенныхъ, какіе-то особо гигіеничные ватеръ-клозеты и эмальированныя ванны, тогда впервые начинавшія вводиться по англійскому образцу. Хода-

тайство Сергѣя Петровича встрѣтило въ Комитетѣ нѣкоторыя формальныя препятствія; дѣло затягивалось, а постройка близилась къ концу. И тогда, дѣдъ, со свойственнымъ ему рѣшительнымъ самовластіемъ, велѣлъ произвести всѣ проэктированныя имъ нововведенія на собственную отвѣтственность. Комитетъ, очутившись передъ совершившимся фактомъ, всполошился, и, въ концѣ концовъ, отказалъ въ утвержденіи расходовъ на часть произведенныхъ внѣ смѣты работъ, — между прочимъ на пресловутые мраморные подоконники .Тогда Сергѣй Петровичъ окончательно вышелъ изъ себя, заявилъ Комитету, что самъ жертвуетъ эти подоконники больницѣ, но въ то же время обозвалъ Предсѣдателя Комитета и перечившихъ ему сочленовъ самыми обидными именами и подалъ тутъ-же свою отставку, которую Комитетъ поспѣшилъ представить куда слѣдуетъ. На семъ и прекратилась окончательно служба моего дѣда.

Оставивъ вторично службу и притомъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, дѣдъ мой создалъ самому себѣ источникъ раздраженія, — сначала какъ будто бы незамѣтнаго, но съ году на годъ все болѣе чувствительнаго. У Пушкина, старикъ Гриневъ, получая разъ въ годъ въ деревенской глуши Придворный Календарь, раздражается на нѣсколько дней сряду, пробѣгая на страницахъ его имена бывшихъ сверстниковъ, такъ далеко шагнувшихъ по лѣстницѣ служебной удачи и людского почета. Для Сергѣя Петровича подобное чтеніе замѣнялось гораздо болѣе живыми, ежедневными, непрекращавшимися впечатлѣніями...

— Такой-то!.. На цуфускахъ изъ Аничковскаго дворца къ своей ревельской метрескѣ на Василій - Островъ бѣгалъ; какъ то разъ досталъ я ему приглашеніе къ Строгановымъ на вечеръ, — такъ какъ счастливъ былъ, — чуть не

прыгалъ отъ радости!.. А теперь? — въ генеральскихъ эполетахъ красуется, увѣшанъ орденами, изъ придворной кареты не выходитъ, на дняхъ генералъ - адъютантомъ будетъ!..

— ...Такой-то!.. мнѣ родственникомъ приходится... Когда старикъ Л. его, — узаконеннаго сына отъ крѣпостной дѣвки, — по милостивому пожеланію Александра I-го въ Кавалергарды опредѣлилъ, — мнѣ же поручено было его, — порядочнаго мужлана, хотя и красавца, — въ свѣтъ вывозить, учить его, какъ себя держать въ гостинныхъ, невозможный французскій языкъ его поправлять... А теперь? — да къ нему на козѣ не подъѣдешь: сановникъ! Почти временщикъ!.. На дняхъ соизволилъ удивляться, что я его «совсѣмъ забылъ»... Но я далъ ему ясно понять, что у меня почище его пріятели имѣются!..

— Князь такой-то! У Abbé Nicole мы его всѣ дуракомъ считали; и онъ былъ дуракомъ! А теперь жалуется на-дняхъ, въ моемъ присутствіи, что въ министры не попалъ!.. Ну, ужь, я его и отдѣлалъ!..

— ...А тотъ еще! — Грекъ, молдаванинъ, а пожалуй, что и жидъ... Помню я, какъ, въ двадцатыхъ годахъ la Princesse Nocturne*) на греческомъ возстаніи и на разныхъ восточныхъ людяхъ помѣшалась... Вхожу я разъ, за полночь, въ ея гостинную и вижу кушетку ея окружаютъ — вотъ этотъ самый, и съ нимъ еще пять - шесть такихъ же черномазыхъ, въ фескахъ, фригійскихъ колпакахъ, чуть ли не въ чалмахъ... «Le Dieu qui nous la rend, nous la rend elle chrétienne?» вскричалъ я, воздѣвъ руки, стихомъ изъ «Polyeucta»'а — ко всеобщему смѣху... А на дняхъ этотъ господинъ пріѣхалъ съ юга, — (онъ тамъ, говорятъ, четыре милліона на откупахъ нажилъ), — меня съ нимъ знакомятъ, а онъ: «Mais je crois, Monsieur, vous avoir rencontré dans le temps chez cette pauvre, chère Princesse Nocturne?...» Ну и отчиталъ же я его; будетъ онъ помнить «la Princesse Nocturne»!

Словомъ, все вокругъ него росло, подымалось, выходило въ люди, а онъ оставался все тѣмъ же «оригиналомъ» и от-

---

*) Княгиня Евдокія Ивановна Голицына, рожденая Измайлова.

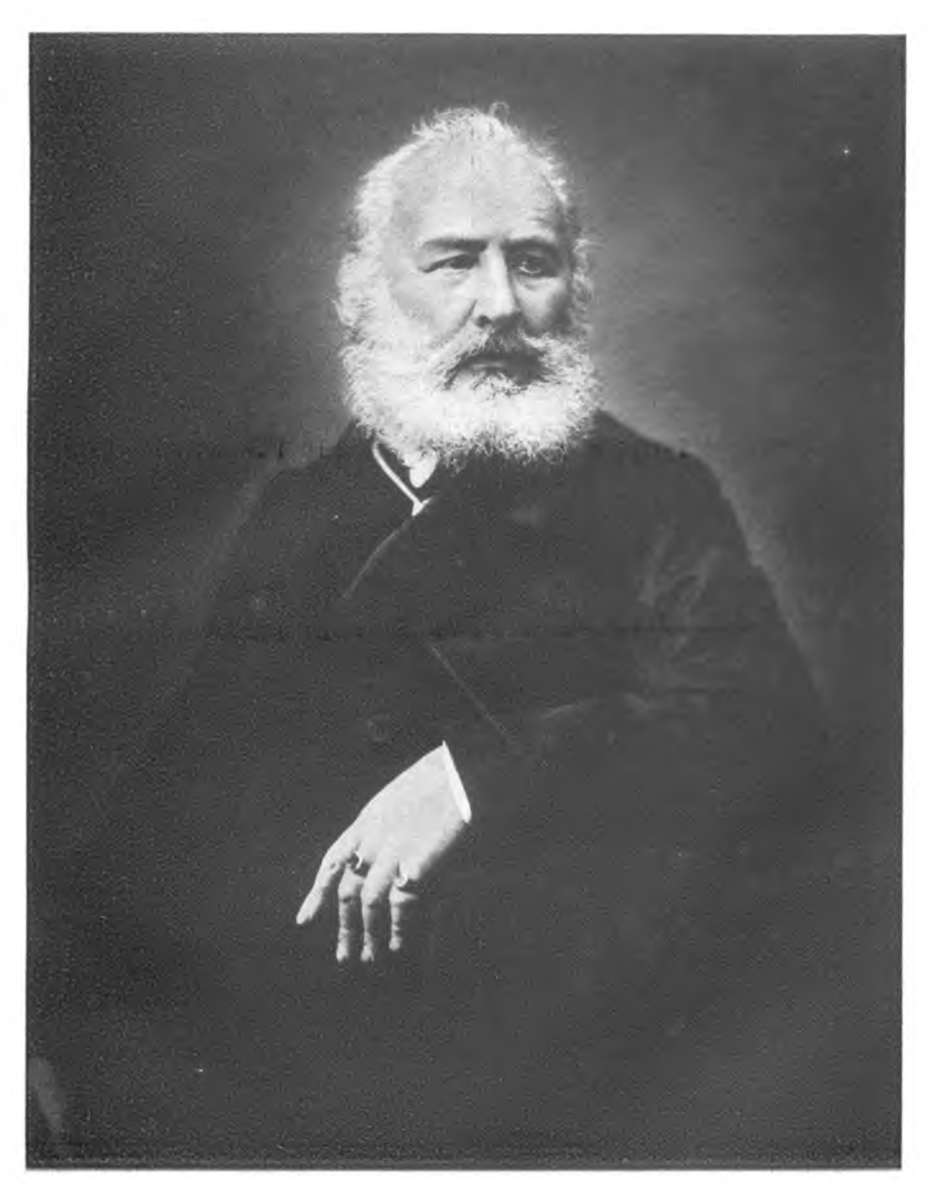
ставнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ, прирожденный петербуржецъ, въ концѣ концовъ не находилъ себѣ настоящаго мѣста въ Петербургѣ Николаевскихъ временъ, гдѣ весь интересъ жизни вертѣлся около службы — военной, гражданской, придворной. Онъ замкнулся мало-по-малу въ болѣе тѣсномъ кругу родственныхъ и пріятельскихъ домовъ и салоновъ, гдѣ цѣнили его подчасъ остроумный разговоръ и начитанность по занимавшимъ образованный «свѣтъ» того времени вопросамъ. Красивыя и пріятныя свѣтскія женщины, — а впослѣдствіи, къ сожалѣнію, и иныя всякія, — дѣйствовали на него обаятельно и онъ самъ умѣлъ нравиться, даже и тогда, когда подъ старость сдѣлался нелюдимымъ.

Одна изъ нашихъ родственницъ разсказывала мнѣ по этому поводу слѣдующій анекдотъ: разъ какъ-то отправляется Сергѣй Петровичъ — уже весьма пожилой — съ визитомъ къ женѣ своего племянника графинѣ Прасковьѣ Петровнѣ Кутузовой, только что переѣхавшей на новую квартиру; но ошибается подъѣздомъ и попадаетъ въ чужой домъ. Не велѣвъ о себѣ докладывать, — какъ дядя, — онъ вваливается въ гостинную съ громкимъ возгласомъ: «Bonjour, Pauline» ; — отвѣта нѣтъ; онъ второй и третій разъ повторяетъ свое привѣтствіе еще громогласнѣе. Наконецъ, изъ сосѣдней комнаты доносится пріятный молодой женскій голосъ: «il n'y a pas de Pauline ici; il y a Sophie»! — «Alors, bonjour Sophie»! нисколько не смущаясь, восклицаетъ дѣдъ и входитъ во вторую гостинную, гдѣ навстрѣчу ему поднимается очень красивая молодая дама, весьма удивленная подобнымъ «пассажемъ». Но Сергѣй Петровичъ оказался сразу столь любезнымъ и находчиво умнымъ, что хозяйка дома, — она впрочемъ знала, кто онъ, не будучи съ нимъ знакомою, — усадила его и онъ просидѣлъ у нея цѣлый часъ, къ обоюдному удовольствію*).

Но эти проблески свѣтской любезности проявлялись въ немъ все рѣже и рѣже, а припадки чудачества, нелюдимости и раздражительности все чаще и чаще...

---

*) Кажется, была это красавица Софи Веригина, рожденая графиня Булгари.

Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ

(съ фотографіи снятой приблизительно въ 1862 г.)

Я знавалъ моего дѣда уже старикомъ, хорошаго роста, крѣпкаго сложенія, съ красивымъ и характернымъ лицомъ, окаймленнымъ окладистою бѣлою бородою. Голосъ его былъ звучный и всегда громкій; чихалъ онъ даже такъ внушительно, что стекла дрожали, да и домашніе подрагивали! Французская — обыкновенно — рѣчь его была всегда толкова и зачастую интересна, особенно когда припоминалъ онъ старину. Часто сходилъ онъ и на русскую рѣчь, также вполнѣ правильную и съ народнымъ оттѣнкомъ; къ сожалѣнію, къ русскому слову прибѣгалъ онъ предпочтительно въ сердитую минуту, и тогда изъ устъ его вылетали выраженія и эпитеты, гораздо болѣе народные, нежели строго-цензурные. Къ концу своей жизни онъ сдѣлался особенно раздражительнымъ. «Le vieux ne décolérait pas», какъ говорятъ французы.

Какъ теперь помню я такую характерную сцену: одна изъ дочерей моего дѣда, уже пожилая, разговаривая съ нимъ какъ-то, не согласилась съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ и разговоръ принялъ характеръ теоретическаго спора. Но старикъ немедленно началъ сердиться и возвышать голосъ. Mais pourquoi vous fachez-vous, Papa? je n'ai rien voulu dire qui puisse vous être désagréable...замѣтила моя тетя, желая очевидно прекратить во время дальнѣйшее развитіе спора... Сильный ударъ кулакомъ по столу прервалъ ея рѣчь... «Je ne me fâche pas, c'est mon tempérament» — прогремѣлъ дѣдушка, и семейное собесѣдованіе на этомъ разумѣется, покончилось.

Относительно осанки и громкаго, властнаго голоса моего дѣда въ семействѣ, между прочимъ, ходилъ слѣдующій разсказъ: дѣло происходило въ первыя недѣли по открытіи Николаевской желѣзной дороги; дѣдушка, съ бабушкой и двумя младшими дочерьми, собрался въ деревню, въ новоотстроенную имъ при селѣ Сушани, подъ Боровичами, усадьбу. Съ ливрейными лакеями, съ саквояжами и пледами, семья Неклюдовыхъ выходила на перронъ, — когда поѣздъ начиналъ уже тихо двигаться. «Стой!» — громкимъ и спокойнымъ голосомъ скомандовалъ дѣдушка оберъ-кондуктору, вскакивавшему на поѣздъ... Тотъ взялъ подъ козырекъ и немедленно просвисталъ

остановку. Сергѣй Петровичъ, съ женою и дочерьми, не спѣша, вошли въ купэ, саквояжи размѣстились по стѣнкамъ; дѣдушка собственноручно укуталъ ноги жены пледомъ и, затѣмъ, высунувшись въ окно, скомандовалъ: «пошелъ!»; и поѣздъ снова тронулся.

Разумѣется, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія движенія, подобный казусъ едва-ли бы могъ повториться, такъ какъ оберъ-кондуктора уже освоились бы со своими правами и обязанностями; но несомнѣнно, что тутъ играла главную роль полная, непоколебимая увѣренность моего дѣда, что его приказаніе не можетъ быть не исполненно «нижнимъ чиномъ», хотя бы и унтеръ-офицерскаго званія; и эта увѣренность представляла тотъ главный элементъ «внушенія», съ коимъ столь часто приходится встрѣчаться въ разсказахъ о былой Россіи и о былахъ барскихъ типахъ.

Помню я и другую характерную сцену, разъигравшуюся въ моемъ присутствіи, въ одинъ изъ пріѣздовъ Сергѣя Петровича къ намъ въ Москву. Гуляя какъ-то съ дѣдомъ, мой старшій братъ и я зашли съ нимъ въ извѣстный и лучшій въ то время магазинъ мужскихъ шляпъ Вандрага. Mr Vandrague, — капитанъ Великой Арміи 1812 года, попавшій въ плѣнъ и оставшійся въ Москвѣ, гдѣ открылъ процвѣтшую съ тѣхъ поръ шляпную фабрику и торговлю, — былъ типичнымъ старымъ французомъ; осанистый, съ характернымъ лицомъ, онъ носилъ, — по модѣ второй Имперіи, — (дѣло было въ шестидесятыхъ годахъ), эспаньолку и усы и обладалъ также громкимъ и самоувѣреннымъ голосомъ. Онъ, съ изысканною любезностью встрѣтилъ моего дѣда, который уже и раньше посѣщалъ его магазинъ. Разговоръ между стариками весьма скоро перешелъ на воспоминанія двѣнадцатаго года, и оба собесѣдника непринужденно и радушно обмѣнивались этими воспоминаніями, въ коихъ не замѣчалось ни тѣни горечи или вражды. Все шло великолѣпно, пока отъ первой Имперіи разговоръ не перешелъ на вторую. Тутъ дѣдушка, который боготворилъ память Николая I-го и, сообразно съ симъ, крайне не долюбливалъ Наполеона III-го, — началъ нападать на его политику,

на его личность. Старикъ Вандрагъ принялся конечно горячо защищать своего суверена. Разговоръ быстро перешелъ въ громкій и ожесточенный споръ, причемъ разгорячившіеся старики наговорили другъ другу кучу непріятностей, и дѣдъ мой выбѣжалъ наконецъ изъ магазина, наградивъ Императора Французовъ самыми нелестными эпитетами и со звономъ захлопнувъ за собою стеклянную дверь. Пріѣхавъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова въ Москву, онъ не замедлилъ однако вернуться къ тому-же Вандрагу, якобы для покупки шляпы, но въ сущности, чтобы снова поговорить о двѣнадцатомъ годѣ; на этотъ разъ свиданіе обошлось благополучно, и старики, наговоривъ кучу любезностей по поводу доблести и рыцарства французскихъ и русскихъ войскъ, — разстались вполнѣ довольными другъ другомъ.

Я уже говорилъ, что съ годами развивалась въ Сергѣѣ Петровичѣ раздражительность, нелюдимость и граничившая по временамъ съ чудачествомъ своеобразность. Въ семьѣ ходили, въ это самое время разсказы о томъ, какъ дѣдушка, хотя и пользовавшійся еще прекраснымъ здоровьемъ (онъ до семидесяти лѣтъ ѣзжалъ верхомъ изъ Петербурга въ одно изъ своихъ имѣній, расположенное въ 80-ти верстахъ отъ столицы, и обратно), задумалъ однажды приготовить заблаговременно все нужное для своего собственнаго погребенія.

Первымъ дѣломъ заказалъ онъ себѣ гробъ изъ цѣльнаго краснаго дерева; онъ особенно любилъ красное дерево, изъ котораго Гамбсъ, либо Туръ, — тогдашніе славные Петербургскіе мебельщики, — дѣлали для него нѣкогда массивную, удобную мебель, подоконники и паркетныя вставки. Когда гробъ былъ готовъ и обитъ, дѣдушка легъ въ него, дабы удостовѣриться въ его помѣстительности и удобствѣ, и снабдилъ его двумя жесткими сафьянными подушками,—одну подъ голову, а другую, въ видѣ валика, подъ поясницу. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Александро-Невскую Лавру, пріобрѣлъ тамъ на «Лазаревскомъ» кладбищѣ мѣсто рядомъ съ могилами своихъ родителей и, посѣтивъ Настоятеля Лавры, испросилъ у него разрѣшеніе вырыть себѣ заблаговременно могилу. Настоятель отнесся къ

этой необычайной просьбѣ, сѣдовласаго, благообразнаго барина съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ назначенное утро приготовлены были необходимые инструменты и дѣдушку ждалъ на мѣстѣ іеромонахъ, завѣдующій кладбищемъ, а съ нимъ три-четыре послушника, якобы для помощи дѣду, но въ сущности и по мысли Настоятеля, дабы доставить этимъ молодымъ будущимъ инокамъ назидательное зрѣлище старца, роющаго собственную могилу. Въ началѣ все шло превосходно; дѣдушка началъ энергично копать землю; но, пріутомившись, сѣлъ отдохнуть на ближайшій могильный камень и, вынувъ изъ портсигара большую сигару, закурилъ ее. Въ эту минуту іеромонахъ, подошедши, вѣжливо замѣтилъ ему, что курить на кладбищѣ строго воспрещается. «Какъ! Я рою самому себѣ могилу и мнѣ запрещаютъ курить сигару!» Дѣдушка былъ въ этотъ день не въ духѣ; слово за слово споръ принялъ въ его устахъ такой оборотъ, что іеромонахъ поспѣшилъ отослать послушниковъ, сдѣлавшихся свидѣтелями, — вмѣсто назидательнаго зрѣлища, — великаго словеснаго соблазна. А дѣдъ, кинувъ и сигару и лопату, уѣхалъ домой, поручивъ заправскимъ могильщикамъ Лавры докончить рытье могилы и обложить ее кирпичемъ. Но и на этомъ дѣло не кончилось. Когда работа была завершена, и дѣдъ вернулся на кладбище, чтобы ее осмотрѣть, то возникло горячее препирательство изъ-за цѣны. Могильщики, по обыкновенію, представили чрезвычайно преувеличенный счетъ. Дѣдъ раскричался, обозвалъ ихъ мошенниками и т. д. Наконецъ дѣло всетаки сладилось и могильщики принесли барину повинную: «вѣдь намъ, Ваше Превосходительство, въ первый разъ приходится съ живымъ жильцомъ дѣло имѣть! Мы обыкновенно съ наслѣдникомъ торгуемся, либо съ дворецкимъ, или тамъ съ прикащикомъ; тѣ-то рады заплатить, что полагается; а самому-то оно конечно обидно, — это мы можемъ понять. Просимъ прощенія, баринъ!»

Заготовленная могила приняла однако прахъ дѣда лишь двѣнадцать лѣтъ спустя. А гробъ изъ краснаго дерева такъ и не пошелъ въ дѣло.

Дѣдушка держалъ этотъ гробъ въ своей квартирѣ, въ не-

большой запасной горницѣ (онъ тогда жилъ уже одинъ въ домѣ Тура на Морской). Однажды къ нему пріѣхала погостить одна изъ дочерей его, разошедшаяся съ мужемъ и одинокая. Старикъ устроилъ дочери тщательно и удобно одну изъ комнатъ, — онъ любилъ переставлять мебель и устраивать помѣщеніе комфортабельно, — а для горничной опредѣлилъ упомяную запасную комнатку. Но что дѣлать съ гробомъ? Не долго думая, дѣдушка приказалъ съ обоихъ концовъ поставить козлы, на козлы положить доски, а на доски матрацъ и постлать постель; вышло очень хорошо. Новопріѣзжія легли спать. Но вдругъ въ комнату моей тети врывается въ дикомъ ужасѣ и легкомъ нарядѣ ея горничная и вопитъ: «Варвара Сергѣевна, я тамъ не могу спать, я ни за что туда не вернусь; тамъ у меня подъ постелью покойникъ лежитъ!» Пришлось тетѣ устроить ее пока у себя на диванѣ. На слѣдуюее утро дѣдушка былъ крайне возмущенъ, узнавъ о случившемся: «Какъ! Это гробъ, въ [redacted] я самъ лягу, а эта... (слѣдовалъ нецензурный эпитетъ) не желаетъ, — изволите видѣть, — спать надъ нимъ? Да ты прогони ее немедленно!» Долго пришлось урезонивать дѣда, пока наконецъ онъ согласился велѣть перенести свое послѣднее обиталище въ чуланъ подъ лѣстницей. Но пресловутая «домовина» такъ и осталась неиспользованною. За долгіе годы ожиданія она настолько покоробилась и растрескалась, что, по кончинѣ Сергѣя Петровича пришлось заказать для останковъ обыкновенный дубовый гробъ, въ коемъ его и схоронили.

Однако этими своеобразностями и выходками не исчерпывается характеръ моего дѣда. Были у него и иныя, серіозныя достоинства и особенности, о которыхъ грѣхъ не упомянуть при изображеніи и оцѣнкѣ его незаурядной личности. Въ немъ было много горячности и въ добромъ смыслѣ этого слова, горячности, которая сказывалась, напримѣръ, при опасныхъ бо-

лѣзняхъ близкихъ, или когда приходилось ему защищать кого-либо изъ «своихъ» отъ обиды или притѣсненія. Въ послѣднихъ случаяхъ, всегда прямой и откровенный, онъ и ломилъ на-прямикъ, не взвѣшивая, соотвѣтствуетъ ли его выступленіе собственнымъ его выгодамъ или удобствамъ.

Взяточничество онъ презиралъ и ненавидѣлъ и всюду, гдѣ могъ, преслѣдовалъ. Мой отецъ разсказывалъ намъ по этому поводу слѣдующій случай, кстати весьма характерный для нравовъ того времени. Однажды въ лѣтнее время, — мой отецъ былъ еще царкосельскимъ лицеистомъ, — дѣдъ взялъ его съ собою въ имѣніе, находившееся подъ самыми Боровичами. Во время ихъ тамъ пребыванія, въ Боровичи пріѣхалъ недавно перемѣщенный губернаторомъ изъ Курска въ Новгородъ нѣкій генералъ М-нъ. Какъ водилось въ тѣ времена, новому «хозяину губерніи» устроена была пышная встрѣча и, между прочимъ, завтракъ по подпискѣ мѣстнаго дворянства. Дѣдъ, участвовавшій разумѣется въ этомъ завтракѣ, привезъ съ собою и юнаго лицеиста-сына.

М-нъ, тучный, типичный Николаевскій генералъ, съ важною, но грубою осанкою, началъ за столомъ сравнивать Новгородскую губернію съ только-что покинутою имъ Курскою. «Да, конечно, — громко басилъ онъ, — Курская губернія куда богаче! Почва какая! Климатъ! Хлѣба какъ родятся!.. Вотъ», — и хозяинъ губерніи сдѣлалъ полуоборотъ въ сторону мѣстнаго исправника, — «вотъ бываютъ, — говорятъ, — губернаторы, которые пользуются отъ губерніи; такъ такому губернатору въ Курской губерніи каждый исправникъ долженъ былъ бы представлять ежегодно по меньшей мѣрѣ — по тысячѣ рублей; а здѣсь, въ Новгородской, и за пятьсотъ спасибо!»

Тотчасъ по окончаніи завтрака, дѣдъ мой подозвалъ сына и, не простившись ни съ кѣмъ, направился къ выходу. «Ты слышалъ, — обратился онъ къ сыну по французски, лишь только они сѣли въ коляску, — ты слышалъ, что этотъ негодяй говорилъ, сравнивая Курскую губернію съ Новгородской?» — Нѣтъ. А что именно? — «Василій, я тебя взялъ съ собою

не для того только, чтобы ты ѣлъ и пилъ, а чтобы ты повнимательнѣе приглядывался и прислушивался къ провинціальному обществу; тебѣ самому скоро придется служить и, быть можетъ, именно въ провинціи... Такъ если ты самъ не понялъ, то я тебѣ объясню: этотъ негодяй осмѣлился прямо указать исправнику на ежегодный поборъ, который онъ отъ него ожидаетъ! И это публично, въ присутствіи всего мѣстнаго дворянства! При мнѣ! Но это ему такъ не пройдетъ!» И дѣйствительно, тотчасъ же по возвращеніи въ Петербургъ дѣдъ отправился къ двоюродному брату бабушки, графу Александру Григорьевичу Строганову, — тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ, — и разсказалъ ему, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ Боровичахъ. Строгановъ не преминулъ доложить объ этомъ Государю, и генералъ М-нъ былъ уволенъ отъ должности губернатора.

Будучи скорѣе суровымъ господиномъ своихъ крѣпостныхъ и неумолимо наказывая за ненавистное ему пьянство и за воровство, — онъ въ то-же время горячо защищалъ своихъ «подданныхъ» противъ всякой несправедливости со стороны какъ управителей, такъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей. Бывшій крѣпостной дѣда разсказывалъ однажды одному изъ его потомковъ: «Что правда — то правда — никто при немъ насъ не смѣлъ обижать! Приведешь бывало въ Питеръ баржу съ дровами, либо съ сѣномъ, и станешь на берегу у Спасителя. Сейчасъ же начнутъ полицейскіе тебя волочить: кому трешницу, а кому и синенькую подавай. Ну, пожертвуешь съизначала то, что по совѣсти значитъ полагается, а потомъ и дашь отпоръ. Ты де меня не трожь, а не то я барину своему пожалуюсь. — Какому такому барину? — А генералу Неклюдову! Вонъ и домъ его насупротивъ виденъ (мой дѣдъ жилъ съ 1830 года въ своемъ домѣ на Гагаринской набережной). — Какъ это скажешь ему, онъ сейчасъ на тебя руками замашетъ: «ну, Богъ съ тобой, ничего мнѣ не надо; только не ходи къ этому чорту, тьфу!»

Мнѣ самому довелось услышать подобный же отзывъ отъ стараго крестьянина, нашего бывшаго крѣпостного. — А что, вѣдь строгій баринъ былъ Сергѣй Петровичъ? — спросилъ я

его какъ-то. — «Строгій, то строгій, а справедливый! Справедливый былъ баринъ. При немъ насъ старосты, буймистры, да прикащики не смѣли обижать. Въ рукахъ ихъ держалъ!» Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе характеренъ, что дѣдъ мой вплоть до 1851 года, когда проведена была Николаевская желѣзная дорога и построенъ былъ имъ въ Сушани — подъ Боровичами — новый кирпичный домъ на англійскій ладъ съ высокою башнею, — и не живалъ вовсе въ деревнѣ, а лишь наѣзжалъ изъ Петербурга въ свои, — въ четырехъ мѣстахъ Новгородской губерніи расположенныя — имѣнія.

Повторяю, онъ никогда не жилъ помѣщичьею жизнью того времени, но все-же понималъ толкъ въ хозяйствѣ, и сказывался въ немъ таки укладъ матерыхъ помѣщиковъ стараго вѣка. Когда въ дѣтствѣ я прочелъ «Семейную Хронику» С. Т. Аксакова, то не иначе представлялъ себѣ старика Сергѣя Степановича, какъ въ чертахъ моего дѣда Сергѣя Петровича. У обоихъ были и добрые дни и недобрыя, подчасъ страшныя минуты; и хотя послѣднія вызывались большею частью какою нибудь низостью или ложью, но тогда проявлялись въ немъ такія черты, которыя дѣйствительно отзывались атавизмомъ не тронутыхъ цивилизаціею поколѣній и оправдывали вышеприведенный отзывъ графа С. Г. Строганова.

Религіозное чувство не было чрезмѣрно развито въ дѣдушкѣ (въ этомъ всетаки сказалось воспитаніе въ чужевѣрномъ учебномъ заведеніи). Онъ ходилъ по воскресеньямъ къ обѣднѣ, бывалъ ежегодно у исповѣди и Св. Причастія, исполнялъ необходимые обряды; но все-же чувствовалось, что поступалъ онъ такъ менѣе въ силу внутренней потребности, нежели руководствуясь убѣжденіемъ, что русскому столбовому дворянину не подъ стать разрывать съ установленными вѣрованіями и «упражняться въ свободомысліи».

Политическая платформа его, — какъ нынѣ принято выражаться, — была проста, ясна, чрезвычайно устойчива: самодержавная власть, правящая крѣпко государствомъ и народомъ, искореняющая злоупотребленія, возвышающая матеріальное процвѣтаніе страны и «держащая въ решпектѣ» внутрен-

нихъ и зарубежныхъ враговъ и завистниковъ: безспорное преобладаніе дворянскаго элемента на государственной службѣ; но всюду и превыше всего — Царская власть, — вотъ въ чемъ видѣлъ онъ залогъ охраненія и процвѣтанія Россіи. Николая I-го онъ боготворилъ, и притомъ совершенно безкорыстно, ибо не добивался, да и не видалъ отъ него никогда особыхъ милостей.

Это же чувство управляло политическими симпатіями и антипатіями Сергѣя Петровича. Австрійцевъ онъ, — послѣ 1855-го года, — возненавидѣлъ еще болѣе, нежели Наполеона III-го. Когда Пруссаки въ 1866 году разбили этихъ коварныхъ измѣнниковъ долгу своему передъ Николаемъ, — онъ возликовалъ и, припомнивъ кстати 1813 и 1814 годы, сдѣлался пруссофиломъ à outrance. Всѣ комнаты свои онъ увѣшалъ гравюрами съ изображеніемъ Прусскихъ побѣдъ, Вильгельма I-го, Кронпринца, Принца Фридриха - Карла и т. д. Тѣ же чувства выказывалъ онъ и въ 1870-мъ году, и, будучи къ тому же очень старъ и немножко «рамоленъ», почти не снималъ Кульмскаго креста и креста «pour le mérite».

Когда Вильгельмъ I-й въ 1873 году прибылъ въ Петербургъ, чтобы посѣтить своего племянника Александра II-го, дѣдушка попросилъ, чтобы его представили маститому германскому Императору. Устроили это такимъ образомъ, что старика поставили въ Царскія комнаты Царкосельскаго вокзала, куда долженъ былъ прибыть Императоръ. Вильгельмъ, увидавъ въ числѣ прочихъ лицъ встрѣчавшихъ его, — стараго благообразнаго господина въ штатскомъ платьѣ и съ прусскимъ орденомъ на шеѣ, немедленно же подошелъ къ нему. Ему представили дѣдушку, какъ ветерана 1813 года.

— Vous avez la même décoration que moi, Monsieur, — любезно сказалъ Вильгельмъ, указывая на свой Pour le mérite.

Но дѣдушка почти обидѣлся. « Non, Sire », - отвѣтилъ онъ своимъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ. Moi, je l'ai avec l'inscription : « für Kulm ».

— Да, конечно, также милостиво и съ улыбкой возразилъ старый монархъ, я, къ сожалѣнію, не былъ при Кульмѣ...

— Ваше Величество, подхватилъ дѣдъ, были въ это время тамъ-то и тамъ-то, и сражались въ такомъ-то сраженіи... — Онъ помнилъ тринадцатый годъ, какъ будто то было вчера, — что заинтересовало Вильгельма, и оба старика распрощались въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

Во внѣшнемъ укладѣ своей жизни и привычкахъ Сергѣй Петровичъ былъ выше весьма многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Щепетильно дорожившій чистотою и порядкомъ, онъ каждое утро начиналъ омовеніемъ въ tub-ѣ, (что въ то время считалось также оригинальностью!) и послѣ этого, для моціона, самъ убиралъ и мелъ свою опочивальню. Спалъ онъ всегда и во всякую погоду съ открытымъ окномъ, или, по крайней мѣрѣ, съ открытою форточкою и облачался сообразно съ симъ въ халаты различныхъ плотностей, — отъ бѣлаго полотнянаго до подбитаго бѣличьимъ мѣхомъ, — и, наконецъ, енотовой шубы въ большіе морозы. Когда ему приходилось ночевать въ какой-нибудь провинціальной гостинницѣ, гдѣ окна были наглухо законопачены и форточки не оказывалось, то онъ просто и хладнокровно разбивалъ одну изъ оконницъ своею толстою тростью, съ лаконическимъ замѣчаніемъ обалдѣвшему половому: «Я заплачу». Въ домѣ своемъ онъ дорожилъ прежде всего комфортомъ; мебель покупалъ и заказывалъ на англійскій того времени образецъ — увѣсистую и удобную; экипажи также любилъ солидные. Любитель и знатокъ конскаго спорта, онъ держалъ всегда на своей конюшнѣ, кромѣ двухъ паръ отличныхъ выѣздныхъ лошадей, — неоднократно его носившихъ, — еще двухъ - трехъ англійскихъ верховыхъ. Это было главною роскошью его обихода. Когда въ 1859 году онъ ликвидировалъ свой домъ и раздѣлилъ большинство своего состоянія, то распростился со своею конюшнею и перешелъ на Петербургскихъ извозчиковъ, считая ниже своего достоинства нанимать помѣсячно карету «отъ хозяина».

Дѣда моего принято было почему-то въ Петербургскомъ обществѣ считать гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, — вѣроятно въ силу его солидныхъ привычекъ и независимаго нрава. Онъ никогда не имѣлъ болѣе трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ Новгородской, нехлѣбородной гу-

берніи, а капиталовъ у него не было, кромѣ небольшого приданаго капитала жены. Любовь къ постройкамъ и къ комфорту и, въ особенности, обиліе дѣтей поубавили нѣсколько его состояніе. Къ концу 50-хъ годовъ всѣ «души» были заложены въ опекнускомъ совѣтѣ, а Петербургскій домъ не представлялъ еще собою, въ то время, эквивалента закладной суммы; кромѣ того проданы были за 40-50 лѣтъ кое-какія лѣсныя дачи и заливные луга. Но въ особенности пострадало семейное достояніе при раздѣлѣ большей части его между дѣтьми, — въ 1859 году. Тутъ Сергѣй Петровичъ, пожелавъ выдѣлить нѣкоторыхъ изъ дочерей непремѣнно деньгами, продалъ на срубъ, съ присущимъ ему упрямствомъ, огромныя лѣсныя дачи по цѣнѣ необычайно низкой, даже и для тогдашняго времени.

Выдѣленные имѣньями сыновья и дочери пострадали въ свою очередь весьма чувствительно въ своихъ интересахъ, — какъ и всѣ сѣверные помѣщики, — при послѣдовавшемъ, полтора года спустя, освобожденіи крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, если бы они сохранили въ цѣлости свои земельные выдѣлы, то общее достояніе ихъ представляло бы къ концу столѣтія, не менѣе трехъ милліоновъ рублей. Одинъ Петербургскій домъ стоилъ, двадцать лѣтъ тому назадъ болѣе милліона. Все это солидное состояніе прожито было исподволь, незамѣтно и распродано мало-по-малу за безцѣнокъ...*) Не умѣли у насъ въ семьѣ хранить — а тѣмъ паче пріумножать родового имущества!

Я, признаться, никогда не любилъ моего дѣда. Въ дѣтствѣ отталкивали меня отъ него его суровый видъ и громкій, часто

*) Исключеніе составила лишь моя тетка Е. С. Казнакова, благодаря весьма практическому уму ея мужа, имѣвшаго къ тому же собственное состояніе.

недовольный голосъ; къ тому же я не могъ не чувствовать равнодушія его къ моей маленькой особѣ, привыкшей въ своей семьѣ къ нѣжнымъ попеченіямъ и любви. Позднѣе я невольно долженъ былъ подмѣтить ту ледяную почтительность, съ которою относилась къ дѣду моя мать; еще позже и, послѣ смерти дѣда, я не могъ простить ему его мало-сердечнаго отношенія къ моему отцу, котораго я въ то время боготворилъ, и не могъ также забыть, какъ мало въ сущности интересовался Сергѣй Петровичъ моимъ братомъ и мною, — единственными внуками, носившими Неклюдовское имя, къ тому-же, пользовавшимися въ Москвѣ славою воспитанныхъ юношей и хорошихъ сыновей...

Впослѣдствіи, умудренный долгимъ опытомъ, я многое понялъ въ характерѣ и жизни моего дѣда, что было отъ меня прежде скрыто, и, понявъ, многое и многое простилъ его памяти. Comprendre, c'est pardonner.

Я уже ранѣе говорилъ, что смерть родителей, когда ему самому не было еще десяти лѣтъ, была большимъ несчастіемъ для Сергѣя Петровича. Онъ слишкомъ рано почувствовалъ себя независимымъ и полновластнымъ и какъ-бы имѣющимъ право на особое вниманіе къ нему семьи и общества. Раннія удачи въ жизни, женитьба на молодой красавицѣ изъ самаго высшаго круга столицы, — женитьба, гдѣ къ тому-же не онъ искалъ, а его искали, — затѣмъ блестящая кампанія и успѣхи на военной службѣ усугубили въ немъ сознаніе своего достоинства, своей независимости, своей неограниченной власти надъ подчиненными и надъ тѣмъ, что у Римлянъ называлось familia, т. е. надъ своимъ состояніемъ, своими крѣпостными подданными, своими дѣтьми. Три года кровопролитной войны, въ коей онъ не безъ славы участвовалъ, очерствили въ то-же время его природу, притупили въ немъ, какъ и въ большинствѣ его современниковъ, то мягкосердечіе, ту «чувствительность», которыя, съ легкой руки Жанъ-Жака-Руссо и его учениковъ, начинали было одно время проявляться въ нашемъ образованномъ обществѣ и рѣяли надъ «дѣтскимъ домомъ» — этимъ первымъ жизненнымъ пріютомъ маленькаго Сере-

жи, сына добродѣтельной и кроткой Елизаветы Ивановны Неклюдовой.

Сергѣй Петровичъ несомнѣнно сознавалъ долгъ свой передъ семьею и потомствомъ; подобно красивому, статному и строгому жеребцу, пасущему косякъ свой въ тучной степи, онъ не только красовался, брыкался, подымалъ крутую шею и громко ржалъ, — но и зорко оберегалъ этотъ косякъ отъ опасностей, водилъ на водопой и на свѣжую траву и былъ гордъ сознаніемъ того, насколько онъ самъ необходимъ для своихъ, — насколько всѣ взгляды обращены на него. Но косякъ разростался, а степь съуживалась и воды мутились; да и самъ старый вожакъ терялъ какъ никакъ силу, и прыть, и чутье... А между тѣмъ, по усвоенной разъ навсегда привычкѣ, всѣ присные продолжали ждать отъ него и сочной травы и ключевой струи и бросали на него исподлобья недоумѣвающіе и укоризненные взгляды; и чудилось старому вожаку, что говорятъ эти взгляды: «Эхъ, ты, старый одеръ! Только и умѣешь, что безъ толку ржать и брыкаться; а о своихъ настоящимъ образомъ позаботиться, — на это ты не гораздъ, этого ты не съумѣлъ».

Большинство изъ сверстниковъ и товарищей Сергѣя Петровича, оглядываясь назадъ на свое прошлое, могли съ удовлетвореніемъ сознавать, что и ими самими было кое-что сдѣлано для фамильнаго самолюбія. Въ царствованіе Николая I-го ихъ служба увѣнчалась успѣхомъ и выгодой. Высокіе чины и ордена, большіе оклады содержанія, жалованныя земли и маіораты, графскіе, а то и княжескіе титулы служили наградою ихъ усердію и личной выдержкѣ.

И все это несомнѣнно отражалось на благосостояніи и будущности ихъ потомства привлекало въ семью родовитыхъ и богатыхъ зятьевъ, обезпечивало раннюю карьеру и выгодную женитьбу сыновьямъ. И, совершнно естественно, сыновья и дочери подобныхъ отцовъ - удачниковъ окружали ихъ удвоеннымъ почетомъ и послушаніемъ.

А что могъ дать своимъ дѣтямъ Сергѣй Петровичъ? Чѣмъ могъ обезпечить ихъ будущность? Все тѣмъ же общимъ со-

стояніемъ, полученнымъ имъ отъ родителей, тѣми же лѣсными дачами и тѣми-же новгородскими крестьянами, благосостояніе и платежеспособность коихъ отнюдь не увеличились за его долгое управленіе имѣніями. И самъ онъ оставался все тѣмъ-же отставнымъ Д. С. С., — а кто таковымъ не былъ къ концу пятидесятыхъ годовъ въ Москвѣ и Петербургѣ?

Конечно, сыновья могли сдѣлать болѣе или менѣе блестящую карьеру и выгодно жениться, дочери могли найти хорошія партіи, — благо три изъ нихъ были красавицы; но не легко было направить на стезю служебной покладливости и скромной бережливости молодыхъ людей, которые съ дѣтства слышали издѣвательства надъ «чинушами», надъ адъютантами высокихъ особъ, бѣгающими на цуфрускахъ; а военную службу понимали, подъ вліяніемъ окружающей среды, лишь въ рядахъ самыхъ шикарныхъ полковъ. Къ тому-же изъ трехъ сыновей моего дѣда лишь мой отецъ обладалъ безспорнымъ умомъ, развитіемъ и рьяною, подчасъ слишкомъ рьяною, трудоспособностью. Что касается дочерей, — то и имъ не такъ-то легко было втолковать благоразумный выборъ партій. Съ издѣтства свидѣтельницы отцовской страстности и материнскаго легкомыслія, онѣ были безсильны противъ перваго же увлеченія. Двухъ изъ нихъ это увлеченіе привело къ доброй пристани; третьей-же, самой красивой и симпатичной, — испортило жизнь.

И вотъ передъ Сергѣемъ Петровичемъ Неклюдовымъ съ неотразимою ясностью началъ подниматься призракъ «дворянскаго оскудѣнія», которое неминуемо ожидало его потомковъ, а также сознаніе, что большинство этихъ потомковъ винить или будетъ винить въ этомъ наступающемъ оскудѣніи никого иного, какъ именно его самого. Существовала у нѣкоторыхъ изъ дѣтей и любовь къ нему; но эта любовь изсякла, перешедши на собственныя семьи. Внушалъ онъ еще имъ если не безусловное уваженіе, то привычный страхъ. Но ни у кого изъ нихъ не было жалости къ старику, къ его одиночеству, къ его позднимъ раскаяніямъ и сожалѣніямъ. А не жалѣютъ, — значитъ не любятъ; значитъ одинокъ онъ «какъ вранъ на нырищѣ»!..

Помню я слѣдующее, удивившее меня обстоятельство: какъ многіе мальчики, съ живымъ и чувствительнымъ темпераментомъ, я, съ дѣтства увлекаясь поэзіей, началъ одно время самъ писать стихи (вскорѣ впрочемъ я это занятіе бросилъ); кое какіе изъ этихъ стиховъ были довольно звучны. Сергѣй Петровичъ, познакомившись съ ними, посовѣтовалъ мнѣ переводить хорошіе французскіе стихи и прямо указалъ на стихотвореніе Жозефа Жильбера, молодого автора XVIII-го столѣтія, безвременно умершаго въ нищетѣ и стяжавшаго себѣ извѣстность лишь этимъ предсмертнымъ, дѣйствительно очень прочувствованнымъ стихотвореніемъ.

"J'ai révélé mon cœur au Dieu de l'innocence,
Il a vu mes pleurs pénitents ;
Il guérit mes remords, il m'arme de patience,
Les malheureux sont ses enfants.

Поэтъ далѣе жалуется на козни своихъ враговъ:

A tes plus chers amis ils ont prêté leur rage ;
Tout trompe ta simplicité ;
Celui que tu nourris, court vendre ton image,
Noir de sa méchanceté...

Mais Dieu t'entend gémir ; Dieu vers qui te ramène
Un vrai remords né de douleurs ;
Dieu qui pardonne enfin à la nature humaine
D'être faible dans ses malheurs.

И Богъ отвѣчаетъ поэту:

J'éveillerai pour toi la pitié, la justice
de l'incorruptible avenir.
Eux-mêmes épureront, par un long artifice,
Ton honneur qu'il pensent ternir..."

И такъ далѣе.

"Voici la plus belle pièce de vers que je connaisse, —

прибавилъ дѣдушка, продекламировавъ стихотвореніе не безъ чувства

— Traduisez-les pour moi, si vous en êtes capable."

Я, по правдѣ сказать, и не попробовалъ приняться за переводъ. Сопоставленіе молодого, страждущаго поэта, преслѣ-

дуемаго людскою несправедливостью, умирающаго въ госпиталѣ, съ особой моего дѣда — громогласною, повелительною и, скажемъ откровенно, эгоистичною, — показалось мнѣ сопоставленіемъ совершенно несуразнымъ. «Кто васъ, Китъ Китычъ, обидитъ, вы сами всякаго обидите», хотѣлось мнѣ тогда отвѣчать ему словами одной изъ бытовыхъ комедій Островскаго...

Но съ тѣхъ поръ я понялъ, какъ невесела и неприглядна была старость моего дѣда.

Единственное лицо въ семьѣ, которое могло быть въ это время истинно близко къ Сергѣю Петровичу, — это былъ его второй сынъ, мой отецъ. Физически поразительно схожій со своею матерью, онъ однако внутреннимъ обликомъ гораздо болѣе напоминалъ семью своего отца. Большая горячность сердца, благородство, непокладливость по отношенію ко всякой неправдѣ и спѣси, энергія и полная неустрашимость не взирая на слабое сложеніе, — все это должно было бы привлечь къ нему моего дѣда. И рядомъ съ этимъ его сердечность и мягкость могли служить залогомъ того, что онъ своего старика отца пожалѣетъ и пригрѣетъ... Но Сергѣй Петровичъ никогда не захотѣлъ поддаться этому естественному чувству. Долгая разлука съ сыномъ, служившимъ за-границею, вліяніе нѣкоторыхъ другихъ членовъ семьи, коимъ казалось нежелательною слишкомъ большая близость между Сергѣемъ Петровичемъ и Василіемъ Сергѣевичемъ, и наконецъ, непоправимая, коренная incompatibilité de caractères между моимъ дѣдомъ и моею матерью, — все это вмѣстѣ взятое порождало отчужденіе, о коемъ я говорилъ выше.

Послѣдніе годы жизни дѣда были особенно неприглядны. Со старшею дочерью онъ разошелся окончательно; старшій и младшій изъ его трехъ сыновей и одна изъ дочерей скончались; дѣдушка старался прилѣпиться къ семьѣ другой дочери, остававшейся съ нимъ всегда въ прекрасныхъ отношеніяхъ; но въ зятѣ онъ чувствовалъ полупрезрительное равнодушіе, а дѣтямъ онъ никогда ничего не внушалъ кромѣ страха; и когда я однажды, будучи уже юношею, видѣлъ пріѣзды моего дѣда къ этой теткѣ, — то мнѣ обидно было за то грубое пре-

небреженіе, которое оказывала старику прислуга дома, да пожалуй что и младшее поколѣніе семьи... Я чувствовалъ себя оскорбленнымъ, какъ носящій фамилію дѣда. И вѣроятно, онъ самъ, несмотря на свою глухоту, замѣчалъ и чувствовалъ это, но только не хотѣлъ подавать виду, что замѣчаетъ и чувствуетъ.

Сергѣй Петровичъ скончался въ Петербургѣ, на своей квартирѣ въ мартѣ 1874 года, т. е. почти 84-хъ лѣтъ, спокойно, отъ старческаго гриппа. Большинство семьи находилось при немъ.

За нѣсколько дней до смерти, чувствуя себя еще не дурно, онъ однажды сказалъ моему отцу: «вообрази, Basile, кого я сегодня видѣлъ? Твою мать, Варвару Ивановну. Я заснулъ днемъ; просыпаюсь и вижу — вотъ на этомъ самомъ креслѣ, гдѣ ты теперь сидишь, — сидитъ Варвара Ивановна, такою, какою она была лѣтъ пятидесяти. Я подумалъ, что это сонъ; но нѣтъ, сознаю ясно, что я не сплю; тогда я протеръ себѣ хорошенько глаза; и послѣ этого взглянулъ и никого больше на креслѣ не было. Неправда-ли странно?» Старикъ говорилъ про это совершенно спокойно. Мистической жилки совершенно не существовало у Сергѣя Петровича.

Варвара Ивановна Неклюдова
рожденая Нарышкина
(1793—1867)
(съ портрета кисти Изабэ 1811 г.)

ГЛАВА VII

БАБУШКА ВАРВАРА ИВАНОВНА НЕКЛЮДОВА рожденая НАРЫШКИНА. (1792-1867). — Первая размолвка между супругами. — Католическая пропаганда въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. — Свѣтская жизнь бабушки въ Петербургѣ. — Séparatioа toro. — Старческій обликъ Варвары Ивановны и житье-бытье ея въ Троицко-Сергіевскомъ Посадѣ. — Бабушка на смертномъ одрѣ.

Бабка моя, Варвара Ивановна, красивая и игривая, была всю свою жизнь и прежде всего женщиною свѣтскою. Наряды, выѣзды, визиты были ея стихіею, внѣ которой она не понимала жизни. Вышедши очень молодою замужъ, за молоденькаго также, красиваго и богатаго кавалергардскаго офицера, она въ теченіе долгихъ годовъ сохранила вкусы своей молодости, сначала сама выѣзжая въ петербургскій свѣтъ, потомъ вывозя своихъ дочерей, — изъ коихъ три были очень красивы; но какъ мать семейства, она не оставила у большинства своихъ дѣтей особо благодарной памяти. Между чрезмѣрной строгостью отца и довольно равнодушнымъ отношеніемъ матери, они росли безъ того сердечнаго влеченія къ родителямъ, которое составляетъ главную прелесть дѣтства и оставляетъ на всю жизнь свѣтлыя воспоминанія. Правда, у Варвары Ивановны были въ семьѣ свои любимчики, а именно, старшій сынъ Петръ и дочь Ольга, представлявшіе собоюю самый чистый «Нарышкинскій» типъ, не только физически, но и своею беззаботною легкомысленною веселостью, которая не покидала ихъ, несмотря на подчасъ тяжелыя жизненныя испытанія, до самой кончины. Будучи, съ самаго дѣтства, крайне добродушными, любимчики эти не злоупотребляли своимъ привилегированнымъ положеніемъ по отношенію къ братьямъ и сестрамъ; но и они не имѣли счастливаго дѣтства, ибо мать занималась ими въ сущности весьма мало, а Сергѣй Петровичъ относился къ нимъ съ тѣмъ большею строгостью, чѣмъ болѣе ихъ баловала Варвара Ивановна.

Да, между обоими супругами, послѣ первыхъ лѣтъ совмѣстной жизни, не только не существовало единенія, но чувствовалась постоянная, глухая борьба двухъ совершенно различныхъ породъ, наклонностей, интересовъ. Всѣ знавшіе хорошо моего дѣда, сходились во мнѣніи, что съ другой женою, которая съумѣла бы внушить ему къ себѣ безусловное уваженіе, поощрять его добрыя качества и смягчать рѣзкія стороны его характера, — онъ сталъ бы совершенно инымъ человѣкомъ. Но точно такъ-же дозволено полагать, что въ рукахъ другого мужа, менѣе страстнаго и вспыльчиваго, болѣе бережнаго по отношенію къ женѣ, и Варвара Ивановна могла бы стать иною, ибо и она была далеко не злою и порочною женщиною, и лишь неглубокою не особенно умною и вѣтренною. Но такъ, — какъ были созданы мой дѣдъ и моя бабка, — ихъ долголѣтнее супружество могло быть названо безусловно несчастливымъ. Въ наше время они давно бы уже развелись; но тогда объ этомъ такъ легко не думали; и оба супруга, сознававшіе всетаки, — въ особенности Сергѣй Петровичъ, — свой долгъ передъ дѣтьми, уважавшіе мнѣніе свѣта и подчинявшіеся, до извѣстной степени, примирительному вліянію добрыхъ и благоразумныхъ, — съ обѣихъ сторонъ — родственниковъ, — продолжали нести сковавшую ихъ цѣпь, хотя эта цѣпь подчасъ и натирала имъ чувствительныя раны.

Первая размолвка между супругами Неклюдовыми произошла, — кто бы могъ это подумать? — на почвѣ религіозной.

Сергѣй Петровичъ возвращался въ Петербургъ изъ второго похода гвардіи, пріостановленнаго, какъ извѣстно, побѣдою подъ Ватерлоо нашихъ союзниковъ и окончательнымъ прекращеніемъ Наполеоновскихъ войнъ.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся, къ постелѣ,.
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ —
Ничего! Пуста кровать!

Въ дѣйствительности дѣло произошло нѣсколько иначе: возвращался дѣдушка на перекладной, не предупредивъ свою нѣжно еще любимую жену телеграммою — по той простой причинѣ, что телеграфа въ то время не существовало. Подкативъ къ большому деревянному дому на берегу Карповки, служившему въ это лѣто дачнымъ пребываніемъ Неклюдовской семьѣ*), онъ съ понятною досадою узналъ отъ выбѣжавшей встрѣчать его прислуги, что барыни нѣту дома, «еще-де не изволили вернуться»... — «Онѣ въ каретѣ выѣхали, надѣюсь?..» — конфузливое молчаніе камердинера... «Если нѣтъ, такъ сейчасъ же послать за ними лошадей! Онѣ къ матушкѣ**) поѣхали?»... новое коафузливое молчаніе... Сергѣй Петровичъ опѣшилъ, ожидая и не получая отвѣта; но вдругъ сверкнувшая въ умѣ несносная мысль вызвала въ немъ сразу припадокъ бѣшеннаго гнѣва, — приведшаго камердинера къ полной откровенности:

«Барыня-де находятся неподалеку отсюда, въ католицкой каплицѣ, на всенощной — по нашему значитъ — службѣ. Онѣ туда послѣднее время часто изволили ѣздить»... Тогда Сергѣй Петровичъ, немного успокоившись, сталъ разспрашивать старшую прислугу и узналъ слѣдующее: «часто-де повадился сюда къ намъ ихній ксендзъ хаживать, — важный такой, бритый; а привелъ его въ первый разъ князь Григорій Ивановичъ***). И барыня наша стали ежедневно почти въ той каплицѣ бывать; а матушка-де Катерина Але-

---

*) Впослѣдствіи въ этомъ домѣ проживалъ Н. Ф. Вигель.

**) Екат. Алекс. Нарышкиной.

***) Гагаринъ, извѣстный въ свѣтѣ подъ прозвищемъ «la coqueluche des dames», тайный любовникъ знаменитой Марьи Антоновны Нарышкиной; впослѣдствіи русскій посланникъ при Святѣйшемъ Престолѣ.

ксандровна ничего про это не знають; и у Строгановыхъ также не знаютъ... Мы ужъ и такъ промежъ себя, — старшіе то-есть, — думаемъ: какъ бы какой бѣды отъ этого не вышло. Вотъ онамеднясь слышно стало, что молодой Голицынъ князекъ, — Его Сіятельства князя Александра Николаевича племянничекъ, — будто въ католицкую вѣру перешли, и Его Сіятельство очень - де этимъ обижены... Да баютъ, что и у графини Анны Ивановны *) не совсѣмъ по этой части благополучно, да и у Протасовыхъ слышно...» Сергѣй Петровичъ, достаточно освѣдомленный, прекратилъ дальнѣйшую болтовню камердинера, буфетчика и нянюшки и, взявъ съ собою въ проводники на всякій случай барынинаго выѣздного лакея, — парня дюжаго, — поспѣшилъ какъ былъ, въ дорожной формѣ и при орденахъ, въ «каплицу», т. е. въ католическій негласный монастырекъ - подворье, — главную квартиру іезуитской пропаганды въ столицѣ.

Часъ былъ поздній и входная дверь накрѣпко заперта; но передъ громкими и энергичными требованіями и угрозами кавалергардскаго штабъ-ротмистра съ брилліантовымъ орденомъ на шеѣ, ее наконецъ отперли, и Сергѣй Петровичъ вбѣжалъ на звуки органа прямо въ небольшую домовую церковь. Тамъ какъ разъ совершалось довольно торжественное служеніе и, среди нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ ему лицъ изъ высшаго общества столицы, увидѣлъ онъ и свою жену, — прелестную Вариньку, — набожно склонившуюся надъ изящнымъ французскимъ молитвенникомъ. Дѣдушка узналъ впослѣдствіи, что вечернее богослуженіе это совершалось какъ разъ наканунѣ перевода нѣсколькихъ новыхъ «catéchumènes» въ лоно святой апостольской Церкви. Но завѣтная ладонка съ бородою Тимоѳея Архипыча была въ то время еще цѣла, и потомство Ивана Александровича Нарышкина не подпало еще предсмертному заклятію юродиваго; да и не на таковскаго мужа напали отцы іезуиты! Извлечь Варвару Ивановну изъ церкви и, взявъ подъ руку, направиться къ выходу изъ подворья — было дѣ-

*) Толстой, рожденной Барятинской. Мужъ ея, графъ Николай Александровичъ, былъ Обер - Гофмаршаломъ и весьма близкимъ къ Императору Александру І-му лицомъ; онъ скончался въ 1816 году, а графиня въ Парижѣ въ 1825-мъ.

ломъ одной минуты; а когда настоятель подворья, весьма благообразный патеръ (чуть ли не самъ abbé Surrugue), прибѣжавшій на шумъ, сталъ укорять молодого офицера за учиненный имъ будто бы скандалъ и убѣждать его не насиловать совѣсти и благочестивыхъ намѣреній своей жены, — то получилъ отъ Сергѣя Петровича на прекрасномъ французскомъ языкѣ такую сильную и громкую отповѣдь, что прикусилъ языкъ и приказалъ, съ сокрушеніемъ сердца, отворить настежь выходныя двери передъ удалявшеюся, увы, отъ стези спасенія молодою парочкою.

По возвращеніи домой, Сергѣй Петровичъ сдѣлалъ женѣ своей сцену. Варвара Ивановна стала смущенно объяснять мужу, что ходила она молиться въ католическую церковь, потому что та гораздо ближе къ ихъ дачѣ, чѣмъ православная; что впрочемъ никакой въ сущности разницы между обоими исповѣданіями нѣту — кромѣ подчиненія au St-Père qui est si bon, si bon ; — что католическіе священники такіе образованные, изъ лучшихъ фамилій, такъ хорошо умѣютъ направлять душу на стезю благочестія и хорошихъ мыслей, тогда какъ наши... Но Сергѣй Петровичъ прервалъ ее восклицаніемъ, звучавшимъ весьма искренно, что онъ вовсе не затѣмъ спѣшилъ домой, чтобы вступать съ женою въ богословскіе споры, что теперь давно пора итти спать, а что обо всемъ этомъ лучше переговорить завтра у ея родителей, куда они первымъ долгомъ и поѣдутъ.

На другое утро Варвара Ивановна, въ памяти коей ночь, проведенная съ молодымъ супругомъ, значительно сгладила и вчерашнее происшествіе и предшествовавшіе этому происшествію часы религіозной экзальтаціи, призналась своему Сержу, что, сегодня именно, она должна была п р і о б щ и т ь с я в ъ п е р в ы й р а з ъ С в. Т а и н ъ п о к а т о л и ч е с к о м у о б р я д у ; но что если ему это такъ непріятно, то ничто не мѣшаетъ и отложить...

Въ родительскомъ домѣ, куда она затѣмъ поѣхала съ мужемъ, Варварѣ Ивановнѣ пришлось выслушать строгую отповѣдь со стороны своей матери. Екатерина Александровна поставила ей прежде всего на видъ, что такіе шаги, которые

предпринимаются молодою женщиною безъ вѣдома мужа и тайкомъ отъ матери, не могутъ повести къ добру; а затѣмъ вообще предупредила ее противъ происковъ католическихъ патеровъ и ихъ русскихъ покровителей. Весьма дружная со своею сестрою Демидовою, прабабушка Нарышкина уже давно имѣла зубъ противъ іезуитской пропаганды, которая въ это самое время ловила, или уже изловила красивую жену первѣйшаго богача Россіи*). «А съ Григри», прибавила Екатерина Александровна (такъ называла она князя Григорія Ивановича Гагарина) «я ужо поговорю сама и спрошу его, съ какой стати онъ водитъ къ тебѣ католическихъ аббатовъ; ужъ не вздумалъ ли онъ и за тобою ухаживать?»

Конечно все это сказано было матерью дочери наединѣ. Сергѣй Петровичъ тѣмъ временемъ, понявъ изъ утреннихъ признаній жены, какой нешуточной опасности подвергался его семейный миръ, отправился къ старому генералу Вязмитинову, генералъ-губернатору столицы, который, вмѣстѣ со своимъ другомъ адмираломъ Шишковымъ, начиналъ снова входить въ силу при Императорѣ Александрѣ I-мъ и вскорѣ былъ назначенъ Министромъ Полиціи. Дѣдъ принесъ ему формальную жалобу на происки отцовъ - іезуитовъ и ихъ русскихъ приспѣшниковъ, чуть было не совратившихъ его жену, и просилъ оградить его домъ и семейное счастіе отъ дальнѣйшихъ посягательствъ. Въ Неклюдовской семьѣ говорили, что эта жалоба явилась послѣднимъ толчкомъ къ изданію Указа объ удаленіи іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ, — указа, казавшагося, на первый взглядъ, столь несовмѣстимымъ со всегдашнею вѣротерпимостью Александра I-го. Не знаю, насколько это семейное преданіе вѣрно. Совращеніе въ католицизмъ въ это самое время обѣихъ сестеръ

---

*) Елизавета Александровна Демидова, рожденная баронесса Строганова, жена Николая Никитича, почти не покидала Парижа, хотя и не разошлась формально съ мужемъ. Ее приковывала къ Франціи почти открытая связь съ герцогомъ де Полиньякомъ (впослѣдствіи столь неудачнымъ министромъ Карла X, вызвавшимъ революцію 1830 г.). Елизавета Александровна и умерла въ Парижѣ, перешедши, какъ о томъ упорно говорили, въ католичество. Она погребена на кладбищѣ Père Lachaise, гдѣ неутѣшный мужъ ея воздвигъ ей огромный и великолѣпный монументъ, служащій доселѣ одною изъ достопримѣчательностей этого обширнаго некрополя.

Протасовыхъ (изъ коихъ одна была супругою знаменитаго графа Өедора Васильевича Растопчина, а другая за княземъ Голицынымъ), другой княгини Голицыной, рожденной княжны Шаховской, молодого Голицына (племянника министра Исповѣданій и Александрова друга — князя Александра Николаевича) и, по всему вѣроятію, вышеупомянутой графини Анны Ивановны Толстой (La Longue), а также нѣсколькихъ другихъ дамъ и молодыхъ людей изъ высшаго общества, — всѣ эти совращенія служатъ, на мой взглядъ, достаточнымъ объясненіемъ поворота, совершившагося во взглядахъ и привычной благосклонности ко всякимъ духовнымъ лицамъ Александра I-го. Но впрочемъ, быть можетъ, никто до Сергѣя Петровича Неклюдова не подавалъ по сему предмету формальной жалобы, и эта жалоба явилась такимъ образомъ отправною точкою для оффиціальнаго разслѣдованія дѣйствій іезуитской пропаганды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что столь успѣшно готовившееся совращеніе Варвары Ивановны было основано вовсе не на ея религіозныхъ расположеніяхъ или духовныхъ потребностяхъ, а скорѣе на какомъ нибудь романическомъ чувствѣ, героемъ коего былъ одинъ изъ офранцуженныхъ и склонныхъ къ католичеству, — или уже принявшихъ его, — ухаживателей и поклонниковъ хорошенькой и вѣтренной молодой женщины. Многіе «ловеласы» того времени дѣйствовали въ союзѣ съ ловкими іезуитскими аббатами à robe longue и à robe courte. Романъ этотъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, былъ уничтоженъ въ корнѣ своевременнымъ возвращеніемъ молодого и еще любимаго мужа и его энергическимъ воздѣйствіемъ; но, къ сожалѣнію, увлеченіе это не оказалось послѣднимъ.

За Варварою Ивановною продолжали усердно волочиться въ свѣтѣ, и она, отъ природы кокетливая и легкомысленная, охотно внимала «и каватинѣ и мольбамъ и шуткѣ съ лестью

пополамъ», а иногда и соболѣзнованіямъ о горькой участи своей подъ властью такого ревниваго и непріятнаго мужа. Все это возбуждало, понятно, еще болѣе ревность Сергѣя Петровича, находившую себѣ выраженіе въ бурныхъ сценахъ и рѣзкихъ выходкахъ, — послѣ каковыхъ сценъ Варвара Ивановна неукоснительно обѣгала свою родню и пріятельницъ, жалуясь на нестерпимый характеръ и на «варварство» мужа. Въ первые годы супружества эти грозы обыкновенно завершались нѣжными примиреніями; а конечнымъ результатомъ такихъ періодичечскихъ ссоръ и примиреній было четырнадцать дѣтей, изъ коихъ шестеро умерли въ младенчествѣ. Но и оставшіяся дѣти не являлись прочною связью между Сергѣемъ Петровичемъ и Варварою Ивановною...

Все это бурное «семейное счастіе» завершилось приблизительно на двѣнадцатомъ году брачной жизни супруговъ Неклюдовыхъ совершенно своеобразною и дотолѣ николи и нигдѣ, какъ мнѣ кажется, небывалою выходкою супруга и владыки дома.

Вскорѣ послѣ рожденія младшаго члена семьи, — сына Михаила, — между Варварою Ивановною и ея мужемъ разъигралась очередная крупная сцена. Но на этотъ разъ обычнаго примиренія не послѣдовало: Сергѣй Петровичъ, въ пылу гнѣва, позвалъ въ опочивальню своего крѣпостного столяра и приказалъ ему немедленно распилить вдоль, на двѣ равныя половины, возвышавшееся среди этой опочивальни широкое, великолѣпное супружеское ложе стиля Ампиръ. Къ каждой половинѣ придѣлана была наскоро смастеренная дополнительная пара ножекъ; и изъ получившихся такимъ образомъ двухъ кроватей одна оставлена въ опочивальнѣ, переходившей отнынѣ въ безраздѣльное обладаніе Варвары Ивановны, а другую торжественно перенесли внизъ, въ уборную Сергѣя Петровича, смежную съ его кабинетомъ. Впрочемъ ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не пожелали, въ концѣ концовъ, пользоваться этими своими половинками. Пока на сторонѣ, у опытнаго мастера, раздѣляли, также вдоль, прекрасные матрацы прежняго ложа, крытые, — верхній, мягкій, въ сафьянной рамкѣ, лучшею замшею, а нижній, пожестче, сплошь краснымъ сафьяномъ

(пружинныхъ матрацовъ тогда не существовало), — бабушка успѣла потребовать и получить отъ мужа согласіе на покупку себѣ новой одиночной кровати, а Сергѣй Петровичъ, проведя ночь - другую у себя въ кабинетѣ на своей широкой, обитой зеленымъ сафьяномъ софѣ, такъ пристрастился къ этому ложу, что почивалъ на немъ до конца своихъ дней. Знаменитыя же половинки нашли пристанище въ запасной горницѣ для пріѣзжихъ, возбуждая необычнымъ своимъ обликомъ недоумѣніе каждаго гостя, не посвященнаго въ исторію Неклюдовской семьи. Separatio à toro, совершилась самымъ нагляднымъ образомъ и — какъ это иногда бываетъ — послужила скорѣе на пользу домашняго мира.. Крупныхъ ссоръ между супругами отнынѣ уже не было; ихъ замѣнило взаимное охлажденіе.

Когда начали выѣзжать въ свѣтъ младшія дочери дѣда и бабки, изъ коихъ Елизавета Сергѣевна, очень красивая, была очередною любимицею Сергѣя Петровича, семейное согласіе какъ будто даже возстановилось. Въ домѣ на Гагаринской набережной возобновились пріемы; дѣдушка началъ какъ будто снова выказывать по отношенію къ женѣ если не любовь и преданность, то, по крайней мѣрѣ внѣшнее вниманіе; бабушка, перешедшая уже окончательно съ flirt'а на ералашъ, принимала у себя съ радушіемъ; лѣто оба супруга съ двумя дочерьми начали проводить въ новоотстроенной комфортабельной усадьбѣ около Боровичей. Словомъ семья какъ будто зажила нормально.*)

Но это было, увы, лишь короткою передышкою и затишьемъ передъ новымъ и конечнымъ періодомъ бурь. Тетушка Елизавета Сергѣевна вышла замужъ и основала свой собственный домъ. Къ ней и къ этому дому стала неудержимо тяготѣть и ея сестра, — некрасивая, но умная и веселая Марья Сергѣевна. И одновременно съ симъ, — по поводу задуманнаго Сергѣемъ Петровичемъ, — точь въ точь, какъ Степнымъ Королемъ Лиромъ Харловымъ у Тургенева, — раздѣла семейнаго иму-

*) Къ этому времени относятся свѣдѣнія о пріятельскомъ обращеніи неклюдовской семьи, и въ особенности Варвары Ивановны и ея дочерей, съ Всеволожскими, С. А. Соболевскимъ и Ив. Серг. Мальцовымъ, свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Л. В. Иславнымъ и помѣщенныя въ Приложеніи № 7 къ настоящему труду

щества между дѣтьми, — произошли въ концѣ концовъ семейныя распри и тяжелыя сцены, особенно жестоко отразившіяся на «любимчикѣ» Варвары Ивановны, — легкомысленномъ и добродушномъ Петрѣ Сергѣевичѣ. Семейный укладъ Неклюдовскаго дома рухнулъ окончательно. Варвара Ивановна оставила навсегда прежде столь любезный ей Петербургъ и, вмѣстѣ со своею любимою дочерью Ольгою Сергѣевною Падейскою, въ то самое время овдовѣвшею, — перебралась на житье въ Троицко-Сергіевскую Лавру подъ Москвою, гдѣ купила себѣ домъ-усадьбу. А Сергѣй Петровичъ, выдѣлившій свой домъ старшей дочери, Екатеринѣ Сергѣевнѣ Замятниной, переѣхалъ на холостую квартиру въ домѣ Тура на Морской, гдѣ и жилъ одиноко до самой кончины, посѣщая жену лишь крайне рѣдко. Столь необыденное торжество пятидесятилѣтія супружества, дѣдъ мой и бабка отпраздновали въ 1861 году, съѣхавшись въ Москвѣ, гдѣ жили тогда съ семьями мой отецъ и моя тетка, Елизавета Сергѣевна Казнакова.

Я помню мою бабку приблизительно съ этого времени. Въ своемъ неизмѣнномъ старушечьемъ нарядѣ, — черномъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами и съ кисейнымъ воротничкомъ «плиссе»; съ черною кружевною косынкою на мало посѣдѣвшихъ и гладко падавшихъ по обѣ стороны лба «en bandeaux» волосахъ; съ четками, намотанными на лѣвой рукѣ; съ прекрасною турецкою шалью, всегда накинутою на плечи, — она представляла собою совершенный и вполнѣ законченный типъ старой барыни того вѣка. Слѣды былой красоты явственны были на ея характерномъ лицѣ; тонкій, горбатый «нарышкинскій» носъ, прямой ротъ надъ твердо очерченнымъ подбородкомъ, большіе сѣрые глаза съ нѣсколько отяжелѣвшими вѣками, подъ густыми и правильно очерченными бровями; прекрасно сформированный лобъ, нѣсколько впалый на вискахъ; замѣчательно красивыя, скорѣе мужского склада руки съ оригинальными большими перстнями, — такова была въ то время ея наружность. Кокетливая улыбка молодости замѣнилась привѣтливою; да измѣнился и внутренній обликъ бабушки: мѣсто прежнихъ свѣтскости, вѣтренности заступила богомольность. Бабушка рѣдко выѣзжала изъ дому кромѣ какъ

въ церковь; большую часть дня проводила она въ своемъ креслѣ за большими палисандровыми пяльцами, вышивая цѣлыя полотнища церковныхъ ковровъ, портьеръ и безчисленныя подушки.. Посѣщали ее, — когда гостила она у насъ въ Москвѣ, — такія же старушки, какъ и она сама, въ бархатныхъ мантильяхъ подбитыхъ пожелтѣвшимъ горностаемъ, и вспоминали и перебирали онѣ старыя семейныя и свѣтскія исторіи временъ вступленія въ Парижъ и покоренія Варшавы. Словомъ, Варвара Ивановна изъ модной Петербургской «львицы» двадцатыхъ годовъ превратилась, — какъ то незамѣтно для нея самой — въ старую боярыню XVII-го вѣка; и избранный ею фономъ жизни Троицко - Сергіевскій посадъ и деревянный домъ - усадьба съ большимъ садомъ, дворомъ, службами и оранжереею, — какъ нельзя болѣе гармонировали со старческимъ обликомъ бабушки. Помню я ее тамъ, окруженную суетливою и забавною болтовнею моей тетки, рѣзвостью баловницъ внучекъ, предупредительностью старой компаньонки - нѣмки, главнымъ и почти единственнымъ назначеніемъ коей было ѣздить въ Москву и подбирать шерсти и шелка для бабушкиныхъ вышиваній. Къ чаю приходили знакомые и чаще всего благообразный и всегда веселый монахъ — духовникъ бабушки; канарейки пѣли; варенья приносились изъ кладовой и подвергались тщательной пробѣ и оцѣнкѣ; а по стѣнамъ блестѣли безчисленныя иконы, какъ старинныя въ окладахъ, отражавшія красноватый свѣтъ лампадъ, такъ и новыя, монастырской работы, мягкой живописи на золотомъ тисненомъ фонѣ.

Въ январѣ 1867 года здѣсь, у Троицы - Сергія, и скончалась моя бабушка, потерпѣвъ незадолго до смерти чувствительное для нея крушеніе: половина ея капитала, ввѣренная какому-то извѣстному спекулянту изъ Московскаго свѣтскаго общества, погибла безъ возврата, а остальная половина оказалась порядочно таки пощипанною широкою усадебною жизнью бабушки и ея дочери съ семьею. Пришлось волею неволею взяться за экономію; сдали въ наемъ домъ, переѣхали во флигель, разсчитали прекраснаго повара и компаньонку, словомъ, сократили свой обиходъ. Переѣздъ изъ дома во флигель и былъ косвенною причиною смерти Варвары Ивановны. Бабушка продол-

жала проводить свои дни за пяльцами, придвинутыми къ окну для свѣта; изъ ветхихъ оконъ флигеля дуло; и надуло наконецъ бѣдной старушкѣ воспаленіе легкихъ... которое унесло ее въ могилу.

Бабушка Варвара Ивановна помирала трудно. Но подробности о ея кончинѣ я узналъ лишь гораздо позже.

Какъ-то разъ, — отца уже не было въ живыхъ, — сидѣли мы, мой братъ и я, — давно взрослые, — въ скромной, но уютной гостинной моей матери въ Твери; разговоръ перешелъ на семейную старину, и мой братъ по какому-то поводу помянулъ, не безъ насмѣшливой улыбки, имя архимандрита М., бывшаго духовника Варвары Ивановны. Въ тѣ времена монахъ этотъ, — рыжебородый, статный, красивый и веселый, — стяжалъ себѣ, въ освѣдомленномъ кружкѣ, извѣстность тѣмъ что, — соблазненный другою духовною дщерью своею, сорокалѣтнею барыней вдовою, дородною и съ огнедышащимъ темпераментомъ, — онъ подарилъ ее пріемною дочкою, очень впрочемъ миленькою, и на воспитаніе коей онъ самъ впослѣдствіи весьма совѣстливо удѣлялъ что могъ изъ своихъ доходовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ былъ настоятелемъ одной изъ извѣстнѣйшихъ на Руси обителей. Отъ бабушки, конечно, все это было скрыто.

«А знаешь?» обратилась мама къ моему брату, «я совсѣмъ помирилась съ этимъ М., когда увидала его у смертнаго одра моей свекрови. Да, этотъ эпизодъ съ . . . .ою дѣйствительно былъ; мы всѣ, помнится, очень надъ этимъ потѣшались, и разумѣется, прежде всего надъ духовникомъ и монахомъ, съ которыми такая исторія могла приключиться. Но мнѣ довелось быть свидѣтельницею и неложной, горячей вѣры и искренняго самозабвенія этого самаго монаха и іерея...

«Агонія вашей бабушки была тяжкою... Въ довольно низкой, не особенно большой, душной, непровѣтренной комнатѣ

лежала она на своей кровати, тяжело и хрипло дыша; вода подступала ей къ сердцу и къ легкимъ; сознаніе иногда совершенно мутилось, а иногда возвращалось вновь, и тогда взоры умирающей съ тоской и предсмертнымъ ужасомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ то дѣтскимъ жалостнымъ голодомъ обращались на комнатныя иконы, освѣщенныя лампадами, и на серебряное распятіе, которое держалъ передъ нею ея духовникъ, отецъ М., стоя въ эпитрахили у ея изголовья. Насъ все время сидѣло по нѣсколько человѣкъ въ горницѣ: я съ папа, Catherine Замятнина съ дочерью, конечно Ольга Падейская, Lise Казнакова и Мари Неклюдова, милѣйшій Лаврскій врачъ д-ръ Якобсонъ, горничная; одни выходили, другіе тихо входили и молча садились у стѣнки; но ни умирающая, ни ея духовникъ не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія... По временамъ, въ промежутокъ глухого стона и хрипа, слышался явственно воспаленный шопотъ умиравшей. — ,,Отецъ, я великая грѣшница!.. Проститъ ли мнѣ Господь все, что я сдѣлала! Отецъ, молитесь Христу, чтобы облегчилъ Онъ мнѣ смерть, чтобы принялъ мое покаяніе! Я такая великая грѣшница! Охъ, Господи, Господи!.. «Mon Dieu, mon Dieu!..»

«Кайся, Варвара, кайся!» возвышалъ тутъ свой голосъ духовникъ. «Кайся! Господь слышитъ тебя, Онъ видитъ твое великое сокрушеніе! Пречистая Матерь Божія молится о твоей душѣ; Христосъ Спасъ Милостивый приметъ тебя, — раскаявшуюся, очищенную, просвѣщенную святыми Таинствами!.. Се Христосъ распятый, — Онъ ли не проститъ тебѣ?..»

«И умирающая какъ будто успокаивалась; дыханіе становилось нѣсколько легче, глаза смежались... Но черезъ нѣсколько времени — новый приступъ хрипа и стоновъ, новый покаянный полубредъ!

«Мы, присутствовавшіе, уходили отдыхать въ другія горницы, но М. все время, почти ни на минуту не садясь, находился передъ умирающей, то читая отходныя молитвы, то снова показывая ей Распятіе и отвѣчая голосомъ, въ коемъ чувствовалась сила искренняго убѣжденія, на ея всхлипыванія и полные ужаса взгляды и слова. Потъ катился съ его лица, волосы прилипали ко лбу, а онъ все стоялъ, и молился, и обод-

рялъ, не замѣчая собственной устали. И это длилось не часъ-другой, а почти цѣлыя сутки!

«Нѣтъ, я тогда поняла, что духовное лицо можетъ въ извѣстныя минуты грѣшить, потерпѣть паденіе, — et même une chute pitoyablement ridicule ; но за то въ другія времена, при наличіи искренней вѣры, то же духовное лицо можетъ оказать чудеса самоотверженія и помочь тамъ, гдѣ безсильна всякая иная человѣческая помощь. И я поняла еще, почему русскій народъ, хотя и отлично знаетъ недостатки своихъ духовныхъ пастырей, — всетаки преданъ и Церкви своей, и храмамъ, и обителямъ...»

«А развѣ бабушка была дѣйствительно такою грѣшницею?» обратился я съ вопросомъ къ мама. «Что она такое сдѣлала, что не давало ей и умереть спокойно?»

«Ровно ничего особеннаго», отвѣтила мама: «она грѣшила въ сущности тѣмъ, чѣмъ грѣшили во всѣ времена и продолжаютъ грѣшить всѣ свѣтскія, красивыя и некрасивыя, но пустыя, кокетливыя бабенки. Ни больше, ни меньше... Но быть можетъ то, что кажется намъ, живущимъ, грѣхомъ незначительнымъ (une péccadille), возстаетъ грознымъ призракомъ передъ умирающимъ?.. Кто знаетъ! «Qui pourra jamais nous le dire!..»

...Какъ я уже говорилъ выше, бабушка, состарившись, измѣнилась въ своемъ внутреннемъ обликѣ еще больше, чѣмъ во внѣ. Чуждымъ, густымъ, но зыбкимъ слоемъ легло на ея простую русскую природу, на ея нехитростный умъ французское воспитаніе конца XVIII-го столѣтія, усиленное обиходомъ и обстановкою высшаго придворнаго Петербургскаго общества, въ коемъ вращалась она, — рѣзвая, легкомысленная и веселая, — черпая въ этомъ обиходѣ и въ ежедневныхъ примѣрахъ оправданіе тѣмъ пріятнымъ увлеченіямъ и сладкимъ грѣхамъ, до которыхъ съ испоконъ вѣку такъ лакомы и Евины дщери и сыны Адамовы. Лишь бы сказывалась въ нихъ красивая утонченность нравовъ и умѣнье хоронить концы, — тогда-де составляютъ они безспорную привиллегію патриціаской среды!

Но пришла старость съ ея разочарованіями и немощами, потушила искрящійся пламень страстей и страстишекъ; и какъ

пудра и румяны, какъ воздушные шелковые газы и прозрачные чулочки, совлекался съ офранцуженной боярышни и свѣтской модной жены налетъ легкомыслія, сомнѣній, чужевѣрія. И вотъ насталъ послѣдній, страшный часъ. Откатились куда-то вдаль и пропали безслѣдно всѣ шутки, обольщенія и мечты, вся суета обыденной жизни, и что-то безпредѣльно, неумолимо-серьезное стало «при дверехъ» скорбной, пропитанной запахомъ ненужныхъ снадобій горницы. Но на смертномъ одрѣ лежала уже не барынька Александровскихъ и Николаевскихъ временъ, а старая, непреложная наслѣдница своихъ бабокъ и прабабокъ — степенныхъ боярынь и именитыхъ женъ, дѣлившихъ вѣкъ свой между тѣсными росписными теремами и благолѣпными храмами собственной стройки, на Москвѣ или въ подвластномъ имъ необъятномъ, строгомъ сѣверномъ краѣ...

Лежала она подъ иконами, у коихъ теплились лампады и свѣчи, забывъ про всѣхъ окружающихъ и видя передъ собою лишь духовника своего и, въ рукахъ его, спасительное Распятіе и ощущая уже, съ трепетомъ и томленіемъ, близость тѣхъ высшихъ таинственныхъ силъ, которыя были прежде столь далеки отъ ея жизни и помысловъ. Такъ точно собирались въ послѣдній путь свой тѣ старыя боярыни и гостьи, такъ помирали и прежде и послѣ, въ купеческомъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ быту, старухи, удрученныя сознаніемъ содѣяннаго грѣха. И въ этомъ торжественномъ возвращеніи Варвары Ивановны Неклюдовой, рожденой Нарышкиной, въ вереницу своихъ предшественницъ и родныхъ по крови и духу русскихъ женщинъ, сказывалось несомнѣнное и назидательное величіе.

И странное дѣло! Изъ всѣхъ присутствовавшихъ у смертнаго одра рабы Божіей Варвары, лишь у одной моей матери, — чуждой по своей крови и по воспитанію, русской боярской и простонародной старинѣ, — лишь у нея одной запечатлѣлось вполнѣ ясное сознаніе этого величія и предсмертнаго оправданія ея свекрови. Со стороны бываетъ часто виднѣе!

Варвара Ивановна Неклюдова погребена на кладбищѣ Троицко - Сергіевской Лавры, гдѣ надъ ея могилою дочь ея воздвигла памятникъ въ видѣ большого чугуннаго креста, испещреннаго сверху до низу золоченою надписью (редакціи ду-

ховника бабушки) и гдѣ прилагательныя въ превосходной степени чередуются безъ конца: «христолюбивѣйшая, чадолюбивѣйшая, благочестивѣйшая и т. д.».

Но одинъ изъ курьезнѣйшихъ образчиковъ эпитафiйной литературы являетъ находящiйся рядомъ памятникъ одного изъ зятьевъ моей бабки:

«Прохожiй, ты плывешь, а я уже приплылъ; гдѣ ты, тамъ я былъ; гдѣ я, тамъ ты будешь! А посему, прохожiй, остановись, вздохни, и прочти сiю молитву: Упокой, Боже, въ селенiяхъ праведныхъ душу раба Твоего, генералъ-лейтенанта и ордена Святыя Анны I-й степени съ короною Кавалера, Семена Васильевича Падейскаго!»

У дѣда и бабки моихъ было восемь человѣкъ дѣтей, достигшихъ взрослаго возраста; сыновья: Петръ, род. въ 1815 году; Василiй (мой отецъ), род. въ 1818 году и Михаилъ, род. въ 1830 году; дочери: Екатерина, род. въ 1812 году, вышла за Дмитрiя Николаевича Замятнина, — впослѣдствiи Министра Юстицiи; Ольга, род. въ 1823 году, вышла за Ген.-Лейтенанта Падейскаго; Варвара, род. въ 1825 году, вышла за кавалергардскаго офицера Готмана; Марiя, род. въ 1826 году, осталась незамужнею, и Елизавета, род. въ 1828 году, вышла за Николая Геннадiевича Казнакова, впослѣдствiи Генералъ-Адъютанта и Генералъ-Губернатора Западной Сибири.

Обо всѣхъ нихъ и объ ихъ потомствѣ я буду часто говорить въ теченiе моего послѣдующаго разсказа.

Варвара Ивановна Неклюдова
рожд. Нарышкина

(съ миніатюры неизвѣстнаго художника 1820 года)

ГЛАВА VIII

ДѢТСТВО МОЕГО ОТЦА. (1818-1831). — Жизнь и домашнее воспитаніе младшаго поколѣнія Неклюдовыхъ. — 14-е декабря 1825 года. — Царскосельскій Лицей (1831-1837). — Лучшіе годы Николаевскаго царствованія. — А. С. Пушкинъ. — Погребеніе великаго поэта. — «Исторія» съ кашей и масломъ. — Выпускъ изъ Лицея.

Мой отецъ родился въ Петербургѣ 14-го декабря 1818 года. Онъ былъ пятымъ или шестымъ ребенкомъ Сергѣя Петровича и Варвары Ивановны, но, по смерти двухъ или трехъ въ младенчествѣ, оказался третьимъ. Пяти лѣтъ отъ роду онъ перенесъ менингитъ, чуть было не прекратившій его существованіе; его спасли благодаря сильнѣйшимъ средствамъ тогдашней медицины, — а можетъ статься и вопреки этимъ средствамъ. Сергѣй Петровичъ выказалъ при этомъ большую горячность родительской любви. Приглашены были самые лучшіе врачи столицы, и самъ онъ четыре дня и четыре ночи не покидалъ комнаты больного ребенка. Послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ изъ примѣненныхъ средствъ было наложеніе на выбритую голову ребенка цѣлой ермолки (calotte) изъ шпанскихъ мушекъ. Что сказали бы о такомъ лѣченіи нынѣшніе врачи?

Послѣдствіемъ менингита явилась, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, такъ называемая «англійская болѣзнь»; но и отъ нея ребенка вылечили, зарывая его лѣтомъ по поясъ въ теплый песокъ на солнечномъ припекѣ. Однако болѣзни эти не сошли моему отцу совсѣмъ даромъ: онѣ остановили, до извѣстной степени, его ростъ (у него навсегда остались худощавыя и нѣсколько низкія для размѣровъ его головы и туловища ноги), да и здоровье его никогда не было цвѣтущимъ.

Несмотря на эти невзгоды, отецъ мой былъ живымъ и рѣзвымъ ребенкомъ, а — выросши — энергичнымъ, не знав-

шимъ устали и страху мужчиной, жившимъ, что называется, нервами и израсходовавшимъ свою нервную энергію лишь на шестомъ десяткѣ жизни.

Подобно большинству своихъ сестеръ и братьевъ онъ не вынесъ изъ своей дѣтской поры особо свѣтлыхъ воспоминаній. Однимъ изъ наиболѣе хорошихъ — было воспоминаніе о старушкѣ - нянѣ, которую всѣ почему-то звали Кумою и которая горячо любила, холила и часто ласкала своего Васиньку.

Дворовые люди въ Неклюдовскомъ домѣ раздѣлялись на двѣ, рѣзко - разграниченныя категоріи; къ первой принадлежали люди, служившіе еще «покойницѣ Елизаветѣ Ивановнѣ, — царство ей небесное!»; съ этими живыми хранителями и хранительницами старыхъ преданій дома, — къ нимъ принадлежала и Кума, — дѣдъ обходился милостиво и даже вѣжливо, никогда на нихъ не кричалъ и не употреблялъ по отношенію къ нимъ своихъ излюбленныхъ бранныхъ словъ; съ остальными онъ не стѣснялся. Впрочемъ въ Неклюдовскомъ домѣ соблюдался, какъ и во многихъ другихъ столичныхъ домахъ того времени, извѣстный европейскій decorum. Тѣлесныя наказанія въ самомъ домѣ вовсе не практиковались; въ крайнемъ случаѣ какой нибудь попавшійся въ разгулѣ и пьянствѣ «малый» препровождался съ запискою, крайне непріятнаго для него содержанія, къ частному приставу. Но нѣкоторыя «преступленія» карались моимъ дѣдомъ неумолимо; за «квалифицированное» воровство дворовый сдавался въ солдаты, а женщина или дѣвка ссылалась — «съ глазъ долой» — въ дальнюю деревню; въ деревню же ссылались и неисправимые пьяницы. Подобная ссылка была карою суровою. Для двороваго или дворовой, привыкшихъ къ извѣстному комфорту жизни, къ сытости, къ чистотѣ, къ сравнительно легкой работѣ и, наконецъ, къ прелестямъ столичной жизни, о которыхъ разсказываетъ Гоголевскій Осипъ въ «Ревизорѣ», — очутиться въ захолустной заштатной усадьбѣ, въ Новгородской глуши, на скудномъ довольствіи, подъ безконтрольнымъ началомъ какого нибудь прикащика изъ своихъ-же, крѣпостныхъ, и нести тяжелую, непригядную работу скотника, ко-

нюха или птичницы, безъ всякаго просвѣта впереди, — являлось наказаніемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ тому, чѣмъ была ссылка на поселеніе въ Сибирь для лицъ высшихъ сословій. Не надо забывать однако, что нравы въ то время были «жестокіе» не только у насъ, но и въ Западной Европѣ. Кража у хозяина, хотя бы мало стоившей вещи, наказывалась въ началѣ XIX-го вѣка въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, — напримѣръ, въ Пьемонтѣ, — смертною казнью. Объ этомъ упоминаетъ, между прочимъ, извѣстный моралистъ графъ Жозефъ-де-Местръ въ своихъ Soirées de St-Pétersbourg, и упоминаетъ безъ малѣйшаго негодованія! Въ Англіи, въ то же время, человѣкъ, уличенный въ поджогѣ хотя бы одной копны сѣна въ полѣ, посылался на висѣлицу! Въ сравненіи съ такими Драконовскими законами ссылка въ дальнюю деревню и даже «жестокая» порка были наказаніями гуманными. По отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ Сергѣй Петровичъ былъ въ сущности гораздо болѣе суровъ, чѣмъ по отношенію къ окружавшимъ его дворовымъ людямъ. По деревнямъ — кража лѣса или явное неповиновеніе установленнымъ общественнымъ или усадебнымъ властямъ влекли за собою нешуточныя тѣлесныя наказанія. Тутъ особенно сказывалась въ баринѣ военная жилка того времени.

Строгій къ «подданнымъ», Сергѣй Петровичъ не баловалъ и своихъ дѣтей, а Варвара Ивановна, — то удрученная одиннадцатою или двѣнадцатою беременностью, то забывавшаяся въ свѣтскомъ вихрѣ, — оставляла ихъ больше на попеченіи нянь и гувернантокъ, что разумѣется не было для нихъ залогомъ счастливаго дѣтства. Но ихъ въ особенности «донимали», какъ и большинство дѣтскаго поколѣнія начала XIX-го вѣка, разными воспитательными «системами». Труды Песталоцци и его учениковъ не были еще извѣстны въ то врмя большинству Русскаго образованнаго общества. Зато педагогическіе опыты М-мъ де Жанлисъ и М-мъ Кампанъ, навѣянные плохо переваренными идеями Жанъ-Жака Руссо, были въ большомъ ходу. Рядомъ съ родителями и вообще со «старшими», жившими тутъ же въ роскоши и, зачастую, въ праздности, дѣ-

ти воспитывались въ «простотѣ» пищи, одежды и въ дисциплинѣ строго распредѣленныхъ учебныхъ занятій, причемъ чаще всего преподававшіе гувернеры и гувернантки не умѣли придать ни малѣйшаго интереса своему шаблонному преподаванію. О настоящей гигіенѣ не было и рѣчи. Въ Неклюдовской семьѣ только благодаря энергичнымъ приказаніямъ Сергѣя Петровича дѣтей заставляли мыться каждое утро съ ногъ до головы свѣжей водой и посылали ежедневно и во всякую погоду гулять въ Лѣтній Садъ. Мальчиковъ сажали съ десяти лѣтъ на-конь подъ строгимъ присмотромъ отца, — что являлось для нихъ и удовольствіемъ и полезною гимнастикою. Но самымъ ненавистнымъ во всѣхъ этихъ системахъ былъ строго соблюдаемый режимъ дѣтскаго стола. Чай и кофе, со сливками и всевозможнымъ печеніемъ, которое распиливалось на глазахъ дѣтей старшими, конечно замѣнялись молокомъ и чернымъ хлѣбомъ, что дѣйствительно являлось полезнымъ для здоровья; но настоящія дѣтскія драмы начинались за 12-ти часовымъ столомъ и завершались за 5-ти часовымъ. То появлялась на свѣтъ теорія о пользѣ окровавленнаго, почти сырого мяса; нѣкоторые изъ дѣтей ненавидѣли такую говядину, но ихъ чуть не изъ подъ розги пичкали ею. Супъ, обыкновенно почему-то нелюбимый дѣтьми, долженъ былъ съѣдаться ими до-чиста; иначе не давали слѣдующихъ блюдъ. Одно время родители гдѣ-то вычитали о пользѣ овощей и въ особенности моркови, очищающихъ яко-бы кровь и дающихъ прекрасный цвѣтъ лица. И вотъ появлялись на столѣ огромныя блюда моркови, которую дѣти видѣть не могли. Въ другіе періоды находили особыя питательныя достоинства въ гречневой размазнѣ и въ овсянкѣ и ихъ начинали давать дѣтямъ ежедневно, пока наконецъ эти простыя и здоровыя блюда не противѣли имъ. Какъ то всегда бываетъ, параллельно съ неумолимою строгостью «системы» измышлялись ея жертвами и способы уклоненія отъ нея; при поверхностномъ наблюденіи гувернантокъ — большею частью пустыхъ, но добродушныхъ, и при пособничествѣ прислуги, хоронившей концы, дѣти отправляли «въ мѣста не столь отдаленныя» цѣлыя блюда моркови и рѣпы, спроваживали подъ столъ катышки сырого мя-

са, вынутые изо рта, и скармливали сосѣдскимъ собакамъ на дачѣ цѣлыя миски овсянки. При томъ - же пособіи лакеевъ по-моложе и горничныхъ по-жалостливѣе, дѣти добывали, гдѣ остатокъ кофею со сливками, гдѣ сдобное печеніе, гдѣ закусокъ и сластей изъ ближней мелочной лавки. Но конечнымъ результатомъ «режима» было положительное недоѣданіе, вредно отзывавшееся на здоровьѣ дѣтей. Мой отецъ помнилъ, какъ однажды — ровно пяти лѣтъ отъ роду, — войдя въ пустой будуаръ своей матери, онъ увидалъ любимицу ея, лавретку «Bichette», уплетающую изъ фарфоровой лоханочки свой утренній завтракъ: сливки съ накрошеннымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Не долго думая, маленькій Вася становится передъ лоханочкою на четверинки и, храбро отстранивъ ворчавшую и лаявшую Бишеттъ, вылакиваетъ съ аппетитомъ все содержимое. По несчастію его застали за этимъ занятіемъ и — больно высѣкли! Бѣдный мальчикъ особенно почувствовалъ обиду наказанія и помнилъ его, потому что этотъ злополучный день былъ именно днемъ его рожденія!

Ровно черезъ два года день этотъ принесъ ребенку совершенно другія впечатлѣнія.

14-го декабря 1825 года моему отцу минуло семь лѣтъ. Незадолго передъ этимъ онъ перенесъ опасныя болѣзни, о которыхъ я говорилъ выше, и былъ по этой причинѣ предметомъ нѣкотораго баловства со стороны родителей, особенно отца. День былъ безснѣжный, холодный и сумрачный; тѣмъ не менѣе родители повезли маленькаго Васю и одну изъ его сестеръ къ обѣднѣ, а оттуда заѣхали въ кондитерскую на Невскій, чтобы купить бисквитовъ къ праздничному дѣтскому шеколаду. По троттуарамъ толпилась гуще обыкновеннаго публика и, пока бабушка была въ кондитерской, дѣдушка, опустивъ окно кареты, спросилъ о чемъ-то одного изъ прохожихъ и, полу-

чивъ отвѣтъ, сразу сталъ нервнымъ... Въ эту минуту на рысяхъ началъ проходить мимо кареты Кавалергардскій полкъ. Дѣдушка высунулся изъ окна, и два молодыхъ офицера, изъ коихъ одинъ — его племянникъ, Василій Кутузовъ, — подъѣхали къ каретѣ, стали что-то быстро говорить Сергѣю Петровичу и затѣмъ ускакали въ догонку за своими взводами. Дѣдъ видимо переполошился. Въ эту минуту вышла изъ кондитерской бабушка и, подсаженная лакеемъ, умѣстилась въ каретѣ; «домой», сказала она человѣку, захлопнувшему дверцу, и тутъ-же дѣдушка ей что-то началъ говорить, наклонившись къ ея уху. «Ah, mon Dieu, mon Dieu!» вскричала она, всплеснувъ руками. «Пошелъ-же! Ходу!» — крикнулъ дѣдушка, высунувшись въ окно, громовымъ голосомъ кучеру. Прибывъ домой и приказавъ, чтобы карета ждала у подъѣзда, онъ, кликнувъ камердинера, быстро пробѣжалъ въ свою уборную, и, черезъ четверть часа, вышелъ оттуда въ мундирѣ, со своими боевыми орденами и при шпагѣ съ Георгіевскимъ темлякомъ. Бабушка, также выбѣжавшая на лѣстницу, звала его и о чемъ-то его молила; но дѣдъ только крикнулъ ей что-то гнѣвное и, захлопнувъ за собою самъ парадную дверь, вскочилъ въ экипажъ. «Въ Зимній Дворецъ! Ходу!» — послышался его зычный голосъ, и колеса загремѣли по промерзлой мостовой...

Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ ѣхалъ защищать своего прирожденнаго Государя.

Вечеромъ онъ вернулся и привезъ извѣстіе, что его своякъ, Василій Никаноровичъ Шеншинъ, командовавшій 1-ю бригадою 2-й Гвардейской дивизіи, тяжело раненъ заговорщиками въ казармѣ Московскаго полка и привезенъ домой почти за-мертво...

Семейство Неклюдовыхъ въ то время даже лѣтомъ никогда не ѣздило въ деревню; этому мѣшали почти ежегодные роды

бабушки, обиліе дѣтей и трудная дорога: ближайшее усадебное имѣніе Сергѣя Петровича было въ 300 верстахъ отъ столицы по дурнымъ, глинистымъ дорогамъ С.-Петербургской и Новгородской губерній. Лѣто проводили гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга на дачѣ, — разумѣется обширной, — и тамъ продолжалась обычная жизнь — свѣтская родителей и обособленная, въ дѣтскихъ и классныхъ, младшаго поколѣнія съ нянюшками, гувернантками и учительницами. Впрочемъ, судя по разсказамъ отца и тетокъ, въ Неклюдовской семьѣ жизнь дѣтей была менѣе обособлена отъ жизни родителей, нежели во многихъ другихъ семьяхъ Петербургскаго высшаго общества. Въ добрыя, но рѣдкія минуты обоюднаго согласія и хорошаго расположенія духа Сергѣй Петровичъ и Варвара Ивановна не прочь были отъ общества своихъ дѣтей, гуляли или катались съ ними, разговаривали и шутили, звали иногда въ гостинную, чтобы показывать гостямъ; но только не слѣдовало попадаться на глаза Сергѣя Петровича въ сердитую минуту, а эти минуты были часты.

Зимою, по субботамъ, въ залѣ Неклюдовскаго дома происходилъ вечерній танцклассъ, на которомъ участвовали еще нѣсколько дѣтей изъ родственныхъ и пріятельскихъ семействъ. Уроки давала извѣстная въ С.-Петербургѣ учительница, — разумѣется француженка, — которая подъ звуки фортепіано и скрипки, заставляла дѣтей выдѣлывать разные граціозные па, а затѣмъ преподавала имъ danses de Société и danses de caractère, до пресловутой «качуччи» включительно. Старшимъ дѣвочкамъ учительница показывала искусство du maintien, т. е. реверансъ простой и révérence de cour, — какъ отбрасывать ножкой придворный шлейфъ для второго реверанса направо или налѣво, какъ входить въ гостинную, и какъ при этомъ держать голову, плечи и руки и, наконецъ, какъ показывать свою грацію à la campagne, срывая либо землянику съ грядки, либо вишню съ дерева: « Le bras arrondi, Mesdemoiselles! Souvenez-vous bien - le bras arrondi!»

Къ 1830-му году въ семьѣ Неклюдовыхъ произошли коекакія перемѣны, видоизмѣнившія нѣсколько дѣтскую жизнь мо-

его отца. Во-первыхъ семья перебралась въ новый, собственный домъ на Гагаринской набережной. Къ этому времени старшая сестра отца Екатерина Сергѣевна, — красивая, умная и весьма честолюбивая, начала выѣзжать въ свѣтъ; почти тогда же старшій братъ Петръ Сергѣевичъ былъ опредѣленъ въ Михайловскій Артиллерійскій корпусъ. Петръ Сергѣевичъ родился въ 1815 году: его двойня, красивая и здоровая дѣвочка, умерла (отъ послѣдствій испуга) шести лѣтъ отъ роду; самъ же онъ, какъ это часто бываетъ у двойней, былъ ребенкомъ, а потомъ юношей очень хрупкаго здоровья, худощавымъ и слабымъ. Поразительно похожій лицомъ на своего дѣда, И. А. Нарышкина, весьма поверхностнаго ума, но веселый, забавный и иногда остроумный, онъ былъ однимъ изъ двухъ любимчиковъ своей матери, и, напротивъ того, не пользовался благосклонностью своего родителя. Слабое сложеніе и здоровье дѣлали его повидимому непригоднымъ для военной службы. Но поступленіе въ Артиллерійскій корпусъ было предложено родителямъ самимъ главнымъ попечителемъ корпуса Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который въ это самое время, въ свѣтѣ, ухаживалъ за Варварой Ивановной. Отклонить милостивое предложеніе Великаго Князя въ тѣ времена было вещью немыслимою. Года черезъ два непригодность бѣднаго Петра Сергѣевича не только къ военному ремеслу, но и къ суровому воспитанію въ корпусѣ стала настолько очевидною и для родителей и для начальства, что, съ благосклоннаго соизволенія Михаила Павловича, старшій Неклюдовъ, Петръ, былъ переведенъ, уже довольно великовозрастнымъ мальчикомъ, на младшій курсъ Царкосельскаго Лицея. Туда-же готовили и младшаго брата — Василія.

Съ 11-ти лѣтъ къ моему отцу стали ходить учителя, по тѣмъ предметамъ, которые были выше пониманія домашнихъ гувернантокъ. Гувернера у мальчиковъ Неклюдовыхъ не было, вопреки господствовавшему тогда обычаю; Сергѣй Петровичъ не любилъ «эту породу людей», — какъ онъ выражался, — и руководилъ самъ — довольно издалека впрочемъ — воспитаніемъ своихъ сыновей. Мой отецъ, будучи ребенкомъ способнымъ и прилежнымъ, успѣшно и быстро подготовился къ

вступительному экзамену и въ іюнѣ 1832 года, 13-ти лѣтъ отъ роду, принятъ былъ въ Царкосельскій Лицей, гдѣ за всѣ шесть лѣтъ курса былъ постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ ВЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ

Поступленіе въ Царкосельскій Лицей коренным образомъ переломило дѣтскую жизнь моего отца. Въ тѣ времена воспитанники жили въ Лицеѣ круглый годъ — и зиму и лѣто, — отпускаемые къ родителямъ лишь на короткія побывки. Впрочемъ моего отца и не тянуло особенно къ родительскому дому: въ Лицеѣ онъ сразу почувствовалъ себя хорошо и пріятно, и шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этомъ, въ тѣ времена дѣйствительно учебномъ и воспитательномъ заведеніи, оставили моему отцу на всю жизнь добрыя и свѣтлыя воспоминанія.

Лицей состоялъ въ то время подъ верховнымъ попечительствомъ Великаго Князя Михаила Павловича; но сей послѣдній, охотно занимавшійся военно-учебными заведеніями, коихъ онъ состоялъ Главнымъ Начальникомъ, не особенно жаловалъ Царкосельскій Лицей, разсадникъ «штатскихъ», и весьма рѣдко туда заглядывалъ. Напротивъ того, Императоръ Николай І-й, во время лѣтнихъ пребываній Двора въ Царскомъ Селѣ, часто посѣщалъ Лицей, игралъ съ малышами, какъ игралъ въ Петергофѣ съ младшими кадетами, и внушалъ воспитанникамъ страхъ, смѣшанный съ любовью и преданностью. Когда въ Царкосельскомъ дворцѣ происходили придворныя празднества, — воспитанники Лицея замѣняли собою пажей и охотно продѣлывали при этомъ разныя пажескія шалости:

любимою было при разъѣздѣ, въ сѣняхъ дворца, шнырять между отъѣзжавшими гостями и незамѣтно продѣвать сквозь верхнее ихъ платье иглу съ длиннѣйшею и крѣпкою суровою нитью. Происходили разумѣется смѣшныя сцены между невольно сцѣплявшимися «особами обоего пола», пока, наконецъ, какой нибудь бывалый офицеръ не разрывалъ нитки и не вытаскивалъ ее на свѣтъ Божій.

Въ августѣ 1834 года, воспитанники Александровскаго Лицея, основаннаго, какъ извѣстно Александромъ I-мъ, были « in corpore » привезены въ Петербургъ, чтобы участвовать, на Дворцовой площади, при открытіи и освященіи Александровской Колонны. Зрѣлище было величественное: парадъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ по выправкѣ войскъ: величіе открывшагося изъ-подъ упавшей завѣсы памятника; замѣтно ощущавшійся общій подъемъ духа присутствовавшихъ, — все это глубоко подѣйствовало на юныхъ лицеистовъ. Отецъ до старости хранилъ воспоминаніе о великолѣпно-внушительномъ командованіи всѣмъ парадомъ Николая I-го. Каждое слово команды было явственно слышно по всей площади, но казалось, что Государь вовсе не возвышаетъ своего голоса; только нѣсколько поблѣднѣвшее лице его показывало усиліе.

Преподованіе было поставлено въ Лицеѣ, по тому времени, очень хорошо. Латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій проходились основательно, причемъ обращалось должное вниманіе и на практику иностранныхъ языковъ. Преподаваніе математики было прекрасное и серіозное. На русскую грамоту, на русскія сочиненія и на отечественную словесность обращалось самое тщательное вниманіе. Пушкинскія преданія были живы въ Царкосельскомъ Лицеѣ, и сами воспитанники — особенно старшаго курса — любили щеголять хорошимъ слогомъ, слѣдили за новинками русской литературы, а нѣкоторые пописывали и стихи.

Но въ особенности живъ былъ въ Лицеѣ того времени тотъ духъ любви къ родинѣ и русскаго самосознанія, который

какъ разъ во время нахожденія моего отца въ Лицеѣ, т. е. между 1832 и 1838 годами находилъ себѣ такое пластическое выраженіе во второмъ — и увы, послѣднемъ — періодѣ творчества Пушкина. Мой отецъ и всѣ Лицеисты того времени, коихъ мнѣ приводилось знавать впослѣдствіи, оставались до конца вѣрными этому духу преданности Царю, ревнивой любви къ Россіи, стремленію упорядочить и облагородить елико возможно жизненный строй своей Родины; служебный долгъ, служба Царю и Россіи были для нихъ не пустыми словами.

Изъ ближайшихъ товарищей моего отца, такъ называемыхъ «однокашниковъ», не особенно многіе выдались впослѣдствіи на служебномъ поприщѣ. Первымъ ученикомъ за все время былъ Константинъ Степановичъ Веселовскій, — впослѣдствіи Непремѣнный Секретарь Академіи Наукъ и академикъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Подобно Вальховскому, первому ученику Пушкинскаго выпуска, и Веселовскій «спартанскою душой плѣнялъ» своихъ товарищей. Привезенный въ Лицей изъ провинціи какимъ-то дядей, который съ этой минуты и не заглядывалъ болѣе въ Петербургъ и въ Лицей, безъ состоянія, безъ карманныхъ денегъ, живя исключительно на казенномъ иждивеніи, онъ съумѣлъ всетаки внушить уваженіе и любовь къ себѣ болѣе избалованнымъ судьбою сверстникамъ своимъ прямымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ характеромъ.

Изъ другихъ товарищей вышелъ въ люди и составилъ себѣ имя только Николай Карловичъ Гирсъ, котораго товарищи любили за милый нравъ и прозвали «бѣленькимъ барашкомъ» за его бѣлокурые завитые волосики, но о коемъ никто никогда не думалъ, какъ о будущемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Напротивъ того, Александръ Карловичъ Гирсъ, на два курса старше брата, считался товарищами за выдающійся умъ, и ему предрекалась большая карьера; онъ, однако, не пошелъ далѣе товарища министра финансовъ и сенатора. Насколько я лично знавалъ Николая Карловича Гирса, бывшаго въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ моей службы моимъ верховнымъ и отдаленнымъ начальникомъ, — это былъ человѣкъ, если и не выспреннихъ способностей, то безусловно осмо-

трительный, совѣстливый въ работѣ и, во всѣхъ отношеніяхъ, чистый. Царямъ, коимъ онъ послѣдовательно служилъ, онъ былъ преданъ дѣйствительно всей душой, и никогда, рѣшительно никогда не заботился о своей репутаціи, о прославленіи своей личности и своего имени, а исключительно о томъ, что считалъ долгомъ своимъ и пользою для отечества; но самое «вѣдомство» Иностранныхъ Дѣлъ онъ, къ сожалѣнію, порядочно таки развратилъ своею неизмѣнною и непомѣрною добротою; онъ остался «бѣленькимъ барашкомъ» тамъ, гдѣ слѣдовало быть овчаркою, — да еще какою!

Директоромъ Лицея былъ въ то время пожилой генералъ Гольтгоеръ, замѣчательно благородный, добрый, — чуточку слишкомъ добрый, — человѣкъ, отечески заботившійся о своихъ воспитанникахъ, которые платили ему глубокимъ почтеніемъ и искреннею любовью, хотя не прочь были иногда потѣшиться надъ нимъ и попользоваться его добротою.

Матеріальныя условія воспитанія были съ одной стороны, превосходны: прекрасное помѣщеніе въ одномъ изъ корпусовъ Большого Царкосельскаго Дворца, весь паркъ котораго былъ въ распоряженіи воспитанниковъ, когда Дворъ не былъ въ Царскомъ; игры на воздухѣ цѣлый годъ, зимою катанье на конькахъ на льду Царкосельскаго озера, лѣтомъ прогулки пѣшкомъ въ Павловскъ, Баблово и вообще по окрестностямъ. Но, съ другой стороны, и въ Лицеѣ сказывался непростительный недостатокъ почти всѣхъ нашихъ воспитательныхъ учрежденій того времени, — да и позже, — а именно, очень плохой, а иногда даже и скудный столъ. Главная тому причина лежала въ недостаточной ассигновкѣ средствъ на этотъ предметъ: Лицей жилъ еще по штатамъ 1811-го года, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ покупная цѣнность русскихъ денегъ (счетъ былъ на ассигнаціи) сильно упала, или, — что то же самое, — цѣны на припасы даже первой необходимости быстро и въ значительной мѣрѣ возросли. Но, кромѣ того, генералъ Гольтгоеръ, при всемъ своемъ усердіи, не умѣлъ быть достаточно строгимъ съ подчиненными, и тогдашній экономъ Лицея пользовался этимъ и изъ скуднаго бюджета клалъ себѣ въ карманъ «не по чину». Какъ бы то ни было, Лицейскій столъ во времена

моего отца былъ изъ рукъ вонъ плохъ, продукты часто не свѣжи, и воспитанники, оставляя подчасъ почти нетронутыми свой обѣдъ и ужинъ, питались разными колбасами и сырами сомнительнаго качества, которые доставляли имъ за должную мзду услужливые дядьки, или-же дѣлили между собой пирожки и сласти, приносившіеся въ пріемный день болѣе балованнымъ товарищамъ родителями и родственниками. Въ сущности для моего отца продолжался «режимъ» родительскаго дома, режимъ, который не могъ конечно укрѣпить его здоровья.

На старшемъ курсѣ, — тогда курсовъ было всего четыре и на каждомъ оставались по полтора года, — воспитанники получали шпаги, а уроки у нихъ замѣнялись лекціями, чтеніе коихъ поручалось извѣстнымъ Петербургскимъ профессорамъ. Въ памяти отца запечатлѣлись особенно благопріятно курсы политической экономіи и статистики, читавшіеся профессоромъ Ивановскимъ и курсъ исторіи проф. Кайданова. Приглашались въ Лицей и экстренные лекторы. Такъ напримѣръ моему отцу и его товарищамъ прочитанъ былъ курсъ новой нѣмецкой литературы очень извѣстною въ то время путешественницею и писательницею баронессою Ханъ-ханъ. Она читала по-нѣмецки, очень содержательно, съ большимъ подъемомъ и краснорѣчіемъ; полному эффекту мѣшала лишь одна, совершенно посторонняя, но непріятная для слушателей подробность: бѣдная баронесса за время своихъ дальнихъ и продолжительныхъ странствованій по бѣлому свѣту подверглась гдѣ-то несчастному случаю, изуродовавшему ея лицо!

Въ силу установившихся царкосельскихъ преданій, между воспитанниками старшаго курса и молодыми офицерами Лейбъ - гусарскаго полка существовало нѣчто вродѣ товарищескихъ отношеній; многіе изъ офицеровъ полка были бывшими Лицеистами, или имѣли въ числѣ воспитанниковъ Лицея близкихъ родственниковъ; ихъ часто видали гуляющими вмѣстѣ по парку и Лицеисты принимали порою и тайкомъ участіе въ лейбъ-гусарскихъ домашнихъ пирушкахъ. Подъ вліяніемъ этого товарищества мой отецъ, который къ тому-же лихо ѣздилъ верхомъ, порывался было и самъ поступить, по

выходѣ изъ Лицея, въ Лейбъ-Гусары; но мечта эта съ перваго же абцуга разбилась о грозный окрикъ дѣдушки, не хотѣвшаго и слышать объ этомъ. Онъ былъ совершенно правъ: у отца не было ни достаточно состоянія, ни достаточно здоровья, чтобы служить въ самомъ дорогомъ и самомъ «кутежномъ» изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ; къ тому-же Сергѣй Петровичъ предопредѣлилъ своего сына къ службѣ гражданской, а его рѣшеніе было — закономъ.

Имя Пушкина, который тогда былъ въ полномъ расцвѣтѣ своего генія, служило, какъ я уже сказалъ выше, какъ бы сіяющимъ маякомъ для воспитанниковъ Лицея. Моему отцу довелось трижды видѣть поэта, о которомъ онъ такъ много слышалъ еще дома и произведеніями коего такъ восторгался съ тѣхъ поръ; и эти три встрѣчи оставили въ немъ на всю жизнь неизгладимое воспоминаніе.

Первая встрѣча была въ 1831 году. Мой отецъ, уже выдержавшій экзаменъ въ Лицей и его старшій братъ, котораго также собирались туда перевести изъ Артиллерійскаго корпуса, посланы были родителями съ поздравленіями по случаю какого то праздника къ старушкѣ Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской (рожденой Разумовской), родственницѣ бабушки. Это была та самая «вельможная тетушка» Загряжская, которая въ началѣ семейной жизни Пушкиныхъ оказала такое сердечное покровительство поэту; она его искренно полюбила и самъ онъ цѣнилъ и уважалъ ее несравненно выше остальной родни своей жены*). Пушкинъ въ этотъ день дѣлалъ пер-

*) Она скончалась въ преклонной старости года черезъ два послѣ свадьбы Пушкиныхъ. У деверя ея, Ивана Александровича Загряжскаго была одна воспитанница, Наталія Ивановна Гончарова, мать Наталіи ~~Александровны~~ Пушкиной, и двѣ дочери: Софья Ивановна, вышедшая за графа Xavier de Maistre'a (брата графа Joseph de Maistre'a) и Екатерина Ивановна — фрейлина, дѣвица, также очень покровительствовавшая своей племянницѣ Пушкиной.

вый визитъ тетушкѣ своей невѣсты, и обласканный доброю и умною старушкою, старался видимо и самъ произвести на нее благопріятное впечатлѣніе; онъ былъ веселъ, остеръ, блестящъ, и некрасивое, но характерное лицо его освѣщалось прелестною, почти ребяческою улыбкою. Отецъ мой не сводилъ съ него глазъ и пилъ каждое его слово. Когда Пушкинъ узналъ, что находившіеся передъ нимъ мальчики поступаютъ въ Лицей, то онъ сталъ еще привѣтливѣе и началъ разсказывать имъ всевозможныя забавныя вещи о Лицейской жизни, былыхъ лицейскихъ шалостяхъ, наставникахъ, товарищахъ и тому подобное. Отецъ мой вернулся домой въ восторгѣ отъ «знаменитаго» и очаровательнаго Пушкина и мечталъ, какъ бы опять съ нимъ встрѣтиться. Мечта эта исполнилась черезъ годъ съ небольшимъ въ Царскомъ. Молодые Пушкины, встрѣчавшіеся съ Неклюдовыми въ свѣтѣ и у общей тетушки Загряжской, пріѣхали къ нимъ на дачу съ визитомъ. Юный лицеистъ — мой отецъ — былъ, на свое счастье, — отпущенъ въ этотъ самый день, — очевидно праздничный — къ родителямъ и находился дома. Тутъ Пушкинъ такъ «разошелся» со своимъ юнымъ «товарищемъ», — мальчикомъ умнымъ и рѣзвымъ,, — поднялъ такую возню съ нимъ и съ его двумя младшими сестрами, вызванными «на показъ» къ гостямъ, что даже бабушка разсмѣялась и лишь появленіе Сергѣя Петровича прекратило этотъ дебошъ. Впрочемъ дѣдъ отнесся къ представившемуся ему зрѣлищу довольно милостиво; онъ любилъ Пушкина, съ которымъ часто встрѣчался въ «умномъ» салонѣ графини Моденъ (рожденой Салтыковой), любилъ за его дворянское самолюбіе, нашедшее себѣ выраженіе въ его извѣстной «родословной — «Мой дѣдъ не торговалъ блинами» и т. д., за неподатливость передъ свѣтскимъ и чиновнымъ снобизмомъ разныхъ «выскочекъ» и спѣсивцевъ и за патріотизмъ и преданность Царю зрѣлаго періода его жизни и творчества, — чувства, выразившіяся особенно сильно и пластично въ знаменитыхъ стансахъ: «Въ надеждѣ славы и добра...». Къ тому-же А. С. Пушкинъ приходился Сергѣю Петровичу Неклюдову — какъ ни какъ — родственникомъ по пресловутому Радшѣ; а это для моего дѣда кое-что да значило!

Послѣ этого памятнаго дня и до поступленія на старшій курсъ, моему отцу такъ и не довелось снова встрѣтиться съ идоломъ Лицея и своимъ идоломъ, имя коего становилось все знаменитѣе и все любезнѣе по всему необъятному пространству Россіи.

Въ пасмурное утро 1-го февраля 1837 года воспитанники старшаго курса Александровскаго Лицея разбужены были задолго до-свѣту своими воспитателями и, облеченные въ мундиры и тщательно осмотрѣнные, — все ли по формѣ, — собраны были въ залъ, гдѣ генералъ Гольтгоеръ грустнымъ голосомъ объявилъ имъ, что Пушкинъ «скоропостижно» скончался и что ихъ тотчасъ, по Высочайшему повелѣнію, повезутъ въ Петербургъ, чтобы присутствовать при погребеніи прославившаго Лицей поэта; вѣсть эта произвела на юношей глубокое впечатлѣніе; многіе прослезились и всѣ уныло разсѣлись съ директоромъ и кое - кѣмъ изъ воспитателей и профессоровъ въ нѣсколько большихъ саней... Начальство Лицея, конечно уже второй день знало о поединкѣ и о кончинѣ Пушкина; но оно получило приказаніе тщательно скрывать эти вѣсти до послѣдней минуты отъ воспитанниковъ; такова ужъ была въ то время общая система — замалчивать елико возможно всякія непріятныя или могущія произвести малѣйшее возбужденіе вѣсти! По прибытіи въ Петербургъ, лицеистовъ привезли сначала во дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича, гдѣ ихъ напоили чаемъ и снова тщательно осмотрѣли; оттуда ихъ повели въ церковь Конюшеннаго Вѣдомства, гдѣ имъ разрѣшено было проститься съ усопшимъ, послѣ чего четверо воспитанниковъ, по очереди смѣнявшихся, стали на дежурство у гроба. Моего отца, какъ и многихъ другихъ его товарищей, поразило глубоко - скорбное выраженіе изможденнаго страданіями, воскового, съ рѣзкими черными тѣнями, лица поэта. Видно было, что не малою цѣною было куплено успокоеніе послѣдняго вздоха и что тяжелая, неотвязчивая дума еще при жизни избороздила это характерное лицо, которое мой отецъ такъ живо помнилъ освѣщеннымъ искрящеюся, почти ребяческою веселостью...

Черезъ нѣсколько дней лицеисты старшаго курса уже

знали всѣ подробности поединка и смерти поэта и на расхвать читали, — конечно тайкомъ отъ начальства, — знаменитые стихи Лермонтова «На смерть Пушкина», рукописный списокъ коихъ одинъ изъ воспитанниковъ получилъ отъ своего брата, лейбъ-гусара. Конечно, среди молодыхъ лицеистовъ негодующія строфы произвели огромное впечатлѣніе. Но что удивило моего отца, — это, что при первомъ же посѣщеніи имъ родительскаго дома, Сергѣй Петровичъ самъ досталъ изъ своего письменнаго стола списокъ стихотворенія Лермонтова и прочелъ его, съ большимъ чувствомъ, сыну; и особенно подчеркнулъ при этомъ матерой баринъ послѣднюю строфу: «А вы, надменные потомки», и т. д. «Tu sais, — обратился онъ въ заключеніе къ сыну, que l'on a envoyé ce polisson de Lermontoff au Caucase? et on a très bien fait... Mais c'est égal: il y a, hélas, beaucoup de vrai là-dedans, et les vers sont beaux!»

Атавизмъ стариннаго, но незнатнаго дворянскаго рода сказывался безсознательно въ эту минуту въ дѣдушкѣ Сергѣѣ Петровичѣ. — Накипь обидъ, перенесенныхъ въ давнія времена отъ богатыхъ, родовитыхъ, тѣсно обступившихъ Тронъ бояръ и князей, пережила и безпощадно уравнительную работу Петра I-го и даже возведеніе Екатериною II-ю всего «благороднаго» дворянства на небывалую дотолѣ вышину правъ и почестей. Фаворъ и необычайное размноженіе «на верхахъ» разныхъ иностранныхъ выходцевъ и власть и спесь «случайныхъ людей» растравили вновь старыя, недавно зажившія раны; и даже такіе дворяне, которые, какъ мой дѣдъ, — и по достатку своему, и по связямъ, и по свѣтскому лоску, — мнили себя равными съ кѣмъ бы то ни было изъ столичной знати, — любили повторять за Пушкинымъ:

«Мой дѣдъ не торговалъ блинами,
«Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
«Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
«Не ваксилъ царскихъ сапоговъ;
«И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
«Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ:

«Я не рожденъ аристократомъ,
«Я просто русскій мѣщанинъ!»

Добросовѣстный изслѣдователь русскаго прошлаго не долженъ упускать изъ виду этого историческаго явленія: антагонизма рядового дворянства по отношенію къ княжеской и боярской знати. Безъ этого нельзя понять какъ слѣдуетъ ни опричнины, ни Царя Бориса и Смутнаго времени, ни причинъ прочнаго водворенія первыхъ Романовыхъ, ни успѣха крутыхъ реформъ Петра, ни «Екатерининской славы», ни нарожденія «дворянской оппозиціи» при Александрѣ Первомъ и Николаѣ, когда осѣлъ вокругъ Престола новый слой придворной аристократіи.

Въ то время, какъ отецъ мой оканчивалъ Царкосельскій Лицей, Николай I былъ въ расцвѣтѣ своей красоты, своей мощи и своего обаянія. Восемь лѣтъ передъ тѣмъ война съ Турціею, встрѣченная безусловнымъ одобреніемъ всего общественнаго мнѣнія Россіи, закончена была блестящими побѣдами. А въ 1833 году русскій флотъ и войска приходили «къ вратамъ Цареграда», какъ спасители и союзники. Польское возстаніе 1831 года, породившее въ Россіи приливъ небывалаго еще чисто-національнаго возбужденія, было подавлено, и Варшава взята паки приступомъ. Холера того же года дала случай Императору выказать спокойное мужество и умѣнье справляться съ неожиданными бѣдствіями. Ясно чувствовалось, — послѣ сумеречнаго и какъ бы разслабленнаго заключительнаго періода Александровскаго царствованія, — что Россіею правитъ твердая рука, — быть можетъ и черезчуръ сурово и безъ выспреннихъ идеаловъ, но и безъ капризныхъ и трудно уловимыхъ перемѣнъ настроеній и цѣлей. Въ высшія и низшія присутственныя мѣста введенъ былъ по крайней мѣрѣ внѣшній порядокъ и опредѣленный строй. Созидался, подъ руководствомъ Сперанскаго, Сводъ Законовъ Имперіи, — тотъ необходимый

с в о д ъ, безъ котораго шаткимъ оказывалось дотолѣ всякое государственное зодчество. Назрѣвали хотя и частичныя, но дѣльныя реформы въ области внутренняго управленія. Нарождалась впервые, подъ покровительствомъ Верховной власти, крупная промышленность. Россія начинала ощутительно богатѣть.

Молодые люди, кончавшіе въ этотъ годъ Лицей и выходившіе въ люди, чувствовали этотъ упорядоченный и въ опредѣленныя — хотя быть можетъ и нѣсколько тѣсныя — рамки направленный подъемъ жизненныхъ силъ своей родины. Они съ минуты поступленія своего на государственную службу, знали, чего хочетъ и чего н е хочетъ Верховная власть. Главныя хотѣнія этой твердой Царской власти были: искорененіе взятокъ и всякихъ злоупотребленій чиновничества, ограниченіе злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, сближеніе правящаго слоя общества съ предполагаемыми понятіями своеобразной, косной народной гущи; Православіе, Самодержавіе, Народность. И въ духѣ этихъ понятій воспитывалась въ казенныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ подраставшая молодежь.

Можно безошибочно утверждать, что до 1848 года значительное большинство русскаго образованнаго общества было съ Николаемъ I-мъ, и что дѣятели государственные и народные, осуществлявшіе въ зрѣлыхъ лѣтахъ реформы Александра II-го, были въ молодости своей, т. е. въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX-го вѣка, искренно преданы строгому, но озабоченному благоденствіемъ Россіи Царю, отъ твердой воли коего они ожидали осуществленія своихъ благихъ пожеланій и намѣченныхъ работъ. И когда Пушкинъ говорилъ «Увижу-ль, наконецъ, народъ освобожденный и рабство, павшее по манію Царя?», онъ подъ «Царемъ» подразумѣвалъ никого иного, какъ именно Николая I-го.

Мой отецъ, оставшійся до конца жизни вѣрнымъ почитателемъ памяти Николая, говаривалъ, что одного онъ не прощаетъ пресловутымъ Декабристамъ, — съ коими такъ носились въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ, — это, что они своимъ безразсуднымъ выступленіемъ испортили въ корнѣ цар-

ствованіе, которое, — не будь злополучнаго дня 14-го декабря 1825 года, — было бы царствованіемъ безусловно славнымъ и полезнымъ для Россіи. Николай I-й, свободный отъ постояннаго и болѣзненнаго опасенія революціи и бунта, отъ приливовъ кроваваго тумана, затемнявшаго его сужденіе и очерствлявшаго его сердце лишь только революціонное знамя появлялось и торжествовало гдѣ нибудь въ Европѣ, лишь только доходила вѣсть о какомъ нибудь «бунтѣ» въ Россіи, — Николай, по мнѣнію моего отца, осуществилъ бы дѣльнѣе, спокойнѣе и послѣдовательнѣе тѣ реформы, коими прославлено было царствованіе Александра II-го и изъ коихъ неотложно необходимыми были уже къ сороковымъ годамъ — обновленіе Правосудія и освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ.

Принадлежа къ другому поколѣнію и окруженный съ дѣтства иными вліяніями и настроеніями, я, —хотя конечно и не смѣлъ спорить съ моимъ отцомъ, — но въ тайникѣ души не раздѣлялъ вышеизложенныхъ мнѣній, критикуя въ Николаѣ Первомъ его, въ сущности, ограниченный умъ, узость его міровоззрѣнія и ужасавшую меня жестокость нѣкоторыхъ проявленій его строгости и, напротивъ того, слабость по отношенію къ нѣкоторымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Къ тому-же въ мои отроческіе и юношескіе годы принято было думать, что побѣда идей, одушевлявшихъ выступленіе 14-го декабря, подвинула бы на тридцать лѣтъ подъемъ Россіи, что крѣпостное право было бы тогда же отмѣнено, ужасныя тѣлесныя наказанія изглажены изъ русской памяти, и т. д.

Потрясающій опытъ нынѣшняго крушенія моей родины служитъ запоздалымъ, но осязательнымъ, увы, и неопровержимымъ отвѣтомъ на эти историческія иллюзіи; теперь для каждаго , сколько нибудь добросовѣстнаго ума ясно, что, одержи въ 1825 году побѣду военное «пронунсіаменто» Декабристовъ, и въ Россіи черезъ полгода либо вспыхнула бы безсмысленная и жестокая Пугачевщина, либо установилась бы желѣзная диктатура военныхъ вожаковъ возстанія съ Пестелемъ и Муравьевыми во главѣ.

Съ другой стороны исторія самихъ реформъ Александра

II-го показываетъ, что правленіе строгаго отца его не было только отрицательнымъ въ смыслѣ смягченія и облагороженія русскаго строя и русскихъ порядковъ. Избитою истиною, напримѣръ, является утвержденіе, что въ Россіи, до 1864 года, трудно и даже почти невозможно было найти правосудія; что суды уголовные были только жестоки, а суды гражданскіе — сплошь подкупны и лицепріятны; и въ этихъ отзывахъ дѣйствитльно была правда. Но вотъ появляется новое Судебное Уложеніе, — и немедленно, съ мѣста, исчезаютъ вопіющія злоупотребленія и волокиты суда гражданскаго, а уголовные суды становятся изъ жестокихъ — даже черезчуръ мягкими. Какимъ образомъ могло произойти такое мгновенное, волшебное превращеніе? А вотъ какимъ: въ долгое Николаевское царствованіе поставлены были заданія праваго и строго оформленнаго суда, — если и не слишкомъ «скораго» и не преувеличенно «милостиваго». И одновременно съ симъ тщательно воспитанъ былъ рядъ поколѣній молодыхъ юристовъ, наводнившихъ мало-по-малу, и канцелярію Сената и Министерство Юстиціи, и провинціальную Прокуратуру, и Судебные Палаты, къ тому времени, когда приспѣла великая реформа. И эти юристы вышли не только изъ университетовъ, — университетовъ временъ графовъ Уваровыхъ и Строгановыхъ, не забудемъ сказать, — но и изъ Александровскаго Лицея и изъ Училища Правовѣдѣнія, — этого излюбленнаго дѣтища самого Николая I-го.

Я счелъ нелишнимъ привести здѣсь эти краткія «историческія справки», ибо онѣ могутъ пролить лишній свѣтъ на личность моего отца и на окружавшія его молодость настроенія.

Приближался уже выпускъ старшаго курса Лицея, къ коему принадлежалъ мой отецъ, когда чуть было не стряслась надъ этимъ курсомъ бѣда...

Я уже говорилъ выше, что воспитанники Лицея имѣли всѣ основанія быть крайне недовольными своимъ столомъ и обвиняли въ этомъ главнымъ образомъ Лицейскаго эконома. На этой почвѣ разыгралась шаблонная, по тѣмъ временамъ, «исторія», не стоившая въ сущности выѣденнаго яйца, но которая тѣмъ не менѣе могла печально кончиться для ея участниковъ. Однимъ изъ любимыхъ кушаній Лицеистовъ была гречневая каша со сливочнымъ масломъ, но конечно при условіи, чтобы и каша была сварена, какъ слѣдуетъ, и масло было бы хоть приблизительно свѣжее. Но за послѣднія передъ праздничнымъ роспускомъ недѣли и каша начала отдавать затхлымъ и масло оказалось прогорьклымъ. Рѣшили проучить эконома. И вотъ, когда вновь подана была неудобосъѣдобная каша, всѣ курсы громкими голосами потребовали въ столовую эконома и, лишь только онъ появился, закидали его комками клейкой каши и горькаго масла, да такъ закидали, что злополучный экономъ отъ испуга и отъ ожоговъ долженъ былъ слечь на нѣсколько дней въ постель. Старшій курсъ не принималъ участія въ бомбардировкѣ, но преградилъ всякое отступленіе эконому, сдвинувъ разомъ свой столъ вкось и заставивъ проходъ къ дверямъ. Такимъ образомъ старшіе оказались соучастниками происшедшаго, между тѣмъ какъ ихъ долгъ былъ успокоить младшихъ и недопустить безпорядка въ столовой.

Происшествіе оказалось настолько крупнымъ, что директору пришлось волей - неволей донести объ немъ Главноначальствующему — Великому Князю Михаилу Павловичу. Его Высочество, недолюбливавшій, какъ я сказалъ выше, Лицей, взглянулъ на дѣло крайне строго и тотчасъ-же откомандировалъ дежурнаго при себѣ генерала, чтобы произвести строжайшее разслѣдованіе происшедшаго «бунта» воспитанниковъ. Генералъ (фамилію коего я не припомню) допросилъ всѣхъ, кого слѣдуетъ, и затѣмъ, приказавъ собрать весь Лицей въ Актовомъ залѣ, объявилъ воспитанникамъ, что они понесутъ

вскорѣ заслуженную и суровую кару, а затѣмъ, обращаясь къ Гольтгоеру, сказалъ ему: «генералъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества, вы арестованы; благоволите дать мнѣ вашу шпагу!» — Старикъ молча повиновался. Но тутъ произошло нѣчто мало обыденное: всѣ воспитанники старшаго курса, забывъ совершенно о себѣ самихъ, кинулись какъ одинъ человѣкъ къ своему директору: нѣкоторые цѣловали ему руки, многіе плакали, и всѣ просили у него прощенія въ томъ, что своимъ поведеніемъ они подвергли его, стараго безупречнаго офицера и генерала, аресту. Гольтгоеръ разрыдался; генералъ, посланный Великимъ Княземъ и оказавшійся, повидимому, человѣкомъ порядочнымъ и добрымъ, самъ былъ глубоко растроганъ этой сценой и, вернувшись во дворецъ со шпагою Гольтгоера, немедленно и съ чувствомъ донесъ Михаилу Павловичу обо всемъ происшедшемъ. Великій Князь, у котораго было всетаки доброе сердце, услышавъ разсказъ своего довѣреннаго посланца, смягчился и обратилъ гнѣвъ на милость. На другое утро Гольтгоеру отдана была такъ же торжественно его шпага во вниманіе къ тѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыя онъ съумѣлъ внушить своимъ питомцамъ, а этимъ послѣднимъ объявлено, что Его Императорское Высочество, освѣдомившись о выказанномъ ими чистосердечномъ раскаяніи, смягчилъ тотъ приговоръ, который онъ собирался было произнести, и милостиво уменьшаетъ до крайней степени предполагавшіяся наказанія и взысканія. Три младшихъ курса отдѣлались заключеніемъ кое-кого изъ воспитанниковъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду и лишеніемъ остальныхъ рождественскаго отпуска; а на старшемъ, выпускномъ курсѣ были понижены на одну степень награды и выпущены на службу однимъ чиномъ ниже тѣ изъ воспитанниковъ, которые за всѣ полтора года пребыванія на курсѣ имѣли бы хоть разъ менѣе 12-ти балловъ за поведеніе. Генералъ Гольтгоеръ былъ конечно оставленъ во главѣ лицея.

Такъ благополучно кончилась «исторія» съ кашей и масломъ.

Въ іюнѣ 1838 года мой отецъ, 19-ти лѣтъ отъ роду, выпущенъ былъ изъ Царкосельскаго Лицея на службу девятымъ

классомъ и съ награжденіемъ бронзовою медалью вмѣсто серебряной.

Передъ нимъ широко открывалось жизненное, служебное и свѣтское поприще.

Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ
въ молодости
(снимокъ съ портрета карандашомъ)

ГЛАВА IX

ПЕРВЫЕ ГОДЫ МОЛОДОСТИ МОЕГО ОТЦА по выпускѣ изъ Лицея. — Свѣтская жизнь. — Родственный кругъ. — Первые шаги на службѣ. — Переходъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. — Весною 1843 года мой отецъ отъѣзжаетъ въ Аѳины.

Свѣтъ, въ который вступалъ мой отецъ въ 1838-мъ году, былъ тотъ самый Петербургскій свѣтъ, который такъ привлекалъ Пушкина и, въ концѣ концовъ, съѣлъ великаго поэта; то высшее столичное и придворное общество, которое съ такимъ ожесточеніемъ клеймилъ Лермонтовъ, старавшійся въ то же время завоевать въ немъ особое мѣсто и положеніе, и притомъ не въ качествѣ поэта, а въ качествѣ богатаго лейбъ-гусара. Этотъ «свѣтъ» былъ, — какъ и всегда и повсюду, — средоточіемъ блеска и потемковъ, роскоши и убожества, утонченной вѣжливости и грубой спеси; къ лучамъ его стремились всѣ чаявшіе удовольствія и всѣ жаждавшіе успѣха и власти, то воспитываясь, то развращаясь въ его круговоротѣ и относясь къ нему, — къ этому содержательному и пустому, привѣтливому и холодному, ласкающему и жестокому свѣту, — то съ безстрастною критикою уравновѣшеннаго ума, то съ подобострастнымъ обожаніемъ наивности или искательства, то съ негодованіемъ и осужденіемъ, какъ къ источнику «обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній»; а чаще всего со всѣми этими чувствами въ перемежку и по-очередно, смотря по настроенію минуты и по сознанію цѣнности своей собственной особы на торжищѣ мірской суеты и мірского тщеславія.

Средоточіемъ Петербургскаго свѣта служилъ, разумѣется, Императорскій Дворъ, или, проще сказать, величавая и властная фигура Николая I-го, который въ сущности давалъ тонъ жизни, обиходу и обрядамъ высшаго общества своей столицы, требуя отъ этого общества прежде всего дисциплины, пре-

слѣдуя въ его средѣ всякую черезчуръ откровенную выставку порока, не жалуя слишкомъ независимыхъ оригиналовъ и строптивыхъ чудаковъ, но отличая всякое проявленіе щедрости, закономѣрной пышности, художественнаго вкуса, — какъ необходимое украшеніе вѣнца того зданія Императорской Россіи, которое мнилъ онъ воздвигнуть на неуклонномъ фундаментѣ службы Царству, повиновенія Царю и сообразованія частной жизни всѣхъ и каждаго съ требованіями и интересами государственнаго порядка.

Какъ Октавій Августъ и какъ Людовикъ XIV-й, Николай радъ былъ видѣть и увидѣлъ въ теченіи своего царствованія расцвѣтъ золотого вѣка русской словесности; какъ Августъ пожелалъ онъ, принявъ Петербургъ кирпичнымъ и деревяннымъ, оставить его если не мраморнымъ, то гранитнымъ и бронзовымъ; какъ творецъ Версаля, хотѣлъ и онъ сдѣлать изъ высшаго общества своей Имперіи изящное, въ мѣру утонченное, но прежде всего послушное орудіе въ своихъ царственныхъ рукахъ. Онъ и успѣлъ въ значительной мѣрѣ въ этихъ своихъ начинаніяхъ. Правда, что отъ величественныхъ построекъ Николаевскаго Петербурга вѣетъ подчасъ холодомъ и сухостью чрезмѣрно строгаго заданія; правда и то, что свѣтскія собранія и празднества той эпохи напоминали скорѣе «однообразную красивость потѣшныхъ Марсовыхъ полей», т. е., говоря попросту, разводъ Лейбъ-Егерей или Конной Гвардіи, нежели непринужденное времяпрепровожденіе лицъ одного и того же общественнаго круга. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что Николай I-й наложилъ на свою столицу печать цѣльности и стройности, которая и понынѣ составляетъ главную красу Петербурга; а Петербургскій свѣтъ Николаевскихъ временъ оставилъ въ участникахъ его жизни и его обрядовъ неизгладимое воспоминаніе той-же цѣльности, той-же стройности и строгой сдержанности, которыя исчезли впослѣдствіи, вытѣсненныя легкомысленною безцеремонностью, подчасъ разнузданностью и утратою общепризнанныхъ правилъ, понятій и настроеній.

Вокругъ красиваго, строгаго и властнаго облика Царя, служившаго, какъ я уже сказалъ, средоточіемъ столичному свѣ-

ту, стояла на виду у всѣхъ, — умножаясь съ каждымъ годомъ, — Императорская Фамилія. То были: въ мѣру чопорная, но безусловно добрая, всецѣло преданная своему царственному и семейному долгу, обаятельная въ своей нѣсколько поблекшей красотѣ Государыня Александра Ѳеодоровна; братъ Государя — Михаилъ Павловичъ со своею, довольно видною и очень умною женою, В. К. Еленою Павловною, и тремя дочерьми; и старшіе сыновья и дочери Царской четы, — на подборъ красивые, стройные, умные. За исключеніемъ Михаила Павловича —человѣка добраго, но позволявшаго себѣ зачастую не совсѣмъ вѣжливыя выходки и любившаго щеголять былымъ Гатчинскимъ капральствомъ, — всѣ остальные члены Императорской семьи, — воспитанные Николаемъ I-мъ, — являли собою примѣръ сдержанности, привѣтливости, изящества и образованности. Строгость, власть, прерогатива и въ свѣтской жизни недвусмысленно проявлять свое благоволеніе или свое неудовольствіе — принадлежали только самому Царю; остальные члены Семьи могли выказывать лишь благость и любезность и обязаны были служить для другихъ образцами дисциплины и строгаго исполненія свѣтскаго, — какъ и всякаго другого, — долга. И это, увы, впослѣдствіи измѣнилось!

Одинъ изъ бывшихъ свѣтскихъ пріятелей моего отца, гр. Владиміръ Александровичъ Соллогубъ, авторъ извѣстнаго Тарантаса и другихъ повѣстей, и пріятель Пушкина (коего онъ былъ лѣтъ на восемь моложе) пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Петербургскій свѣтъ того времени обращался въ сущности вокругъ гостепріимныхъ и пышныхъ домовъ трехъ фамилій: Нарышкиныхъ, Строгановыхъ и Демидовыхъ.

Будучи по матери, рожденой Нарышкиной, въ близкомъ родствѣ со Строгановыми и съ богачами Демидовыми, отецъ

мой и его старшій братъ нашли, безъ всякаго труда и совершенно естественнымъ образомъ, свое опредѣленное мѣсто въ столичныхъ гостинныхъ. Для Петербургскихъ великосвѣтскихъ кумушекъ они были «Les fils de cette pauvre Varinka et de ce loup-garrou de Serge Nekludoff». Они были очень благовоспитаны, хорошо говорили по французски, охотно и изящно танцовали, прекрасно ѣздили верхомъ на отцовскихъ англійскихъ лошадяхъ; имъ было мѣсто на всѣхъ пріемахъ и балахъ, включая и тѣ, на которыхъ появлялся Дворъ, они были подходящими кавалерами самаго знатнаго круга; но — женихами они не считались и не были.

Какъ я имѣлъ уже случай говорить выше, къ Николаевскому вѣку закончился тотъ историческій общественный процессъ, въ силу коего представители средняго дворянства, выдвинутые какими нибудь благопріятными условіями, — службою, состояніемъ или придворнымъ фаворомъ, — сравнялись съ потомками прежней аристократіи княжескихъ и боярскихъ родовъ; для нихъ изобрѣтенъ былъ даже, — если не ошибаюсь съ Екатерининскихъ временъ, — терминъ «столбового дворянства». Но, чтобы чувствовать себя и быть въ дѣйствительности вполнѣ равноправнымъ членомъ высшаго общества, столбовому дворянину необходимо было, — кромѣ образованности и свѣтскаго лоска, — имѣть еще очень хорошее состояніе. Фамусовъ, — философъ нарочито практическій, — вполнѣ вѣрно опредѣляетъ эту практическую сторону свѣтскаго обихода, когда говоритъ:

У насъ ужь изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь:
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви, —
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви:
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!

Это Фамусовъ говорилъ про Москву; но въ Петербургѣ a fortiori, гдѣ знатный кругъ былъ въ то же время и вліятельнымъ правительственнымъ кругомъ, молодой человѣкъ, — а тѣмъ паче не завоевавшій себѣ еще блестящаго начала служебной карьеры или же особеннаго придворнаго фавора, — долженъ былъ обладать значительнымъ состояніемъ, чтобы быть вполнѣ ровнею своимъ титулованнымъ сверстникамъ или сыновьямъ видныхъ сановниковъ; и двѣ тысячи родовыхъ душъ, уже находящихся въ вашемъ обладаніи или безспорно вамъ предопредѣленныхъ, были именно минимальною мѣркою того, что въ свѣтѣ называлось «богатствомъ». Такимъ образомъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ считались, напримѣръ, очень желательными женихами Столыпины, Скарятины, Веневитиновы, принадлежавшіе по происхожденію къ рядовому провинціальному дворянству, но обладавшіе, — сверхъ надлежащаго лоска и образованія, — еще внушительнымъ количествомъ душъ и черноземныхъ десятинъ; «женихомъ» же былъ въ свое время и Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ; но сыновья его, считавшіеся знатоками чужихъ имѣній душахъ въ шестиста, да пожалуй еще и заложенныхъ, могли сдѣлаться «женихами» лишь со временемъ, когда обрисовалась бы вполнѣ успѣшно ихъ карьера; да и то должны были бы они, — по мнѣнію особъ опытныхъ и кумушекъ благожелательныхъ, — искать себѣ невѣстъ не на самыхъ верхахъ Петербургской знати, а либо среди дочерей богатыхъ провинціальныхъ помѣщиковъ, которыя принесли бы имъ душъ по тысченкѣ или и того болѣе приданнаго, либо среди особо покровительствуемыхъ Дворомъ фрейлинъ остзейскаго происхожденія, которыя подвизающимся на службѣ мужьямъ доставили бы и солидныя связи, и сильную протекцію, и отмѣнное умѣнье держать свой домъ и вести себя ровно такъ, какъ слѣдуетъ супругѣ человѣка, дѣлающаго большую карьеру.

Однако подобные толки и соображенія весьма мало занимали моего отца и его старшаго брата. Они и не думали еще о женитьбѣ и менѣе всего приходило имъ въ голову устраивать свою дальнѣйшую будущность путемъ выгоднаго брака. Петръ Сергѣевичъ, — легкомысленный и, подобно свое-

му дѣду Ивану Александровичу Нарышкину (на коего онъ поразительно походилъ лицомъ), страстный поклонникъ женской красоты и вѣчный плѣнникъ женскаго обаянія, видѣлъ въ свѣтской жизни своей лишь возможность находиться близко къ самымъ красивымъ и самымъ милымъ представительницамъ Петербургской знати, танцовать съ ними, смѣшить и забавлять ихъ, любоваться ихъ лицомъ, сложеніемъ, бѣлизною ихъ бюста и граціей ихъ движеній. Онъ, въ концѣ концовъ и гораздо позже, женился на дѣвушкѣ безъ состоянія и лишь издалека принадлежавшей къ столичной великосвѣтской средѣ, женился просто потому, что безъ ума влюбился въ ея «прелести», обладателемъ коихъ онъ могъ сдѣлаться лишь путемъ брака; эта миловидная дѣвушка была для него впослѣдствіи доброю, любящею и разумною женою.

Мой отецъ, представлявшій собою, во многихъ отношеніяхъ, типъ романтика того времени, влюблялся въ свѣтѣ платонически, всегда конечно въ дѣвушку и искалъ, прежде всего, такой же романтической взаимности. О женитьбѣ, а особенно о женитьбѣ по разсчету, онъ конечно и не помышлялъ. Въ свѣтѣ его преимущественно веселили «и блескъ и шумъ и говоръ баловъ»; онъ былъ еще очень юнъ и веселъ и танцовалъ охотно и хорошо.

Дѣдушка не особенно баловалъ своихъ сыновей средствами, да и былъ вполнѣ правъ въ этомъ отношеніи. Они жили дома на всемъ готовомъ; французу - портному и французу - шемизье, нѣмцу - сапожнику и русскому шляпошнику Чуркину, начинавшему входить въ моду, родитель платилъ по счетамъ не слишкомъ морщась; молодые люди, — въ свободное отъ службы время конечно — могли ѣздить верхомъ на отцовскихъ англійскихъ лошадяхъ, — Сергѣй Петровичъ даже поощрялъ это; — но деньгами имъ выдавалось всего по пятидесяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ каждому; дѣлать же долги, т. е. быть въ концѣ концовъ принужденнымъ обратиться къ грозному родителю съ просьбою уплатить долгъ, — значило идти навстрѣчу жесточайшему распеканію , заключеніемъ коего являлась нешуточная угроза услать провинившагося на нѣсколько мѣсяцевъ, а то и на годъ, на должность конторщика

въ Островъ. А Островъ было захолустное имѣніе въ самой глуши Боровицкаго уѣзда, куда ссылались провинившіеся дворовые, словомъ — дѣдушкина Сибирь! Впрочемъ отецъ мой, черезъ три мѣсяца по поступленіи своемъ на службу, могъ присоединить къ родительскому жалованью еще и свое, казенное, по должности старшаго помощника столоначальника — 37 рублей, 44 копейки ассигнаціями жъ.

Но на восемьдесятъ семь рублей, хотя бы и съ полтиною, — всетаки не раскутишься, и молодые Неклюдовы, искренно веселясь въ Петербургскомъ свѣтѣ, предохранены были недостаткомъ средствъ отъ кутежей въ модныхъ ресторанахъ и отъ обращенія съ столичными Фринами высшаго разбора и преувеличенной хищности. Къ тому-же, Боже упаси и помилуй, колибы дѣдушка узналъ, что одинъ изъ его сыновей вернулся домой ночью на-веселѣ! «Часто, разсказывалъ намъ отецъ, у насъ съ братомъ не оказывалось въ карманѣ двугривеннаго, чтобы съ блестящаго бала у Воронцовыхъ или у Демидовыхъ вернуться домой на извощикѣ; но мы, нимало тѣмъ не смущаясь, выбирали при разъѣздѣ карету безъ лакея на запяткахъ, ѣхавшую въ нашу сторону, и вспрыгивали, какъ уличные мальчишки, на заднюю ось. Иногда, кучеръ, замѣтивъ нашу продѣлку, начиналъ ругаться и старался достать насъ кнутомъ, — « et nous riions comme dés bossus ! c'était le bon temps çà ! »

Впрочемъ одни только танцы на балахъ и вечерахъ не могли безконечно тѣшить моего отца; живой, умный и довольно много читавшій, онъ черезъ годъ или два осѣлъ предпочтительно въ двухъ Петербургскихъ салонахъ, гдѣ собирались болѣе интимнымъ образомъ, и собирались преимущественно люди, интересовавшіеся не однѣми свѣтскими сплетнями, но и литературою, музыкою и даже политикою, — разумѣется внѣшнею и разумѣется въ духѣ, не уклонявшемся сверхъ мѣры отъ духа Высочайше установленнаго. Это были салоны Карамзиныхъ и Вьельгорскихъ.

Салонъ Карамзиныхъ, — дѣтей уже давно скончавшагося исторіографа, — т. е. его незамужнихъ дочерей Елизаветы и

Екатерины Николаевенъ и его двухъ сыновей, Андрея и Александра Николаевичей, описанъ довольно подробно въ упомянутыхъ уже мною воспоминаніяхъ графа Владиміра Александровича Соллогуба. Лермонтовъ читалъ тамъ свои новыя стихотворенія, Соллогубъ свои, тогда еще исключительно свѣтскія повѣсти и «провербы». Постоянно бывали въ гостепріимномъ домѣ двоюродный дядя моего отца Павелъ Николаевичъ Демидовъ со своею женою Авророю Карловною, рожденною Шерн-валь - Валленъ. Она была поразительно красива, и лишь только появилась въ свѣтъ, привезенная родителями изъ Финляндіи, какъ влюбила въ себя богатѣйшаго Павла Николаевича и вышла за него замужъ. Она держалась въ свѣтѣ съ умомъ, простотою и большимъ достоинствомъ. Послѣ ранней смерти мужа, отъ котораго она имѣла лишь одного сына , она вышла вторымъ бракомъ за красавца Андрея Карамзина. Изъ молодого поколѣнія у Карамзиныхъ бывали: кн. Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ, Софья Николаевна Батюшкова (рожденная Кривцова) съ мужемъ — братомъ поэта, — впослѣдствіи всегдашніе пріятели моихъ родителей, и другіе.

Пріѣзжалъ часто къ Карамзинымъ и Иванъ Петровичъ Мятлевъ, съ семьею коего семья моего отца была очень близка. Творецъ «Мадамъ де Курдюковой» нѣкоторыя изъ своихъ шуточныхъ стихотвореній, имѣвшихъ такой успѣхъ въ Петербургскихъ гостинныхъ, самъ переложилъ на музыку и ихъ часто пѣвали, — конечно также въ шутку, — пѣвцы любители; однимъ изъ таковыхъ былъ мой отецъ, обладавшій пріятнымъ пѣвучимъ басомъ. Мятлевъ говаривалъ даже, что безъ благосклоннаго содѣйствія Базиля Неклюдова онъ не можетъ представлять почтеннѣйшей публикѣ своихъ твореній. И до старости отецъ любилъ вспоминать и напѣвать «фонарики - сударики», «Приходитъ староста Пузанъ, съ нимъ двадцать мужиковъ» и другія произведенія давно уже сошедшаго въ могилу Ивана Петровича, — произведенія, хранившіяся у моего отца въ рукописяхъ, и которыя онъ при насъ охотно читалъ пріятелямъ и пріятельницамъ, помнившимъ Мятлева и старое время. Въ салонъ Карамзиныхъ Мятлева привлекало главнымъ образомъ частое появленіе тамъ прекрасной Наталіи Николаев-

ны Пушкиной, вдовы поэта, державшей себя, послѣ трагической смерти мужа, съ особою осторожностью и съ удвоеннымъ достоинствомъ, но впрочемъ всегда простой и привѣтливой въ обращеніи. Даже въ такіе пріятельскіе дома, какъ домъ Карамзиныхъ, она ѣздила не иначе какъ въ сопровожденіи тетушки Загряжской*), на постоянное присутствіе коей Мятлевъ комически жаловался въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ Пушкиной. Иванъ Петровичъ всю жизнь свою долженъ былъ быть въ кого нибудь безъ ума и безъ взаимности влюбленъ, и очередною любовью его въ тѣ годы была безподобная Наталья Николаевна. Самихъ же Карамзиныхъ, или вѣрнѣе обоихъ братьевъ Карамзиныхъ, онъ не особенно жаловалъ за ихъ высокомѣріе красавцевъ, избалованныхъ именемъ отца и фаворомъ у свѣтскихъ женщинъ. «Вчера встрѣтилъ я на улицѣ сыновей Кайданова», сообщалъ онъ какъ то въ свѣтѣ, «и можете себѣ представить: оба очень вѣжливо и первые мнѣ поклонились!». Для И. П. Мятлева, коего всѣ предки и родственники принадлежали, — сколько не припоминай, — къ самой богатой и родовитой придворной знати, — покойный исторіографъ всетаки оставался въ сущности не то профессоромъ, не то учителемъ исторіи, какимъ былъ, напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ, почтеннѣйшій Кайдановъ!

Изъ завсегдатаевъ Карамзинскаго салона отецъ мой наименѣе любилъ, или вѣрнѣе, вовсе не любилъ Лермонтова; онъ восхищался его стихами, но самая личность поэта была ему совсѣмъ не по душѣ. «Il était laid comme un poux!» говаривалъ намъ про него отецъ. Но вѣдь и Пушкинъ былъ некрасивъ? замѣчали мы ему. «Какая разница! отвѣчалъ онъ; у Пушкина каждая черта лица дышала умомъ, изяществомъ, благородствомъ, а когда онъ оживлялся и начиналъ говорить, то забылось бы даже уродство, если бы таковое дѣйствительно было его удѣломъ. А Лермонтовъ щеголялъ какимъ-то низменнымъ юнкерскимъ цинизмомъ, и весь умъ его въ обществѣ изощрялся лишь на то, чтобы кого-нибудь побольнѣе затро-

*) Екатерины Ивановны, уже упомянутой мною выше.

нуть, оскорбить, нарядить въ шуты, — и большею частью какого-нибудь простака или робкаго человѣка; рѣдко такого, кто бы далъ сдачи. Да, у него были чудесные глаза и, вѣроятно, внутри души — высокія чувства; но онъ эти чувства тщательно пряталъ отъ другихъ; а то, что онъ выставлялъ напоказъ, было еще некрасивѣе, чѣмъ его лицо!»

Салонъ Вьельгорскихъ (кстати, современники моего отца произносили эту фамилію: «Велеурскіе») также описанъ Соллогубомъ, женившимся на одной изъ дочерей Вьельгорскихъ. Объ этомъ богатомъ и знатномъ домѣ говоритъ также и Григоровичъ въ своихъ, къ сожалѣнію столь краткихъ запискахъ. Старикъ графъ Михаилъ Вьельгорскій, — одинъ изъ вельможныхъ полу-поляковъ, оставшихся вѣрными Николаю I-му въ 1830 году*); его супруга, рожденая герцогиня Биронъ, — въ то время Бироны Курляндскіе даже и у насъ считались «полу-владѣтельными», — его братъ Матвѣй — холостякъ, пользовались особымъ благоволеніемъ Николая I-го и Государыни и очень часто приглашались на интимные вечера и на партію картъ во Дворецъ. Дочери Вьельгорскія, тщательно и въ духѣ чистаго идеализма воспитанныя, были близкими подругами Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. При всемъ томъ, двери богатаго и знатнаго дома широко раскрывались передъ всѣми, кто съумѣлъ заслужить расположеніе или возбудить интересъ хозяевъ умомъ, талантомъ, или даже просто оригинальностью. Самъ графъ Михаилъ Юрьевичъ охотно принималъ у себя своихъ польскихъ соотечественниковъ и какъ-бы старался сблизить ихъ съ русскимъ обществомъ столицы; католическіе прелаты, умные салонные говоруны изъ французовъ и поляковъ встрѣчались у Вьельгорскихъ и со столичною знатью и съ русскими литераторами и учеными; оживленные споры часто происходили въ кабинетѣ хозяина. Оба брата — Михаилъ Юрьевичъ прекрасный скрипачъ, и Матвѣй Юрьевичъ замѣчательный віоленчелистъ и хорошій композиторъ — вносили въ эти собранія музыкальный элементъ и привлекали въ салонъ Вьельгорскихъ всѣхъ

---

*) Братья Вьельгорскіе были православными по матери, рожденой графинѣ Матюшкиной.

уже широко извѣстныхъ, равно какъ и дѣлавшихся извѣстными чрезъ ихъ просвѣщенное покровительство композиторовъ и исполнителей музыки. На музыкальныхъ вечерахъ у Императрицы Александры Ѳеодоровны братья Вьельгорскіе участвовали въ славномъ струнномъ квартетѣ: композиторъ Львовъ, — первая скрипка, Михаилъ Вьельгорскій — вторая, Матвѣй — віолончель и Ауэръ — альтъ.

Отецъ мой часто приглашался къ Вьельгорскимъ и остался на всю жизнь въ искреннихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ обѣими старшими ихъ дочерьми, Апполлинаріей Михайловной Веневитиновою и графинею Софіею Михайловною Соллогубъ; прелестный старшій братъ ихъ графъ Іосифъ Михайловичъ, воспитанный вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Престола Александромъ Николаевичемъ, умеръ 22 лѣтъ отъ роду; младшій же Михаилъ Михайловичъ скончался (холостой) въ 1855 году отъ тифа въ Севастополѣ, куда онъ посланъ былъ Государемъ, по собственному своему желанію, для организаціи помощи больнымъ и раненымъ (тогда Краснаго Креста еще не существовало). Изъ сверстниковъ отца у Вьельгорскихъ охотно обращались его свѣтскіе пріятели Александръ Яковлевичъ Скарятинъ и Давыдовъ-Граммонъ, прозванный такъ въ отличіе отъ массы другихъ Давыдовыхъ, его родственниковъ, такъ какъ мать его была дочерью французскаго графа de Grammont.

У Скарятина была сестра, красивая и обворожительная, большая подруга молодыхъ Вьельгорскихъ. Однажды она заболѣла и болѣзнь быстро приняла опасный оборотъ. Въ свѣтѣ уже говорили, что « la délicieuse Marie Skariatine se meurt! »; но положеніе больной къ счастію улучшилось; появилась надежда ее спасти. И вотъ тутъ то, и по этому поводу, Лермонтовъ написалъ свое прелестное стихотвореніе, доказывавшее сколько теплоты и нѣжности таилось всетаки въ душѣ поэта:

«Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
«Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ, и т. д.

Скарятинъ, хорошій музыкантъ, переложилъ стихотвореніе на музыку, и квартетъ любителей-музыкантовъ и пѣвцовъ, — въ томъ числѣ и мой отецъ, — исполнили эту пьесу въ первый разъ у Вьельгорскихъ.

Сорокъ лѣтъ спустя, помню я, какъ однажды въ Москвѣ, въ нашей гостинной, отецъ мой\преждевременно состарившійся отъ болѣзни, Скарятинъ, сѣдой какъ лунь и со своею вѣчною слуховою трубкою въ рукахъ, Давыдовъ - Граммонъ, еще подбадривавшійся, но не совсѣмъ крѣпкій на ноги, и, младшій изъ всѣхъ князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, перебирая воспоминанія о быломъ, заговорили и объ этомъ квартетѣ, и Скарятинъ, подойдя къ рояли, сталъ подъискивать аккорды своей давно забытой композиціи: ...«Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»...

— А помнишь ли, Базиль, знаменитую цезуру: «Срокъ ли приблизится...»? Вѣдь хорошо было, а?..

«Срокъ ли приблизится часу прощальному
«Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
«Ты воспріять пошли къ ложу печальному
«Лучшаго ангела — душу прекрасную...»

Эту заключительную строфу начали подпѣвать они уже вчетверомъ: — и дрожащіе голоса ихъ звучали, какъ старый разстроенный клавессинъ въ поблекшемъ залѣ заброшенной дѣдовской усадьбы...

Я говорилъ уже выше, что отецъ влюблялся въ Петербургскихъ свѣтскихъ барышень платонически; первою его любовью была Евдокія Андреевна Пашкова, дѣвица не особенно красивая, но умная, бойкая и умѣвшая собрать вокругъ себя нѣчто вродѣ собственнаго двора. Отецъ ея, тогда еще чрезвычайно богатый, держалъ въ Петербургскомъ имѣніи своемъ великолѣпную псовую охоту, и дичь, лихо ѣздя верхомъ и зная въ совершенствѣ всѣ законы и термины благородной забавы, проводила, во главѣ свиты поклонниковъ, цѣлые дни на конѣ, травя лисицъ и зайцевъ. Отецъ мой, любившій верховую ѣзду, но не жаловавшій псовой охоты и никогда не могшій привыкнуть къ отчаянному крику зайцевъ, попадающихъ на-зубъ борзымъ, — тѣмъ не менѣе рьяно участвовалъ въ этомъ времяпрепровожденіи. Вскорѣ однако очаровательница Евдокія вышла замужъ за дипломата Александра Борисовича Рихтера, съумѣвшаго плѣнить ея сердце, и отецъ мой, съ подобающей мелан-

холіей, но не безъ нѣкотораго облегченія, распростился навсегда съ міромъ борзыхъ, гончихъ, доѣжащихъ и выжлятниковъ.

Другая свѣтская любовь моего отца основана была уже не на охотѣ, а на музыкѣ. Въ это время возвратилась изъ-за границы и начала вывозить въ Петербургскій свѣтъ дочерей старинная пріятельница бабушки, княгиня Александра Григорьевна Лобанова - Ростовская, рожденная графиня Кушелева. Княгиня, очень маленькая ростомъ и весьма некрасивая, но слывшая еще очень богатою, и поэтому важная и всегда окруженная, имѣла и дочерей чрезвычайно низкорослыхъ и не блиставшихъ красотою, но превосходно воспитанныхъ, выдержанныхъ и неглупыхъ; изъ нихъ только одна была миловидна и обладала къ тому же дѣйствительно великолѣпнымъ голосомъ. Отецъ часто встрѣчался съ Лобановыми и въ домѣ своихъ родителей, и въ свѣтѣ, въ особенности же у Вьельгорскихъ, — участвуя иногда вмѣстѣ съ княжною Надеждою Алексѣевною въ исполненіи хоровыхъ пьесъ или квартетовъ, и влюбился въ ея голосъ, а, попутно, и въ нее самое. Но о женитьбѣ, конечно, не могло быть и рѣчи; къ тому же свѣтскіе сверстники и сверстницы и подраставшія сестры отца слишкомъ уже насмѣхались надъ необычайно маленькимъ ростомъ предмета его любви; такъ шутками и закончилась его вторая влюбленность. А вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ начало шевелиться въ его груди другое, новое чувство, которое онъ долгое время принималъ и старался принимать за дружбу, но которое мало-по-малу оттѣнялось нѣжностью и постояннымъ влеченіемъ думъ, болѣе присущими любви, нежели дружбѣ... Но объ этомъ — позднѣе...

Вмѣстѣ съ влюбленностью въ княжну Надежду Лобанову закончились и активныя выступленія отца въ сколько нибудь серьезныхъ музыкальныхъ исполненіяхъ. Обладая вѣрнымъ слухомъ, но не получивъ никакого музыкальнаго образованія, онъ остался до конца жизни любителемъ итальянской и романтической того времени музыки, предпочитая Листа Бетховену и любя больше всего красивые старые романсы и оперы Россини и Беллини. — Княжна Надежда Александровна

Лобанова вышла впослѣдствіи за англійскаго атташе посольства сэра Ораса Рамбольда, за иностранцевъ же вышли всѣ ея сестры, а широкая барская жизнь ея матери за границею не только унесла въ трубу значительное приданое этой послѣдней, но разстроила и Лобановское состояніе.*)

Въ 1841-мъ году прибыли въ Петербургъ изъ-за границы недавно обвѣнчанные двоюродный братъ моей бабки Анатолій Николаевичъ Демидовъ и принцесса Матильда Бонапарте, дочь бывшаго Короля Вестфальскаго Жерома. Петербургскій свѣтъ, — да и Дворъ, — съ изысканною привѣтливостью встрѣтили новобрачныхъ, тогда еще влюбленныхъ другъ въ друга и сіявшихъ счастіемъ**). Отецъ мой, — живой, остроумный и прекрасно говорившій по французски, — очень понравился своей новой тетушкѣ, которая облекла его въ свѣтѣ въ роль своего не то пажа, не то придворнаго кавалера. Только съ крестнымъ именемъ его она никакъ не могла помириться, убѣждая его перемѣнить это имя на имя «Эдгара», или «Родольфа», или, по меньшей мѣрѣ «Анатоля», какъ звался его дядюшка. «Mais voyons, mon cher, qui est-ce qui s'appelle donc—Bâsile», говорила она своимъ контральтовымъ голосомъ, растягивая букву а «Ce ne sont que les cochers de fiacre qui s'appellent Bâsile!» Но отецъ никакъ не могъ внять ея доводамъ и такъ остался на всю свою жизнь съ именемъ Василія, —именемъ, которое намъ всѣмъ стало столь дорого и мило... Супруги Демидовы довольно быстро разошлись характеромъ и разъѣхались, и отцу не привелось болѣе встрѣчаться съ Принцессою Матильдою.

Къ 6-му декабрю 1842 года, черезъ четыре года по поступленіи своемъ на службу, отецъ мой, — уже перешедшій въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, — пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера, что въ то время для молодого человѣ-

---

*) О братѣ лэди Рамбольдъ, князѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, также низкорослом и очень некрасивомъ, но одномъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ людей чисто русскаго пошиба, какихъ я когда либо встрѣчалъ, я буду — надѣюсь — имѣть случай говорить въ моихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Москвѣ.

**) Принцесса Матильда Бонопарте приходилась, по матери своей, рожденой принцессѣ Виртембергской, двоюродной племянницей Императору Николаю Павловичу.

ка, вращавшагося въ Петербургскомъ свѣтѣ, было чѣмъ-то вродѣ «Инвеституры» и во всякомъ случаѣ лестнымъ и пріятнымъ отличіемъ. Онъ присутствовалъ такимъ образомъ на зимнихъ блестящихъ выходахъ и празднествахъ Николаевскаго Двора и на церковныхъ выходахъ Страстной недѣли и Пасхальной заутрени во Дворцѣ. Въ то время и самый выносъ Плащаницы въ Страстную Пятницу обставленъ былъ придворною церемоніею въ Высочайшемъ присутствіи, причемъ кавалеры появлялись въ установленномъ траурѣ, а дамы въ траурныхъ платьяхъ съ длинными шлейфами. Одною изъ интересныхъ сторонъ церемоніи, — для любителей и знатоковъ, разумѣется, — было наблюдать, какъ подходили къ Плащаницѣ придворныя дамы и фрейлины: склонившись на колѣни передъ святынею, поднявшись на три ступени и приложившись, сойдя засимъ со ступеней и снова склонившись, и снова поднявшись, — онѣ, въ заключеніе, должны были сдѣлать полуоборотъ направо и, откинувъ длинный шлейфъ ножкою, присѣсть въ глубочайшемъ реверансѣ передъ Царственною Четою, стоявшею у правой стѣны храма; маневръ необычайно трудный, требовавшій многочисленныхъ репетицій, но который многія исполняли не только безошибочно, но и съ изяществомъ и граціей.

Въ іюнѣ 1842 года отецъ мой распрощался съ петербургскимъ свѣтомъ, будучи командированъ за границу.

Но кромѣ свѣтскихъ связей, въ петербургской внѣ-служебной жизни моего отца, играли значительную роль и родственныя его связи.

Его двоюродные братья, Николай Авдіевичъ Супоневъ, Василій Павловичъ Кутузовъ и ихъ сестры были настолько старше его, что съ ними у него не могло быть близости.*) Къ тому же Кутузовъ вскорѣ совершенно покинулъ Петербургъ.

В. П. Кутузовъ былъ блестящій кавалергардскій офицеръ, красивый и рослый, какъ и его отецъ, графъ Павелъ Васильевичъ. Прекрасный танцоръ, очень нравившійся свѣтскимъ дамамъ и барышнямъ, онъ былъ при этомъ благовоспитанъ, скроменъ и добродушенъ. Качества эти возбудили платоническое къ нему чувство въ сердцѣ, которое и современники и позднѣйшія поколѣнія всего менѣе могли бы считать способнымъ къ подобному сентиментальному увлеченію. Оставшаяся всю жизнь свою неуклонно вѣрною своему супружескому долгу и искренно любившая своего вѣнценоснаго супруга, Государыня Александра Θеодоровна, повидимому, всетаки имѣла въ душѣ уголокъ, гдѣ теплилась германская «швермерей», столь пышно цвѣтшая въ тотъ вѣкъ романтики, когда Принцесса Шарлотта Прусская покинула свою родину. Какъ мнѣ сказывали, въ собственноручномъ личномъ дневникѣ Государыни (который конечно никогда не былъ опубликованъ) неоднократно отмѣчаются встрѣчи ея на дворцовыхъ и свѣтскихъ празднествахъ съ «le beau chevalier garde», фамилія коего нигдѣ не упоминается. Этотъ «beau chevalier garde» и былъ молодой графъ Кутузовъ, который вѣроятно замѣтилъ чувство имъ внушенное, и самъ поддался этому чувству на почвѣ без-

*) Изъ сестеръ Василія Павловича графиня Ольга Павловна Голенищева-Кутузова была наиболѣе приближенною фрейлиною Императрицы Александры Θеодоровны. Въ цвѣтѣ лѣтъ внезапный тяжелый недугъ приковалъ ее — навсегда — къ одру болѣзни и страданій. Но это лишь еще болѣе укрѣпило связь ее съ Государыней, постоянно посѣщавшей больную въ ея фрейлинской квартирѣ, пожизненно за нею оставленной. Когда въ Зимнемъ Дворцѣ вспыхнулъ пожаръ, Государыня, какъ извѣстно, отказалась выѣхать въ Аничковскій Дворецъ, пока небудетъ перевезена туда, вслѣдъ за Августѣйшими дѣтьми, и флейлина ея, графиня Ольга Павловна. Въ воспоминаніяхъ лейбъ-медика д-ра Мандта о кончинѣ Императора Николая Павловича, я прочелъ между прочимъ, что, удостовѣрившись отъ Мандта о неминуемости и близости смертнаго своего часа, Государь приказалъ ему оповѣстить объ этомъ самолично прежде всего Императрицу и Наслѣдника Престола, затѣмъ остальныхъ членовъ Высочайшей Семьи и фрейлинъ Нелидову и Кутузову.

предѣльно - рыцарской преданности и молчаливаго восхищенія. Эти возвышенныя чувства были въ тѣ времена въ модѣ и иногда даже въ ходу. На одномъ изъ придворныхъ баловъ Николай Павловичъ, который быть можетъ и раньше что нибудь подмѣтилъ, увидалъ, что Государыня, какъ будто невзначай, уронила одинъ изъ цвѣтковъ, украшавшихъ ея корсажъ; и этотъ цвѣтокъ тутъ же поднятъ былъ молодымъ Кутузовымъ, бережно спрятавшимъ его на своей груди, подъ мундиромъ.

Этого было для Государя болѣе, чѣмъ достаточно. Черезъ день, въ приказѣ по Гвардейскому Корпусу значилось, что штабъ-ротмистръ Кавалергардскаго Ея Величества полка графъ Василій Голенищевъ-Кутузовъ, переводится «для пользы службы» штабсъ-капитаномъ въ Преображенскій Его Величества полкъ. Кутузовъ, прочитавъ приказъ, не вѣрилъ своимъ глазамъ, и старый графъ Павелъ Васильевичъ полетѣлъ во Дворецъ, чтобы испросить себѣ пріемъ у Государя и узнать, почему сынъ его сдѣлался предметомъ столь необычайнаго распоряженія. Государь принялъ своего генералъ - адъютанта какъ всегда милостиво, но на сѣтованія его, что сынъ, помимо всякаго своего желанія, долженъ покинуть полкъ, коимъ командовалъ нѣкогда его отецъ, и въ которомъ его самого любятъ и цѣнятъ, отвѣтилъ слѣдующими словами! «скажи твоему сыну, что день, когда въ Бозѣ почившій Братъ мой соизволилъ даровать мнѣ Преображенскій мундиръ, — былъ счастливѣйшимъ днемъ моей жизни. Пусть онъ это такъ именно и понимаетъ». Тогда Василій Павловичъ сшилъ себѣ мундиръ Преображенскаго полка, явился по начальству къ новому своему командиру, простился со своими старыми товарищами и явился на первый же разводъ Преображенцевъ въ присутствіи Государя. Но затѣмъ отпросился въ отпускъ въ деревню и оттуда уже, съ согласія своего отца, подалъ рапортъ съ прошеніемъ о чистой отставкѣ «по разстроенному здоровью». Николай Павловичъ очень разгнѣвался на этотъ поступокъ молодого Кутузова и, призвавъ графа Павла Васильевича, сказалъ ему между прочимъ: «Твой сынъ кинулъ мнѣ вызовъ! Ему придется въ этомъ раскаяться!» — Однако, нѣсколько времени спустя, разсудивъ вѣроятно, что отставка молодого

Кутузова и его исчезновеніе — на-долго — съ Петербургскаго горизонта въ сущности наилучшимъ образомъ разрѣшаютъ положеніе, Государь сложилъ гнѣвъ на милость, и случай этотъ отнюдь не отразился на отношеніяхъ его къ старому графу, ни на службѣ младшаго брата Кутузова, которая, напротивъ того, приняла какъ будто еще болѣе благопріятный оборотъ.*)

Графъ Аркадій Павловичъ, окончившій такъ же, какъ и старшій братъ, Царкосельскій Лицей, поступилъ не на военную, а сразу на гражданскую службу и дѣлалъ очень быструю карьеру. Будучи лѣтъ на десять старше моего отца, онъ однако охотно съ нимъ водился. Довольно красивый, блестящій, очень способный, — онъ страстно любилъ и понималъ музыку, постоянно принималъ у себя артистовъ и литераторовъ, давалъ

---

*) Графъ Василій Павловичъ Голенищевъ-Кутузовъ, женившійся въ сороковыхъ годахъ на графинѣ Софіи Александровнѣ Рибопьеръ, былъ лишь въ 1855 году, т. е. послѣ кончины Николая Павловича, принятъ вновь на службу и назначенъ командиромъ Кіевскаго гусарскаго полка, принимавшаго участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму. Флигель - адъютантъ Императора Александра II-го при коронаціи въ 1856 году, а нѣсколько лѣтъ спустя Генералъ-адъютантъ Его Величества, графъ Кутузовъ съ 1866 года и по кончину свою въ 1873 году, занималъ особо довѣренный и почетный постъ Генерала, состоящаго при особѣ Е. В. Короля Прусскаго (съ 1871 года Императора Германскаго). Берлинскій Дворъ имѣлъ такого же придворно-военнаго представителя при Русскомъ Дворѣ; это установлено было въ 1815 году и длилось до 1914-го! Сынъ графа Василія Павловича, графъ Александръ, занималъ впослѣдствіи ту же должность, а обѣ дочери, Марія и Аглая Васильевны, весь свой вѣкъ состояли фрейлинами, а затѣмъ камеръ-фрейлинами при Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая и личнымъ секретаремъ къ Себѣ взяла двоюроднаго брата ихъ, поэта графа Арсенія Аркадьевича Голенищева-Кутузова.

Что во всей этой исторіи наиболѣе, на мой взглядъ, характерно, это замѣчательная общественная и вѣрноподданническая дисциплина при этомъ выказанная. Даже мой отецъ не зналъ настоящей причины перемѣщенія графа Василія Павловича изъ кавалеріи въ пѣхоту. Въ свѣтѣ разсказывали, подъ шумокъ, будто бы Николай Павловичъ, приревновавъ успѣхи Кутузова у одной дамы, которая ему понравилась, прибѣгъ къ такому некрасивому пріему, сказавъ будто-бы: «Увидимъ, будетъ ли онъ пѣхотинцемъ также нравиться!»; но Отецъ не хотѣлъ этимъ розсказнямъ вѣрить. Я самъ узналъ подробность объ оброненномъ Государыней цвѣткѣ лишь очень недавно; и почти одновременно съ этимъ, лицо, имѣвшее въ рукахъ упомянутый дневникъ Александры Ѳеодоровны, разсказывало мнѣ, что въ этомъ дневникѣ часто упоминается, — въ теченіе нѣкотораго промежутка времени, — «le beau Chevalier garde» безъ имени. Восемьдесятъ лѣтъ это не выходило изъ Кутузовской семьи!

холостые вечера и ужины, за которыми вино лилось щедро, и лучшіе музыканты исполняли свои и чужія композиціи, иногда въ первый разъ. Мой отецъ конечно очень любилъ бывать на этихъ интересныхъ вечерахъ, гдѣ и онъ былъ желаннымъ гостемъ по своей заразительной веселости и отзывчивости на все прекрасное. Отецъ встрѣчалъ между прочимъ на этихъ вечерахъ графа Алексѣя Толстого, тогда еще юношу. Я помню, какъ отецъ, прочитавши впервые въ нововышедшемъ сборникѣ прекрасное стихотвореніе А. Толстого:

«Онъ водилъ по струнамъ. Упадали
«Волоса на безумныя очи, и т. д.

говорилъ намъ: «мнѣ сдается, что я былъ на этомъ самомъ вечерѣ, и видѣлъ и слышалъ все это. Это было у Аркадія Кутузова; Паганини (кажется онъ... а, быть можетъ и другой), дивно игралъ на своей чудной скрипкѣ, и жженка бѣглымъ голубымъ пламенемъ освѣщала его блѣдное лицо и наши восторженныя лица...». Позднѣе, въ пятидесятыхъ годахъ, отцу случалось у Кутузова же проводить вечера съ Листомъ, тогда пріѣхавшимъ въ Петербургъ и еще не аббатомъ. Листъ игралъ на этихъ вечерахъ великолѣпно, пилъ также славно и, часу въ четвертомъ, уѣзжалъ съ кое-кѣмъ изъ самой неугомонной молодежи и забубенныхъ артистовъ, къ цыганамъ. На слѣдующій день, на концертѣ, характерное, красивое лицо знаменитаго музыканта было покрыто, послѣ безсонной ночи, смертельною блѣдностью, и публика видѣла въ этой блѣдности непреложную печать генія (ибо въ то время Листъ считался именно геніемъ).

Къ концу пребыванія моего отца въ Петербургѣ, туда перебрались обратно изъ Москвы и Тучковы, вслѣдствіе назначенія почтеннѣйшаго Павла Алексѣевича статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Тучковскую молодежь отецъ уже знавалъ во время своихъ побывокъ въ Москвѣ; и его любили въ домѣ и старъ и младъ за его веселость и сердечность. Теперь отецъ сталъ часто бывать въ этомъ родственномъ и пріятномъ домѣ.

И вотъ между нимъ и его двоюродною сестрою Маріею Павловною возникла большая дружба, начавшая мало-по-малу принимать характеръ нѣжнаго обоюднаго расположенія. Особенно сильно захватило это чувство Марью Павловну. Cousinage - dangereux voisinage! Конечно о настоящемъ «романѣ» съ признаніемъ, перепискою и тому подобному, не было пока и рѣчи. Въ то время бракъ между двоюродными считался еще совершенно невозможнымъ и самая мысль объ этомъ отгонялась прочь молодыми людьми, боявшимися своихъ родителей, какъ боялся своего отца Базиль Неклюдовъ, или нѣжно любившими и почитавшими ихъ, какъ любила и почитала своего отца и свою мать Марія Тучкова.

Это начало идеальнаго и чистаго, но все же сулившаго возможныя бѣды романа разрѣшилось и пресѣклось бѣдою внезапною. Въ одно злосчастное весеннее утро группа молодежи, въ числѣ коей находились мой отецъ и его милая кузина, отправилась верхомъ на острова. Лошадь Маріи Павловны, чѣмъ-то вдругъ испуганная, понесла, сбила всадницу и потащила ее за запутавшуюся у сѣдла амазонку по лѣсной тропинкѣ. Отецъ мой, тотчасъ-же поскакалъ на перерѣзъ занесшейся лошади, но когда онъ настигъ ее и остановилъ, схвативъ подъ устцы, бѣдная Мари была уже безъ чувствъ и отъ ушибовъ, ею полученныхъ, она никогда не оправилась. У нея мало-по-малу развилась болѣзнь спинного хребта; она часто и тяжело страдала, постоянно лечилась и, обреченная своею болѣзнью на безбрачіе, сохранила къ моему отцу глубокое и нѣжное чувство, прекратившееся только съ ея кончиною. Вернувшись въ Петербургъ, уже женатымъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, отецъ часто посѣщалъ свою кузину, развлекалъ ее на одрѣ ея страданій, которыя она переносила съ терпѣніемъ и вѣрою, и закрылъ ей, наконецъ, глаза. Моя мать говаривала намъ про нее, что это было одно изъ самыхъ возвышенныхъ и чистыхъ существъ, которыхъ она когда либо знавала.

Часто также бывалъ мой отецъ у своей тетки Софіи Петровны Неклюдовой, пожилой дѣвицы, воспитывавшей дѣтей сво-

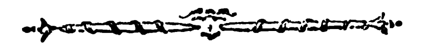
ей любимой покойной сестры Шеншиной, оставшихся съ 1831 года, по смерти ихъ отца генералъ-адъютанта Василія Никаноровича Шеншина, круглыми сиротами. Оба двоюродные брата отца — Николай и Юрій Васильевичи, и старшая сестра ихъ Александра Васильевна — были моложе моего отца, но ужасно любили его за веселость нрава и за шалости, коими будоражилъ онъ чопорный порядокъ, царившій въ домѣ Софіи Петровны, которая впрочемъ и сама къ «несносному Васинькѣ» благоволила.

Но надъ этимъ домомъ висѣлъ какой-то злой рокъ: тетушка нѣсколько лѣтъ спустя внезапно и безъ всякаго повода лишилась разсудка; — единственный примѣръ во всей Неклюдовской семьѣ. Николай Васильевичъ Шеншинъ, выдававшійся по уму и качествамъ человѣкъ, дѣлавшій блестящую военную карьеру и счастливо женатый, умеръ очень рано и неожиданно отъ тифа; братъ его, Юрій Васильевичъ, добродушный, но ограниченный и очень застѣнчивый, похоронилъ себя въ Воронежскомъ своем имѣніи; а Александра Васильевна, выйдя замужъ за Дмитрія Васильевича Хвостова, умнаго, пріятнаго и очень успѣшно служившаго, потеряла этого любимаго мужа также неожиданно и рано. Живя одиноко въ Москвѣ, она насъ часто посѣщала, ибо сохранила всю жизнь наилучшія чувства къ моему отцу и очень сдружилась съ моею матерью и съ жившей всегда у насъ тетею. Отъ Александры Васильевны Хвостовой я, въ юности, узналъ многое о прошломъ нашей Неклюдовской семьи. Кстати, она была поразительно схожа лицомъ съ портретами моего прадѣда, а ея дѣда, — Петра Васильевича Неклюдова.

Таковы были отношенія моего отца къ родственникамъ съ Неклюдовской стороны. Съ Нарышкинской — близкихъ родственниковъ у него въ Петербургѣ уже не было: вдова старшаго брата бабушки давно уѣхала съ дочерьми за границу; родители же бабушки, ея сестра и младшій братъ, жили, какъ уже выше мною сказано, въ Москвѣ. Отецъ дважды или трижды за первые годы своей Петербургской жизни ѣздилъ въ

Москву къ своему дѣду и бабкѣ Нарышкинымъ и одинъ разъ, въ 1840 году, провелъ у нихъ часть зимняго сезона, такъ какъ имѣлъ формальный и довольно продолжительный отпускъ. Въ Москвѣ онъ веселился и много ѣздилъ въ свѣтъ. Добрѣйшіе дѣдушка и бабушка все прочили ему разныхъ невѣстъ; но дѣло такъ и осталось при однихъ разговорахъ, ибо отецъ мой вовсе не считалъ нужнымъ устраивать загодя свою судьбу.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, читая нам̓ъ какъ-то вслухъ появившійся въ Русскомъ Вѣстникѣ романъ своего сверстника — но вовсе не пріятеля — Маркевича, «Типы Прошлаго», отецъ былъ пріятно пораженъ вѣрностью описанія типовъ и жизни той Москвы, которую и онъ знавалъ и называлъ намъ настоящія имена изображенныхъ лицъ. Теперь я всего этого не припомню.

Однако, свѣтскія и родственныя связи отнюдь не исчерпывали Петербургской жизни молодого Неклюдова. Припомнимъ, что онъ служилъ; а служба въ Николаевскія времена была богинею требовательной, приковывавшей своихъ жрецовъ, — даже юныхъ и свѣтскихъ, — никакъ не менѣе шести часовъ въ день къ ихъ департаментскому «столу».

Немедленно послѣ своего воцаренія, Императоръ Николай предпринялъ объѣздъ всѣхъ министерствъ и главныхъ правительственныхъ учрежденій столицы. Выѣхалъ онъ изъ дворца часу въ десятомъ утра, но куда бы ни подъѣзжалъ, заставалъ лишь стараго служиваго швейцара, да нѣсколькихъ мелкихъ чиновниковъ, начинавшихъ, разумѣется, метаться какъ угорѣлые; все начальство вплоть до столоначальниковъ включительно: «еще не изволили пріѣхать», или «должны быть часу въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ».

На другой же день разослано было во всѣ гражданскія учрежденія Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ служащіе были

на своихъ мѣстахъ неукоснительно въ 9 часовъ утра и оставались бы безотлучно на службѣ по меньшей мѣрѣ до трехъ часовъ; отъ начальства зависѣло требовать, по мѣрѣ надобности, и дополнительныхъ часовъ работы; но обязательные часы служебнаго присутствія никѣмъ не могли быть ни сокращены, ни измѣнены.. Черезъ нѣкоторое время послѣдовали новые объѣзды Императора и строжайшіе выговоры всѣмъ тѣмъ начальникамъ, коихъ онъ не засталъ на службѣ. И послѣ этого предписанный порядокъ водворился окончательно, и его соблюдали прежде всего главные начальники, «не вѣдающе дне и часа, въ онь-же» остановятся у подъѣзда присутственнаго мѣста хорошо знакомыя сани или дрожки и бодро выскочитъ изъ нихъ стройная и строгая фигура Государя. Такъ это и продолжалось до 18-го февраля 1855 года. Съ этихъ именно поръ упорядоченія присутственныхъ часовъ установилось окончательно въ столицахъ и обыкновеніе обѣдать въ четыре часа дня, что передъ тѣмъ дѣлалось лишь при Дворѣ, по заведенному Императоромъ Александромъ I-мъ порядку, и въ немногихъ свѣтскихъ домахъ.

Отецъ мой, выпущенный изъ Лицея, какъ я уже сказалъ, лѣтомъ 1838-го года съ чиномъ IX-го класса, опредѣлился на службу въ Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 28-го сентября того же года, а черезъ три мѣсяца былъ уже назначенъ на вакансію старшаго помощника столоначальника, что для юноши, еще не достигшаго двадцати лѣтъ, было весьма хорошимъ началомъ службы.

Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ былъ безспорно интереснымъ мѣстомъ служенія: въ немъ сосредоточивались земскія и городскія дѣла Имперіи, причемъ вся область дѣлъ и вопросовъ, предоставленная впослѣдствіи земскимъ и городскимъ выборнымъ учрежденіямъ, зависѣла тогда исключительно отъ центральной власти. Я не припомню, кто былъ въ то время Директоромъ столь важнаго Департамента; впрочемъ для отца моего личность этого главнаго начальника вполнѣ заслонялась личностью начальника ближайшаго, т. е. своего столоначальника. А столоначальникомъ этимъ былъ молодой, года на три лишь или на четыре

старше своего помощника, московскій студентъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Отецъ мой очень быстро сошелся и подружился со своимъ «начальствомъ», а черезъ него и съ его братомъ, Димитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, тогда еще молоденькимъ офицеромъ Генеральнаго Штаба (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ).

Братья Милютины принадлежали, по родительскому дому, къ московскому свѣтскому обществу. Оба, блестяще кончивъ въ Москвѣ гимназическій и университетскій курсы, поступили на службу въ Петербургъ, гдѣ у нихъ существовала могущественная протекція въ лицѣ генерала Киселева (впослѣдствіи графа), приближеннаго къ Императору Николаю I-му, недавно закончившаго свою знаменитую миссію въ Дунайскихъ Княжествахъ и стоявшаго уже на линіи министра. Но Киселевъ, — братъ матери Милютиныхъ, — былъ дядюшкою далеко не Фамусовскаго склада. Деньгами онъ никогда своимъ племянникамъ не помогалъ, а что касалося службы, то все содѣйствіе его ограничивалось тѣмъ, чтобы поставить племянниковъ сразу на такую дорогу, гдѣ они могли бы выказать свои способности, примѣнить полученное ими тщательное образованіе и, — при неослабномъ съ ихъ стороны трудѣ, — сдѣлаться видными и полезными дѣятелями на поприщѣ государственномъ. Засимъ сановный дядюшка справлялся, гдѣ слѣдовало, о томъ, оправдываютъ-ли его племянники возлагаемыя на нихъ надежды, а имъ самимъ присовѣтывалъ, время отъ времени, заняться разработкою того или иного интереснаго правительственнаго вопроса, и снабжалъ ихъ на то общими указаніями и необходимымъ матеріаломъ. Въ этомъ и заключалась вся его, — надо признаться, — незаурядная «протекція». Какъ извѣстно, оба старшіе брата Милютины, пущенные въ ходъ такимъ умнымъ и строгимъ образомъ, достигли самыхъ высокихъ степеней государственной службы и оказали безспорное вліяніе на весь ходъ правительственной жизни въ царствованіе Александра II-го.

Отецъ разсказывалъ намъ между прочимъ, что, помимо повседневной работы по своему «столу», Николай Милютинъ занятъ былъ разработкою вопроса о выборномъ городскомъ

управленіи и составилъ по этому предмету обширную и строго обоснованную записку, съ которою знакомилъ, по мѣрѣ ея возникновенія, и своего молодого помощника. Когда въ шестидесятыхъ годахъ появилось новое Городовое Положеніе, то отецъ въ этомъ положеніи узналъ, почти безъ измѣненій, записку, читанную ему въ началѣ сороковыхъ годовъ Милютинымъ. Впослѣдствіи, въ эпоху предшествовавшую освобожденію крестьянъ, мой отецъ разошелся съ Н. А. Милютинымъ по нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся окончательнаго упорядоченія взаимоотношеній крестьянъ и ихъ бывшихъ владѣльцевъ; но эти разногласія не отразились на ихъ личныхъ отношеніяхъ, остававшихся пріятельскими до сомой кончины Н. А. Милютина.

Департаментскій чиновничій міръ, въ который пришлось окунуться моему отцу, не оставилъ въ немъ ни особенно свѣтлыхъ, ни особенно неблагопріятныхъ воспоминаній. Главное впечатлѣніе, которое вынесъ мой отецъ, было скрытое, но коренное недовольство этого чиновничьяго міра своимъ положеніемъ и вообще существующимъ порядкомъ, недовольство тщательно скрываемое подъ личиною благонамѣренности, аккуратности и строгой дисциплины. Въ тѣ времена отъ чиновниковъ центральныхъ вѣдомствъ весьма многаго требовали: и прилежанія, и дѣловой опытности, и безпрекословнаго повиновенія, и внѣшней опрятности и благообразія, — а жалованіе было скудное и производство тугое. Старый типъ подъячихъ, умѣвшихъ создавать себѣ на службѣ болѣе или менѣе «безгрѣшные» доходы, начиналъ переводиться въ министерствахъ. Въ младшей чиновничьей средѣ, одни — сынки богатыхъ родителей, — служившіе только изъ-за чиновъ и крестиковъ, отлынивали, насколько могли, отъ «скучной матеріи» бумагомаранія и зубоскалили надъ трудящимся чиновничествомъ, раздражая этимъ поведеніемъ менѣе состоятельныхъ своихъ товарищей; другіе, — большею частью изъ университетской молодежи, — относились съ плохо скрываемою критикою къ самому порядку департаментской службы, къ ея излишнему формализму, чиноугодничеству, къ олимпійской спѣси высшаго начальства; и эти молодые товарищи дѣйствовали на своихъ сослуживцевъ какъ дрожжи на увѣсистую опару, кото-

рая еще не можетъ подняться, но, съ наступленіемъ благопріятной температуры, подымется, свалитъ крышку и выскочитъ изъ горшка. Когда строгія путы пержней Николаевской службы ослабли и пали, то въ средѣ Петербургскаго чиновничества своеобразный нигилизмъ шестидесятниковъ нашелъ себѣ немедленный отзвукъ, благопріятную почву и сознательное пособничество. Чтобы хорошенько понять это, стоитъ только прочесть — или перечесть — двѣ, три главы изъ любого романа столь знаменитаго нѣкогда Михайловскаго - Шеллера (читать болѣе было бы слишкомъ скучно!).

Товарищескія отношенія моего отца съ Милютинымъ не ограничивались службою. Иногда молодые люди, въ подходящей компаніи, не прочь были и покутить, не выходя однако изъ рамокъ вынужденнаго ограниченностью средствъ благоразумія, и еще менѣе изъ рамокъ той порядочности, которая именно въ такія минуты сказывается въ однихъ молодыхъ людяхъ и такъ внезапно исчезаетъ въ другихъ.

Однако, несмотря на пріятное сослуженіе съ Н. А. Милютинымъ, отцу моему началъ въ концѣ концовъ пріѣдаться чисто бумажный характеръ его дѣятельности. Онъ былъ, какъ я уже неоднократно говорилъ, живъ умомъ, характеромъ, воображеніемъ; смотрѣть на свою службу какъ на побочное занятіе, какъ на прѣсное, но необходимое пособіе его свѣтской жизни и свѣтской будущности, — онъ не умѣлъ и не могъ: этому претили всѣ убѣжденія, внушенныя ему его воспитаніемъ; онъ стремился служить усердно и сознательно; но желалъ бы найти въ службѣ болѣе живое и непосредственно интересное дѣло, связанное съ жизнью, а не отходящее отъ нея въ особую область. Онъ хотѣлъ въ сущности оставаться одновременно и свѣтскимъ человѣкомъ и полезнмыъ служакою, совмѣстить и въ этомъ отношеніи Нарышкинскій и Неклюдовскій атавизмы, состязавшіеся съ молоду и непрестанно въ его внутреннемъ я. Примиреніе болѣе чѣмъ трудное и на которое ушла впослѣдствіи вся его жизнь, принесшая ему столько незаслуженныхъ неудачъ и горькихъ разочарованій!

Совершенно естественнымъ образомъ взгляды моего отца обратились въ то время на дипломатическую службу за-

границею и преимущественно на ближнемъ Востокѣ, службу, съ коей связывали его кое-какія семейныя преданія, нарочито-же преданія о славной миссіи въ Константинополѣ графа Григорія Александровича Строганова. Дипломатическое поприще къ тому же считалось и болѣе блестящимъ съ свѣтской точки зрѣнія; и у отца были въ свѣтѣ товарищи, служившіе въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, какъ-то: Александръ Яковлевичъ Скарятинъ, братья Иванъ и Александръ Петровичи Озеровы и другіе, съ коими онъ былъ друженъ и которые тянули его къ себѣ.

Но личное влеченіе моего отца къ дипломатическому поприщу значило мало; для осуществленія столь важнаго шага необходимо было прежде всего заручиться согласіемъ строгаго родителя.

Сергѣй Петровичъ находился въ это время въ періодѣ болѣе счастливаго настроенія духа. Несчастный супружескій романъ его, романъ, пораждавшій столько бурныхъ сценъ ревности, столько гнѣвныхъ выходокъ и крупныхъ и мелкихъ ссоръ, смѣняемыхъ короткими нѣжными примирніями, — этотъ романъ въ духѣ Толстовской «Крейцеровой Соната», — давно закончился для него и для Варвары Ивановны не совсѣмъ обыденно, но гораздо счастливѣе, нежели для четы Позднышевыхъ. Послѣдній ребенокъ родился у Неклюдовыхъ въ 1830 году (сынъ Михаилъ), и между супругами установились съ тѣхъ поръ, какъ я уже говорилъ выше, приличное охлажденіе и довольно сносная совмѣстная жизнь. Дѣятельность въ Попечительномъ о бѣдныхъ Комитетѣ и управленіе обширною Обуховскою Больницею доставляли удовлетвореніе снѣдавшей моего дѣда жаждѣ дѣятельности; а ежегодныя изъявленія за эту безвозмездную службу Монаршаго благоволенія тѣшили его самолюбіе. На смѣну некрасивой и нелюбимой имъ дочери Ольги Сергѣевны, подростала и готовилась къ выѣзду въ свѣтъ писанная красавица Варвара Сергѣевна, его тогдашняя любимица. Словомъ Сергѣй Петровичъ обрѣлъ какъ будто бы хорошую колею, былъ менѣе недоволенъ, рѣже гнѣвенъ и часто довольно вѣрно напѣвалъ густымъ своимъ басомъ свой полковой маршъ Prenez garde Chevaliers gardes! или же «О

Richard, o mon Roy!» — славный старинный романсъ временъ Кобленца и монархическихъ коалицій.

Да, все это было хорошо; но всетаки приступать къ назрѣвшему вопросу слѣдовало съ большою опаскою!

Благопріятное стеченіе обстоятельствъ явилось на помощь моему отцу. Зимою 1842 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ предпринялъ, — не помню въ какихъ именно видахъ, — обозрѣніе нѣсколькихъ внутреннихъ губерній. Въ число чиновниковъ, прикомандированныхъ къ министру, попалъ и мой отецъ. Повидимому это обозначало отличіе по службѣ и такъ и принято было, какъ самимъ молодымъ чиновникомъ, такъ и его родителями. Очень быстро, какъ бы съ высоты, производилось министерское обозрѣніе. Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, человѣкъ образованный, съ характеромъ и съ незыблемыми принципами чести, но, въ противуположность своему брату Сергѣю Григорьевичу, чрезвычайно высокомѣрный и скорѣе поверхностый, держался во время своего объѣзда съ олимпійскимъ величіемъ и не снисходилъ къ низменной сути губернской жизни и провинціальныхъ отношеній; тѣмъ не менѣе, именно въ виду необычайной быстроты объѣзда, всѣ, начиная съ самого министра, не имѣли свободной минуты, а младшіе чиновники не отходили отъ письменнаго стола часовъ по двѣнадцати въ сутки.

Когда министръ, вернувшись въ столицу, подалъ всеподданнѣйшій докладъ о своей поѣздкѣ и представилъ нѣкоторыхъ изъ сопровождавшихъ его лицъ къ наградамъ, — то, къ удивленію Неклюдовыхъ, имени моего отца въ спискѣ наградъ не оказалось, а между тѣмъ и онъ самъ, и его присные были увѣрены, что «le cousin Stroganoff» воспользуется этимъ случаемъ дабы доставить своему родственнику камеръ-юнкерство. При первой же встрѣчѣ съ графомъ Александромъ Григорьевичемъ дѣдъ мой попросилъ его сказать ему откровенно, были ли онъ доволенъ во время поѣздки его сыномъ, и не пренебрегалъ ли тотъ работою, ибо только этимъ можетъ онъ объяснить отсутствіе ожидавшагося награжденія.

Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ

(1772—1858)

(по литографіи съ портрета кисти Штейбена)

— Я былъ очень доволенъ Базилемъ, — отвѣчалъ графъ, — онъ работалъ, какъ и другіе, — быть можетъ даже больше другихъ. Я конечно легко могъ бы доставить ему крестикъ въ петлицу; полагаю, что ни Вы, ни онъ самъ этимъ не дорожите? Но если бы я представилъ его, по этому случаю, къ камеръ - юнкерству, то всѣ бы стали говорить, что я это сдѣлалъ потому что онъ мой племянникъ. А этого я не хочу.»

Дѣдушка могъ отвѣтить на это, что, при подобныхъ воззрѣніяхъ, лучше было бы со стороны графа вовсе не принимать своего родственника подъ свое начальство, но воздержался отъ всякаго отвѣта и предпочелъ окончательно и безповоротно обидѣться на своего сановнаго родственника, « **qui se croit issu de la cuisse de Jupiter !** »

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, Строгановское родство оказалось чѣмъ то вродѣ знаменитаго копья въ легендѣ о св. Гралѣ, коего древко залечивало раны, нанесенныя остріемъ.

Когда бабушка прилетѣла съ своей стороны къ дядюшкѣ, графу Григорію Алксандровичу, чтобы жаловаться ему на черезчуръ древне-римскія воззрѣнія графа Александра Григоріевича, то старикъ спросилъ ее, почему Сергѣй Петровичъ такъ дорожитъ службою сына въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ? Не лучше-ли было бы перевести его, пока еще не поздно, на службу дипломатическую, къ которой Базиль, — какъ кажется ему, старому дипломату, — весьма и весьма пригоденъ. «Пусть Сержъ поговоритъ со мною объ этомъ при случаѣ». Сергѣй Петровичъ не преминулъ конечно посѣтить стараго графа, и тотъ повторилъ ему свое мнѣніе. На замѣчаніе дѣдушки, что дипломатическая служба представляетъ для молодого человѣка, — въ сущности небогатаго, — искушеніе чрезмѣрныхъ расходовъ, графъ отвѣтилъ, что эта опасность будетъ избѣгнута, если сынъ его попадетъ на заграничную службу на Востокъ, гдѣ къ тому же и дѣло живѣе и интереснѣе. Въ заключеніе старикъ изъявилъ готовность поручить молодого Неклюдова своему бывшему сослуживцу, Начальнику Азіатскаго Департамента, Льву Григорьевичу Сенявину.

Упоминаніе о Сенявинѣ окончательно склонило Сергѣя Петровича въ пользу прдложеній графа. Онъ и самъ хорошо

зналъ Сенявина по свѣту и по Англійскому Клубу, любилъ его содержательный разговоръ, часто сходился съ этимъ «молодымъ человѣкомъ» (Сенявину было тогда лишь подъ 40 лѣтъ) во мнѣніяхъ и очень радъ былъ поручить сына такому дѣльному и симпатичному начальнику.

Такимъ образомъ, къ великой радости моего отца, быстро и удачно рѣшился вопросъ о его переходѣ на дипломатическую службу. Въ іюнѣ 1842 года онъ былъ переведенъ въ Азіатскій Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ на должность чиновника особыхъ порученій VIII-го класса. Сенявину онъ, съ перваго же ему представленія, пришелся по душѣ. Этотъ богатый, матерой русскій баринъ, и въ то же время умный, образованный и дѣятельный высшій чиновникъ, охотно подбиралъ себѣ въ Департаментъ молодыхъ людей хорошаго общества, но развитыхъ, способныхъ, готовыхъ къ работѣ и дѣйствительно интересующихся своимъ родомъ службы. Въ отцѣ моемъ онъ, съ перваго же знакомства, усмотрѣлъ наличность этихъ качествъ, и съ тѣхъ поръ, какъ въ качествѣ Начальника Азіатскаго Департамента, такъ и позднѣе въ качествѣ Товарища Министра, былъ и остался его неизмѣннымъ благожелателемъ и покровителемъ.

Послѣ перваго знакомства съ дѣлопроизводствомъ Департамента, отецъ былъ привлеченъ къ участію въ особой работѣ предпринятой по мысли Сенявина. Прошедши, подъ руководствомъ Милютина, черезъ хорошую школу редакціи и осмысленнаго отношенія къ дѣлу, отецъ весьма успѣшно справился съ порученною ему частью работы, которая въ своемъ цѣломъ удостоилась Высочайшаго вниманія и одобренія. 6-го декабря 1842 года молодой Неклюдовъ, по ходатайству Сенявина и по представленію Вице-Канцлера, пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, а весною 1843 года былъ откомандированъ «для занятій» въ Россійско-Императорскую Миссію въ Афинахъ, гдѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, занялъ мѣсто младшаго секретаря.

Въ апрѣльскій вечеръ 1843 года коляска, запряженная тройкой ямскихъ, погромыхивавшихъ бубенцами, стояла у подъѣзда дома Неклюдовыхъ на Гагаринской набережной. Послѣ семейнаго обѣда, благословенья иконою, послѣднихъ нотацій родителя, объятій и поцѣлуевъ, молодой Неклюдовъ въ дорожной формѣ (прежде иначе не ѣздили) вскочилъ въ коляску и быстро отъѣхалъ отъ родительскаго дома. Онъ чувствовалъ себя впервые совершенно «взрослымъ», независимымъ; онъ ѣхалъ за-границу, — что тогда для молодежи было на-рѣдкость, — ѣхалъ въ далекія, лучезарныя страны, о которыхъ давно уже мечталъ; и все это должно было наполнять его душу радостною бодростью. Но, какъ вѣрно замѣтилъ Левъ Толстой, а передъ нимъ еще и Данте, — мысли путника, въ первые часы послѣ отъѣзда въ дальнюю дорогу, продолжають витать вокругъ оставленныхъ имъ друзей и всей обстановки старой жизни и старыхъ мѣстъ; и лишь на второй или третій день обращаются эти мысли къ далекой цѣли путешествія.

Era gia l'ora che volge il disio
Ai naviganti, e intenerisce il cuore
Lo di ch'han'detto ai dolci amici addio;
E che lo nuovo peregrin' d'amore
Punge, se ude squilla di lontano
Che paia il giorno pianger' che si muore...*)

Свѣтлый апрѣльскій вечеръ облекалъ оранжевымъ цвѣтомъ легкія, какъ бы однимъ мазкомъ кисти набросанныя облака на блѣдно-голубомъ Петербургскомъ небѣ и золотилъ послѣднимъ отливомъ и знакомыя вывѣски магазиновъ и купола большихъ храмовъ и свѣтло-бронзовыя волны Невы; легкая, чуть-чуть сверкающая пыль стояла въ воздухѣ надъ улицами, которыя уходили,—казалось,—въ такую неизмѣримую даль, — даль нѣсколькихъ тысячъ верстъ предстоящаго пути... И вспомнилось вдругъ молодому путнику, что по-завчера, въ этотъ самый вечерній часъ, онъ сидѣлъ еще въ креслѣ, въ итальянской

---

*) Наступалъ уже тотъ часъ, что смягчаетъ сердца
И обращаетъ вспять желанья мореходовъ,
Сказавшихъ въ это утро «прости» своимъ милымъ;
Тотъ часъ, что любовью пронзаетъ новичка — путника,
Когда слышитъ онъ издали звуки колокола,
Оплакивающаго — такъ чудится ему — умирающій день...

оперѣ, и слушалъ мелодичную, романтическую музыку и пѣніе въ такомъ превосходномъ исполненіи... а вокругъ него были все знакомыя, дружескія, милыя лица... Да вотъ и сегодня, въ это самое время, несрвненная Schroeder - Devrient поетъ снова, — и поетъ въ Нормѣ!.. Моему отцу такъ живо это представилось, и такъ «пронзило» его, — именно пронзило, — и смутными грезами и любовью, что въ умѣ его вспыхнуло неодолимое рѣшеніе еще разъ испытать знакомое чувство отдачи всего себя волнѣ звуковъ и мечтамъ о всемъ томъ, что составляло еще вчера, — какъ казалось ему, — сущность и красоту его жизни...

И такъ какъ 24-хъ лѣтній Базиль Неклюдовъ удалялся отъ родныхъ мѣстъ не на Любекскомъ «пироскафѣ» какъ мадамъ де Курдюкова, и не на парусной ладьѣ какъ мореходы Данта, а въ дорожной коляскѣ (т. е. такъ, какъ уѣзжалъ на Кавказъ Оленинъ), — то, оставивъ уже за собою Московскую заставу, онъ вдругъ остановилъ ямщика, посулилъ ему богатый на-чай и, велѣвши повернуть оглобли, черезъ четверть часа подкатывалъ уже, — какъ былъ, — къ театру.

Выхвативъ у барышника кресло въ заднихъ рядахъ и пробравшись туда «яко тай», — чтобы не увидали его знакомые, — онъ сѣлъ на свое мѣсто въ ту самую минуту, когда занавѣсъ подымался надъ таинственнымъ друидическимъ лѣсомъ, коего маститые дубы — изъ крашенаго полотна и картона — начинали освѣщаться бутафорскою, — тогда еще даже и не электрическою — луною. — Прекрасная верховная жрица — солистка Королевско-Саксонскаго Двора г-жа Шредеръ-Девріентъ — выходила на сцену, опираясь на двухъ прелестныхъ дѣтей своихъ — воспитанницъ Трефилову и Степанову 7-ю, и за нею слѣдовали, при аккордахъ мелодичной, сладкой какъ запахъ цвѣтущихъ акацій музыки Беллини, другія бѣлыя друидессы и сѣдобородые, увѣнчанные таинственною омелою друиды. И вотъ полились чудныя, страстныя и торжественныя ноты знаменитаго голоса...

Casta Diva, chè inargenti
Queste antiche e ombrose Valli!..*)

*) Богиня чистая! О ты, что серебришь
Сіи тѣнистыя и древнія долины!..

пѣла, при водворившейся въ залѣ полной и сосредоточенной тишинѣ, пѣвица, — сама восторженная и всецѣло отдававшаяся воплощенію, романтическихъ героевъ своего времени... « J'ai pleuré comme un veau ! » разсказывалъ намъ какъ то объ этомъ отецъ. Но, раньше окончаія акта, выбрался онъ быстро изъ залы и изъ театра и вскочилъ въ свою дорожную коляску . «Пошелъ, ямщикъ, ходу!» И колеса снова загремѣли по булыжной мостовой опустѣвшихъ улицъ, надъ которыми начинали уже сгущаться короткіе весенніе сумерки.

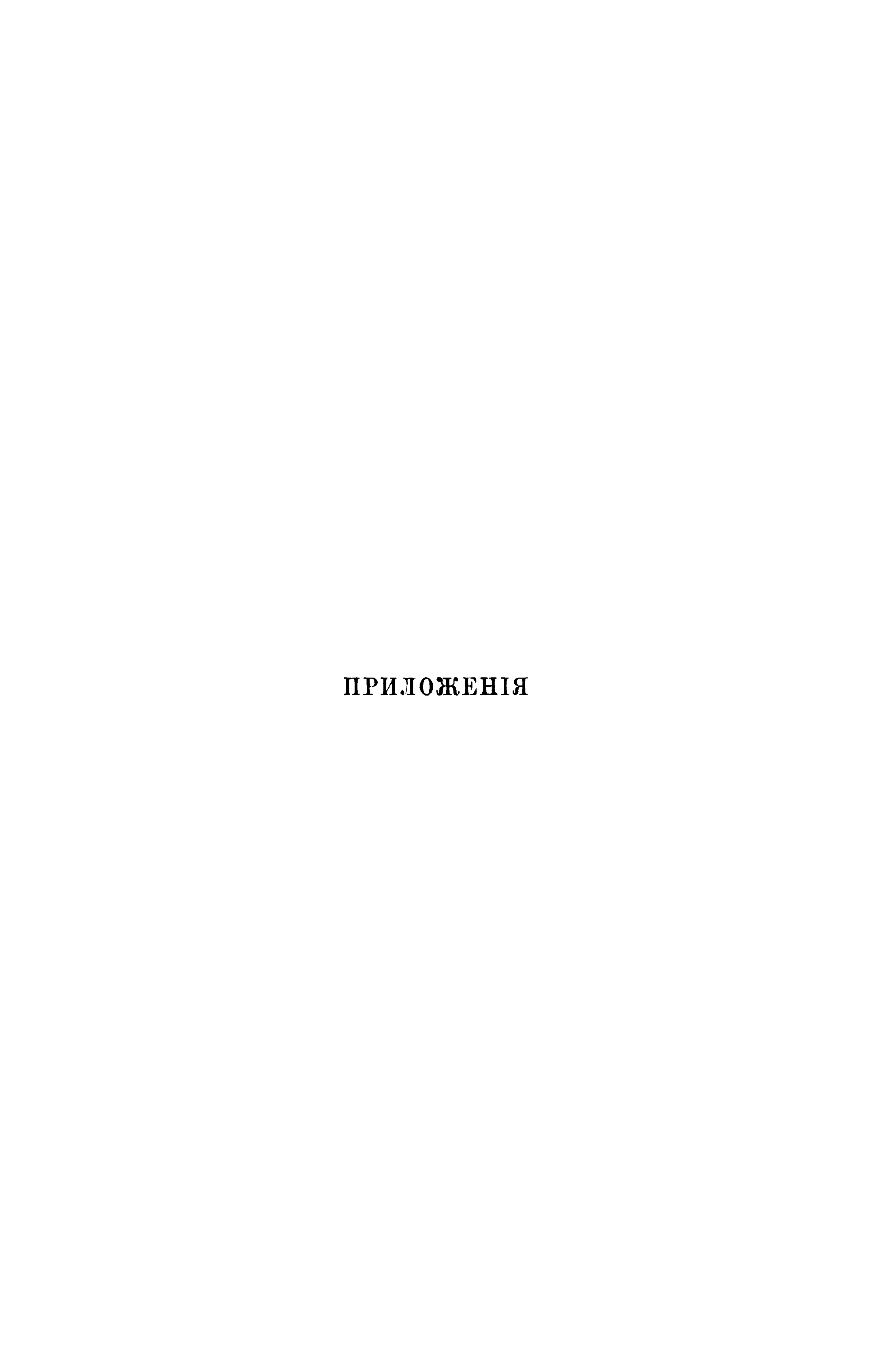
На третій день пути, за Валдаемъ, моего отца обступили уже новые образы, — образы того, что ожидало его въ Москвѣ, въ гостепріимномъ домѣ недавно овдовѣвшей бабушки; и думалось ему: кого-то онъ увидитъ изъ старыхъ Московскихъ пріятелей и пріятельницъ? А вдали смутно, но заманчиво рисовались — дальнѣйшій путь черезъ тучныя поля Малороссіи на воспѣтую Пушкинымъ и Туманскимъ Одессу, и морское плаваніе , никогда дотолѣ имъ не испробованное. «Погасло дневное свѣтило, на морѣ синее вечерній палъ туманъ»... вспомнилось ему... А тамъ за этимъ моремъ, мерещилась та картина, которой и Пушкину не удалось увидѣть: синія воды Босфора, окаймленныя мраморными дворцами, утопающими въ холмистыхъ садахъ, — и на фонѣ Золотого Рога и Пропонтиды, бороздимыхъ высокими бѣлопарусными кораблями, — золотой Царьградъ съ его безчисленными минаретами, лѣсомъ кипарисовъ и пестрою, яркою толпою чалмоносцевъ... И наконецъ, на самомъ концѣ странствованія — какіе-то старые мраморы поросшіе кактусами, лиловыя горы... и — на скалистыхъ утесахъ — клефты въ бѣлыхъ фустанеллахъ, съ длинными, длинными ружьями въ загорѣлыхъ рукахъ; — клефты и паликары, воспѣтые Байрономъ, и Ламартиномъ, а у насъ — Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Бенедиктовымъ.

Въ то время какъ отецъ мой ѣхалъ такимъ образомъ — и ѣхалъ, надо сознаться, не спѣша — къ своему посту, во главѣ нашей Афинской Миссіи стоялъ еще, въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра, Тайный Совѣтникъ Гавріилъ Антоновичъ Катакази, на старшей дочери коего — Маріи — мой отецъ впослѣдствіи женился. И отецъ и мать ея принадлежали, по происхожденію своему, къ той средѣ греческихъ выходцевъ, которые, со времени Екатерины Великой и въ царствованіе Александра I-го, проникли и въ Русское Дипломатическое Вѣдомство и въ Черноморскій флотъ нашъ и въ русскія войска и олицетворяли собою Восточный Вопросъ вообще и Екатерининскій «Великій Проектъ» въ частности.

Итакъ, дошедши вмѣстѣ съ моимъ отцомъ до той минуты, когда измѣнилась вокругъ него вся внѣшняя обстановка жизни и когда предопредѣлилась его личная судьба, мы должны обратиться къ личности моей матери и прежде всего обрисовать, — насколько это намъ возможно, — ту среду, изъ которой она вышла и въ которой коренились многія изъ чертъ ея незауряднаго ума и характера.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1

Происхожденіе Неклюдовыхъ отъ Радши

Родословный Сборникъ Руммеля и Голубцова оспариваетъ происхожденіе Неклюдовыхъ отъ Радши (черезъ Бутурлиныхъ) на слѣдующемъ основаніи: значащійся въ родословіи Бутурлиныхъ Григорій по прозвищу Неклюдъ, имѣвшій сыномъ Өедора, жилъ де въ концѣ XVI-го вѣка; между тѣмъ какъ значащійся въ родословіи Неклюдовыхъ Өедоръ, — сынъ яко-бы Григорія Неклюда, — получилъ свою вотчину, — согласно писцовымъ книгамъ, — отъ князя Андрея Борисовича Микулинскаго, жившаго во второй половинѣ XV-го вѣка.

Однако, при запутанности родословій даже самыхъ извѣстныхъ боярскихъ родовъ, чрезвычайно трудно установить точную хронологію рода. Такъ, по родословной Бутурлиныхъ (помѣщенной въ извѣстномъ сборникѣ князя П. Долгорукова) пра-прадѣдъ Григорія Дмитріевича Неклюда — Иванъ Андреевичъ Бутурля былъ воеводою Ивангородскимъ и «вломился въ Ругодевъ черезъ Колыванскія ворота» 11 мая 1558, а его родной дядя, бояринъ Михаилъ Ивановичъ, убитъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ въ великой битвѣ Куликовской (1380). Такимъ образомъ по этому родословію выходитъ, что родной племянникъ жилъ на 178 лѣтъ позднѣе своего дяди! Далѣе, по вышеприведенной родословной книгѣ князя Долгорукова, откуда черпалъ Руммель, — Григорій Бутурлинъ, сынъ Дмитрія Кривого, по прозвищу Неклюдъ, долженъ былъ жить, какъ уже выше указано въ концѣ XVI-го вѣка, а между тѣмъ въ Бархатной Книгѣ Иванъ Бутурлинъ, сынъ Өедора и внукъ Григорія Неклюда, показанъ окольничьимъ при Царѣ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ и при Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, т. е. въ концѣ XVII-го вѣка. Все это плохо вяжется!

Въ добавокъ ко всему этому, за послѣднее время сами Бутурлины, изслѣдовавъ внимательно родословіе свое, пришли къ заключенію, что ведутъ они свой родъ вовсе не отъ Радши, а отъ князя Коссожскаго Редеги (или Редеди), погибшаго въ единоборствѣ съ Мстиславомъ Храбрымъ, «иже зарѣза Редедю предъ полкы Косожьскыми». (Слово о Полку Игоревѣ).

Принимая все это во вниманіе, я отнюдь не настаиваю на происхожденіи Неклюдовыхъ отъ Бутурлиныхъ.

Напротивъ того, происхожденіе нашего рода отъ Радши, бывшее изстари семейнымъ преданіемъ и въ нашей тверской и

въ псковской вѣтви Неклюдовыхъ, да и въ нѣкоторыхъ иныхъ Радшинскихъ родахъ и подтвержденное оффиціальною геральдическою записью, должно быть принято; таково же было мнѣніе и внимательнаго генеалогическаго изслѣдователя графа А. Бобринскаго, который, въ сборникѣ своемъ «Дворянскіе Роды», (ч. I, стр. 232), вписавъ родъ Неклюдовыхъ въ число потомковъ Радши, упоминаетъ о сомнѣніяхъ г-на Руммеля, но полагаетъ, что «недомолвки и неясности въ родословной не касаются происхожденія Неклюдовыхъ отъ общаго предка Радши».

Такому производству неклюдовскаго рода отнюдь не противорѣчатъ и историческія данныя. Пра-правнукъ Радши, московскій бояринъ Акинѳій Великій, отъѣхалъ, какъ то отмѣчено въ лѣтописяхъ, къ врагу Москвы, Великому Князю Тверскому. Изъ его потомковъ одни вернулись впослѣдствіи на службу Великихъ Князей Московскихъ, собирателей Русской земли; другіе-же остались конечно въ Твери и были боярами у потомковъ святаго Вел. Князя Михаила Тверского; молодшіе же сыновья такихъ бояръ, каковыми были и предки Неклюдовыхъ, естественнымъ образомъ становились дружинниками молодшихъ членовъ Тверского великокняжескаго рода, выдѣленныхъ постепенно независимыми княжескими удѣлами. Изъ этихъ удѣльныхъ тверскихъ князей старшими (въ хронологическомъ порядкѣ) были князья Микулинскіе*), которымъ, какъ явствуетъ изъ писцовыхъ и разрядныхъ книгъ, и служили Неклюдовы.

---

*) См. Приложеніе № 2.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2

Роспись Князей Микулинскихъ

(по родословному сборнику Кн. Лобанова-Ростовскаго)

1. Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (жена: кнж. Евдокія Константиновна Суздальская).
2. Князь ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (жены: 1-ая кнж. Марія Кейстутіевна Литовская, 2-ая кнж. Евдокія Дм. Дорогобужская).

Оба эти князя, по смерти старшихъ родичей, возвратились послѣдовательно на Тверской столъ.

3. Князь ѲЕОДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (братъ предъидущаго и братъперваго князя Кашинскаго, Василія Михайловича). Князь Ѳеодоръ женился въ 1391-мъ году на дочери Московскаго боярина Ѳедора Кошки, родоначальника Романовыхъ.*)
4. Князь АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ (жена: кнж. Марія Ивановна Ярославская).
5. Князь БОРИСЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Отъ брата его, князя Ѳеодора, пошли въ 1461 году, князья Телятевскіе, — во второмъ поколѣніи уже не удѣльные.
6. Князь АНДРЕЙ БОРИСОВИЧЪ, передавшій свой удѣлъ Вел. Князю Московскому Іоанну III-му въ 1485 году, т. е. въ то самое время какъ Іоаннъ, обвинивъ послѣдняго Вел. Князя Тверского въ сношеніяхъ съ Литвою, присоединилъ Тверь къ своимъ владѣніямъ.

Три сына князя Андрея Борисовича, князья: Владиміръ Андреевичъ, Василій Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ (по прозванію Лугвица) были на Москвѣ боярами. Съ сыновьями князя Ивана Андреевича — князьями Дмитріемъ и Симеономъ Ивановичемъ (послѣдній передъ кончиною постригся и принялъ схиму) пресѣкается окончательно родъ князей Микулинскихъ.

О могилахъ князей Микулинскихъ (и Телятевскихъ) въ Михаило - Архангельскомъ Соборѣ въ Микулиномъ Городищѣ — см. «Провинціальный Некрополь» (изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича).

---

*) Этотъ бракъ положилъ начало склоненію Князей Микулинскихъ на сторону Москвы.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3 (родословная роспись потомковъ Григорія Захаровича Неклюдова) наход. въ концѣ тома.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4 Перечень лицъ погребенныхъ при храмѣ с. Горемыково, Старицк. уѣзда («Провинціальн. Некрополь»).

Неклюдова Авдотья Яковлевна, бригадирша, р. 23 февр. 1725 г., сконч. 20 мая 1797 г.

Неклюдова Пелагія Ивановна, рожденая Толстая, род. въ 1757 г. сконч. 23 апр. 1824 г. на 69-мъ году жизни. (Она была дочерью двухъ послѣдующихъ). Замужемъ за Павломъ Васильевичемъ Неклюдовымъ, сыномъ Вас. Ив-ча и Авдотьи Яковлевны.

Толстой Иванъ Семеновичъ, полковникъ, сконч. 26 декабря 1783 г.. «Сей памятникъ поставилъ почтенный «(sic) сынъ, Дѣйств. Статск. Совѣтникъ и Ка«валеръ орденовъ Святыя Анны первой степени «и Св. Іоанна Іерусалимскаго Командоръ Але«ксѣй Ивановичъ Толстой».

Толстая Акулина Андреевна, рожденая Неклюдова, род. 10 іюня 1724 г., сконч. 8 авг. 1791 г. (жена предъидущаго).

Толстой Алексѣй Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Сов., род. 4 марта 1754, сконч. 6 іюля 1827 г. (сынъ Ивана Семеновича и Акулины Андреевны).

Толстой Андрей Ивановичъ, Стаск. Совѣтн., род. 26 сентября 1756, сконч. 16 авг. 1830 (братъ предъидущаго).

Толстая Екатерина Петровна, урожденная Нестерова, сконч. 22 окт. 1833 (жена предъидущаго).

Фиглевъ Василій Михайловичъ, Стаск. Совѣтн. (Партизанъ 1812 года), род. въ 1779 г., сконч 9 мая 1849 (мать его была Анастасія Вас. Неклюдова, дочь бригадира Василія Ивановича и Авдотьи Яковлевны).

Фиглева Марья Андреевна (дочь вышеобозначенныхъ Андрея Ивановича и Екатерины Петровны Толстыхъ),

жена предъидущаго, род. 28 апрѣля 1796 года, скончалась 20 февраля 1885 г.

Фиглевъ Петръ Васильевичъ, род. 15 окт. 1827, сконч. 27 окт. 1884 (очевидно сынъ предъидущихъ).

По всему вѣроятію въ Горемыковѣ-же (не въ самомъ ли храмѣ?) находятся могилы бригадира Василія Ивановича Неклюдова и, по меньшей мѣрѣ, одного изъ сыновей его (напримѣръ, Михаила Васильевича) и незамужнихъ дочерей — Дарьи и Татьяны Васильевенъ. Но эти могилы въ «Провинціальномъ Некрополѣ» не показаны. Впрочемъ, можетъ статься, что эти могилы находятся на одномъ изъ Тверскихъ кладбищъ, такъ какъ и Василій Ивановичъ и Михаилъ Васильевичъ жили по зимамъ въ Твери (по должности губернск. предводит.).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5 Перечень остальныхъ Неклюдовыхъ, упомянутыхъ въ «Провинціальн. Некрополѣ».

Неклюдовъ Андрей Ивановичъ, прапорщикъ (безъ датъ) (?) г. Старица, въ оградѣ Симеоновской церкви.

Неклюдовъ Иванъ Ивановичъ, чиновникъ IX-го класса, (?) 8 марта 1840, село Глѣбово Старицк. уѣзда.

Неклюдовъ Василій Ивановичъ*), 19 іюня 1799 г., село Хранево, Старицк уѣзда.

*) Это очевидно не мой пра-прадѣдъ Бригадиръ Василій Ивановичъ Неклюдовъ, а подпоручикъ, сынъ его троюроднаго брата Ивана Ивановича (изъ вѣтви Петра Григорьевича Неклюдова) — смотри выше — № 3: «Роспись потомства Григорія Захарьевича Неклюдова».

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6

Роспись Толстыхъ и Фиглевыхъ
упомянутыхъ въ прилож. № 4

Толстой Иванъ Семеновичъ, полковникъ
Жена: Акулина Андреевна, рожд. Неклюдова (1724-1791)

Т-ой Алексѣй Ив. Д. С. С. (1754-1827)

Т-ой Андрей Ив. С. С. (1756-1830)

Пелагія Ив. (1757-1824) за Павломъ Вас. Неклюдовымъ

Марія Андреевна Толстая (1796-1885)
за Вас. Мих-мъ Фиглевымъ (партизаномъ 1812 г.)

Фиглевъ Михаилъ Петр-чъ (1748-1813)
Жена: Анастасія Васильевна, рожд. Неклюдова

Ф-въ Вас. Мих. (1779-1848) партизанъ
Жена: Марія Андр. Толстая (1796-1885)

Ф-въ Петръ Вас-чъ (1827-1884)

Ф-въ Сергѣй Мих-чъ
Жена: Александра Яковл. † 1839

Фиглевъ Михаилъ Серг-чъ † 1839
холостъ и бездѣтенъ

ПРИЛОЖЕНІЕ № 7

Сообщено Львомъ Владиміровичемъ Иславинымъ:

Въ Михайловскомъ архивѣ графа С. Д. Шереметева хранилась, между прочимъ, часть обширной переписки Сергѣя Александровича Соболевскаго, — острослова, въ юности пріятеля Пушкина, впослѣдствіи славнаго библіофила и московскаго оригинала, — съ другимъ холостякомъ и оригиналомъ, Иваномъ Сергѣевичемъ Мальцовымъ — богачемъ и однимъ изъ старѣшихъ членовъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Соболевскій — побочный сынъ Александра Николаевича Соймонова и Анны Ивановны Лобковой*) — былъ тщательно воспитанъ своею двоюродною теткою Софьею Петровною Соймоновою (1782 - 1851), по мужу Свѣчиной**) — извѣстною католическою писательницею; Соболевскій въ старости называлъ ее не иначе, какъ «maman». Шалунъ въ молодости, неистощимый острякъ и бойкій стихослагатель — большинство шуточныхъ, нецензурныхъ и крылатыхъ стиховъ Пушкина возникло при его дѣятельномъ сотрудничествѣ, — Сергѣй Александровичъ Соболевскій извѣстенъ между прочимъ и тѣмъ, что изъ Москвы сообщилъ друзьямъ о некрасивомъ поступкѣ Ивана Филипповича Вигеля, пославшаго одному изъ власть имущихъ лицъ въ Петербургѣ негодующее письмо противъ Чаадаева и его знаменитой статьи въ «Московскомъ Телеграфѣ», надѣлавшей столько шуму и навлекшей на Чаадаева столько непріятностей. Съ этого именно времени бывшіе пріятели, въ числѣ коихъ былъ и Соболевскій, отшатнулись отъ желчнаго автора извѣстныхъ записокъ***).

Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ началъ свою службу «архивнымъ юношей» въ Москвѣ, въ двадцатыхъ годахъ, вмѣстѣ съ

---

*) Внучка Степана Ивановича Игнатьева, коменданта Петропавловской крѣпости при Аннѣ Іоанновнѣ.

**) Софья Петровна разъѣхалась со своимъ мужемъ, генераломъ Свѣчинымъ, чуть ли не въ первые же мѣсяцы своего безплоднаго брака.

***) Я хорошо помню С. А. Соболевскаго въ Москвѣ, въ домѣ моихъ родителей во дни моего дѣтства и отрочества и не разъ говорю о немъ и привожу его шуточно - сатирическіе стихи въ моихъ Воспоминаніяхъ о Москвѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, которыя пишу въ настоящее время, но не знаю, успѣю ли закончить!

братьями Веневитиновыми, съ Ѳед. Степ. Хомяковымъ, Н. А. Мельгуновымъ, В. П. Титовымъ, братьями Кирѣевскими, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, А. И. Кошелевымъ и С. А. Соболевскимъ*). Въ 1828 году Мальцовъ былъ назначенъ секретаремъ нашей Миссіи въ Тегеранѣ и былъ свидѣтелемъ убіенія Грибоѣдова, спасшись самъ лишь благодаря находчивости своего персидскаго слуги. Въ 1830 году онъ былъ отозванъ изъ Тегерана въ Петербургъ «для употребленія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ», въ 1839 году состоялъ секретаремъ Миссіи въ Константинополѣ, а затѣмъ въ Римѣ, послѣ чего его большія частныя дѣла не позволяли уже ему принимать посты заграничные. Будучи большимъ пріятелемъ князя А. М. Горчакова, Мальцовъ оставался до своей кончины (1880 г.) членомъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и три раза (въ 1855-мъ, 1857-мъ и 1864-мъ годахъ) кратковременно управлялъ Министерствомъ.

Соболевскій и Мальцовъ были съ молоду закадычными друзьями и часто путешествовали вмѣстѣ. Во время одного изъ такихъ путешествій между ними, — оба были порядочные эгоисты и имѣли крайне неуступчивый нравъ, — произошла размолвка, поссорившая ихъ на всю жизнь. До этого они часто переписывались и корреспонденція ихъ оказалась настолько интересною, что побудила лѣтъ двадцать тому назадъ извѣстнаго архивнаго ученаго и генеалога А. П. Барсукова (автора обширнаго труда «Родъ Шереметевыхъ») подвергнуть ее тщательному разсмотрѣнію.

Въ письмѣ изъ Буюкъ-Дере, отъ 20 іюня 1839 года, Мальцовъ между прочимъ поручаетъ Соболевскому кланяться Неклюдовымъ, Карамзинымъ и прочимъ пріятелямъ. За свѣдѣніями о Неклюдовыхъ, Александръ Платоновичъ Барсуковъ об-

---

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ А. И. Кошелевъ разсказываетъ между прочимъ о волненіи, которое вызвали среди московской молодежи кончина Александра I-го, смутные слухи о готовящихся безпорядкахъ и, наконецъ, вѣсть о событіи 14 декабря 1825 года. Очевидно подъ вліяніемъ этой послѣдней вѣсти, старый Директоръ Московскаго Государственнаго Архива — Малиновскій, когда пришлось приводить къ присягѣ новому Императору архивныхъ чиновниковъ и «юношей», распорядился, чтобы сихъ послѣднихъ повели въ присутственное зало шеренгою по-парно и подъ экскортомъ архивныхъ инвалидовъ. Предосторожность эта оказалась излишнею: никто изъ молодежи никакихъ мятежныхъ выходокъ себѣ не позволилъ; только неисправимый шалунъ Соболевскій, слѣдуя коридорами архива со своими товарищами и отбивая шагъ, довольно громко и фальшиво пѣлъ:

Allons enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé! и т. д.

ратился къ Ивану Александровичу Всеволожскому*). И вотъ отвѣтъ сего послѣдняго:

«Съ величайшимъ удовольствіемъ все, что знаю и помню о Неклюдовыхъ, передаю Вамъ. Старикъ Сергѣй Неклюдовъ былъ женатъ на Варварѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Сестру Варвары Ивановны Елизавету Ивановну, старую дѣву, тоже помню. Жила постоянно въ Москвѣ подъ прозваніемъ «Бѣдная Лиза» (повѣсть Карамзина). Старику Неклюдову принадлежалъ домъ на Гагаринской набережной (нынѣ Серебрякова'). Въ верхнемъ этажѣ жило все семейство. Варвара Ивановна была въ свое время красавицей. Дѣтей было у нихъ много. Изъ сыновей извѣстенъ былъ Василій, — женатый на Катакази, — когда то Посланникъ въ Аѳинахъ**) при Королѣ Оттонѣ. Старшая дочь, Екатерина, была женой Министра Юстиціи Замятнина. Кромѣ Екатерины, у Неклюдовыхъ были дочери: 1) Ольга, — за генераломъ Падейскимъ, 2) Варвара — за Готманъ***), 3) Марія не замужемъ. Про нее Соболевскій сочинилъ двустишіе:

Создавъ огромныхъ пару глазъ,
Богъ къ нимъ, потомъ, придѣлалъ васъ****).

была некрасива. Кромѣ глазъ, Богъ одарилъ ее огромнымъ но-

---

*) И. А. Всеволожскій, въ молодости дипломатъ, перешелъ затѣмъ на службу при Дворѣ и занималъ долгое время выдающуюся и интересную должность Директора Имераторскихъ Театровъ. Образованный и остроумный человѣкъ, онъ обладалъ, между прочимъ, и талантомъ незауряднаго каррикатуриста. Одною изъ самыхъ удачныхъ и безпощадныхъ каррикатуръ его, — онъ писалъ ихъ акварелью, и обращались онѣ лишь въ Петербургскомъ свѣтѣ и въ нашихъ дипломатическихъ канцеляріяхъ, — было изображеніе одного изъ русскихъ государственныхъ людей того времени въ его преклонной старости: передъ вами въ старинномъ и грязномъ мѣдномъ шандалѣ — сальный огарокъ, уже на-половину расплывшійся по шандалу, — причемъ огарокъ и его оплывъ превосходно передаютъ старческое лицо К....а и его не совсѣмъ таки «святую сѣдину». Надъ макушкой головы дрожитъ небольшое желтое пламя нагорѣвшей грибомъ свѣтильни, а надъ этимъ пламечкомъ чья то неумолимая рука уже подняла мѣдный гасильникъ... Подъ рисункомъ надпись: « Les dernières lueurs du Chandelier ».

**) Невѣрно: Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ никогда не былъ Посланникомъ, а въ Афинахъ былъ Секретаремъ Миссіи. Посланникомъ при Королѣ Оттонѣ состоялъ, до 1843 года, тесть Василія Сергѣевича — Гавріилъ Антоновичъ Катакази.

***) Эманнуилъ Андреевичъ Готманъ, штабъ-ротмистръ Кавалергардскаго полка.

****) Цитировано не вѣрно; настоящій текстъ былъ:
«Богъ создалъ пару чудныхъ глазъ
И къ нимъ въ придачу создалъ Васъ».

сомъ. Послѣдняя дочь была Казнакова («Лиза»), жена Иркутскаго Генералъ - Губернатора*). Кажется еще жива.

Варвара Ивановна Неклюдова считалась родственницей моей матери, рожденой Трубецкой, но родство по московской модѣ, т. е. седьмая вода на киселѣ. Кажется было тоже родство съ Иваномъ Сергѣевичемъ Мальцовымъ. Онъ часто у нихъ бывалъ, какъ и у насъ. Неклюдовы гостили у моей матери въ Рябовѣ по недѣлямъ. Какъ то неразлучно воспоминаніе о Неклюдовыхъ съ Мальцовымъ и Соболевскимъ. Въ 1849 году семейство мое переѣхало на заводы въ Пермь. Отецъ только дважды пріѣзжалъ въ Петербургъ. Мать же моя скончалась въ 1852 году и съ тѣхъ поръ близкія отношенія съ Неклюдовыми, Соболевскимъ и Мальцовымъ прекратились. Соболевскаго я встрѣчалъ два раза заграницею. Онъ наѣздомъ былъ въ Гаагѣ для свиданія съ Мансуровымъ, когда я служилъ при Миссіи въ Голландіи, а второй разъ въ Ниццѣ, въ 1861 году. Съ Мальцовымъ видѣлись довольно часто у кн. А. М. Горчакова. Одно время, въ отсутствіе кн. Горчакова, онъ управлялъ Министерствомъ.

«Ив. Всеволожскій».

Приписка Л. В. Иславина:

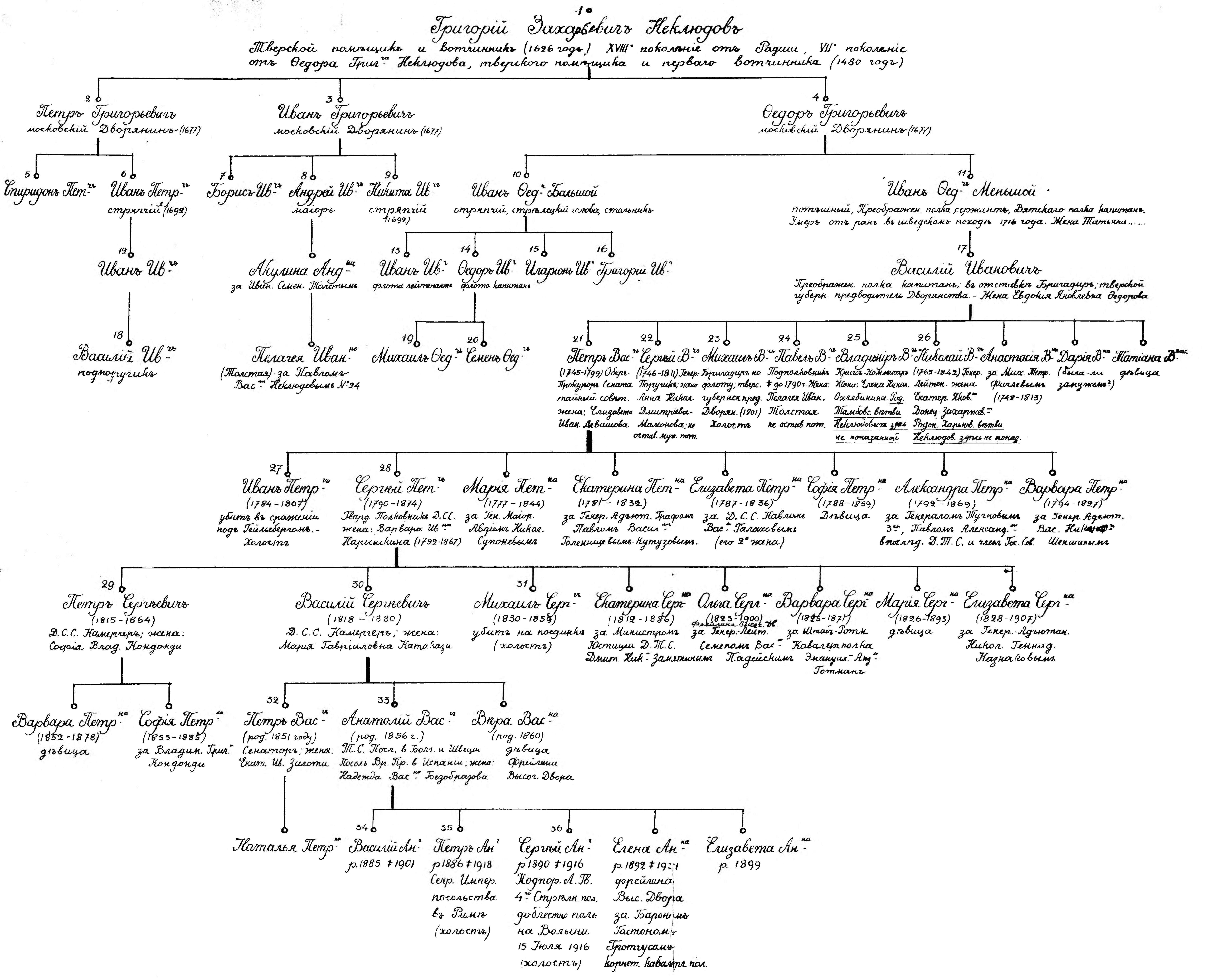
Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго (въ «Михайловскомъ») сохранились письма къ нему Варвары Сергѣевны, Маріи Сергѣевны и Елизаветы Сергѣевны Неклюдовыхъ, а также портретъ М. С. Неклюдовой, писанный карандашомъ**).

---

*) Не Иркутскаго, а Омскаго, т. е. Западной Сибири.

**) Вѣроятно копія съ одного изъ портретовъ карандашомъ снятыхъ въ 1843 году англичаниномъ Wright-омъ довольно извѣстнымъ граверомъ, съ Екатерины, Варвары, Маріи и Елизаветы Сергѣевенъ. Изображенія эти будутъ приложены въ снимкахъ къ 3-й части моего труда, гдѣ я болѣе подробно говорю о сестрахъ моего отца.

Авторъ.

1
Григорий Захарьевичъ Неклюдовъ
Тверской помѣщикъ и вотчинникъ (1626 годъ) XVIII поколѣніе отъ Радши, VII поколѣніе отъ Ѳедора Григ. Неклюдова, тверского помѣщика и перваго вотчинника (1480 годъ)
2 Петръ Григорьевичъ московскій дворянинъ (1677)
3 Иванъ Григорьевичъ московскій дворянинъ (1677)
4 Ѳедоръ Григорьевичъ московскій дворянинъ (1677)
5 Спиридонъ Пет.
6 Иванъ Петр. стряпчій (1692)
7 Борисъ Ив.
8 Андрей Ив. маіоръ
9 Никита Ив. стряпчій (1692)
10 Иванъ Ѳед. Большой стряпчій, стрѣлецкій голова, стольникъ
11 Иванъ Ѳед. Меньшой потѣшный, Преображен. полка сержантъ, Вятскаго полка капитанъ. Умеръ отъ ранъ въ шведскомъ походѣ 1716 года. Жена Татьяна ...
12 Иванъ Ив.
13 Иванъ Ив. флота лейтенантъ
14 Ѳедоръ Ив. флота капитанъ
15 Иларіонъ Ив.
16 Григорій Ив.
Акулина Анд. за Иван. Семен. Толстымъ
17 Василий Ивановичъ Преображен. полка капитанъ; въ отставкѣ бригадиръ; тверской губерн. предводитель дворянства. - Жена Евдокія Яковлевна Ѳедорова
18 Василій Ив. подпоручикъ
Пелагея Иван. (Толстая) за Павломъ Вас. Неклюдовымъ № 24
19 Михаилъ Ѳед.
20 Семенъ Ѳед.
21 Петръ Вас. (1745-1799) Оберъ-Прокуроръ Сената тайный совѣт. жена: Елизавета Иван. Левашова
22 Сергѣй В. (1746-1811) Генер.-Поручикъ; жена Анна Никол. Дмитріева-Мамонова; не остав. муж. пот.
23 Михаилъ В. Бригадиръ по флоту; тверс. губернск. пред. Дворян. (1801) Холостъ
24 Павелъ В. Подполковникъ † до 1790 г. Жена: Пелагея Иван. Толстая не остав. пот.
25 Владиміръ В. Кригсъ-Коммиссаръ Жена: Елена Никол. Охлѣбинина. Род. Тамбовс. вѣтви Неклюдовыхъ здѣсь не показанный
26 Николай В. (1762-1842) Генер. Лейтен. жена Екатер. Яков. Донец-Захаржевс. Родон. Харьков. вѣтви Неклюдов. здѣсь не показ.
Анастасія В. за Мих. Петр. Филлевымъ (1748-1813)
Дарія В. (была-ли замужемъ?)
Татіана В. дѣвица
27 Иванъ Петр. (1784-1807) убитъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. - Холостъ
28 Сергѣй Пет. (1790-1874) Гвард. Полковникъ Д.С.С. жена: Варвара Ив. Нарышкина (1792-1867)
Марія Пет. (1777-1844) за Ген. Маіор. Авдіемъ Никол. Супоневымъ
Екатерина Пет. (1781-1832) за Генер. Адъют. Графомъ Павломъ Васил. Голенищевымъ-Кутузовымъ
Елизавета Петр. (1787-1836) за Д.С.С. Павломъ Вас. Палаховымъ (его 2ᵃ жена)
Софія Петр. (1788-1859) Дѣвица
Александра Петр. (1792-1869) за Генераломъ Тучковымъ 3., Павломъ Александ. впослѣд. Д.Т.С. и член Гос. Сов.
Варвара Петр. (1794-1827) за Генер. Адъют. Вас. Ник…ъ Шеншинымъ
29 Петръ Сергѣевичъ (1815-1864) Д.С.С. Камергеръ; жена: Софія Влад. Кондонди
30 Василий Сергѣевичъ (1818-1880) Д.С.С. Камергеръ; жена: Марія Гавріиловна Катакази
31 Михаилъ Серг. (1830-1858) убитъ на поединкѣ (холостъ)
Екатерина Серг. (1812-1886) за Министромъ Юстиціи Д.Т.С. Дмит. Ник. Замятнинымъ
Ольга Серг. (1823-1900) за Генер.-Лейт. Семеномъ Вас. Гадейскимъ
Варвара Серг. (1825-1871) за Штабъ-Ротм. Кавалергъ полка Игнатіем Анд. Готманъ
Марія Серг. (1826-1893) дѣвица
Елизавета Серг. (1828-1907) за Генер.-Адъютан. Никол. Геннад. Казнаковымъ
Варвара Петр. (1852-1878) дѣвица
Софія Петр. (1853-1885) за Владим. Григ. Кондонди
32 Петръ Вас. (род. 1851 году) Сенаторъ; жена: Екат. Ив. Зиготи
33 Анатолий Вас. (род. 1856 г.) Т.С. Посл. в Болг. и Швеціи Посолъ Вр. Пр. в Испаніи; жена: Надежда Вас. Безобразова
Вѣра Вас. (род. 1860) дѣвица Фрейлина Высоч. Двора
Наталья Петр.
34 Василий Ан. р. 1885 † 1901
35 Петръ Ан. р. 1886 † 1918 Секр. Импер. посольства въ Римѣ (холостъ)
36 Сергѣй Ан. р. 1890 † 1916 Подпор. Л. Гв. 4. Стрѣлк. пол. доблестно палъ на Волыни 15 Юля 1916 (холостъ)
Елена Ан. р. 1892 † 192? фрейлина Выс. Двора за Барономъ Гастономъ Гротгусомъ корнет. кавалерг. пол.
Елизавета Ан. р. 1899

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Онъ-же въ преклонномъ возрастѣ, съ фотографіи шестидесятыхъ годовъ, между страницъ: 134-й и 135-й.

Варвара Ивановна Неклюдова, рожденая **Нарышкина** (1792-1867) съ портрета кисти Изабэ въ копіи художника Яремина, между страницъ: 152-й и 153-й.

Она-же въ двадцатыхъ годахъ XVIII-го **столѣтія,** съ миніатюры неизвѣстнаго мастера, между страницъ: 168-й и 169-й.

Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ (1818-1880), въ молодости, съ портрета, исполненнаго карандашомъ, между страницъ: 192-й и 193-й.

Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ (1772-1858), по литографіи съ портрета кисти Штейбана, между страницъ: 220-й и 221-й.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ